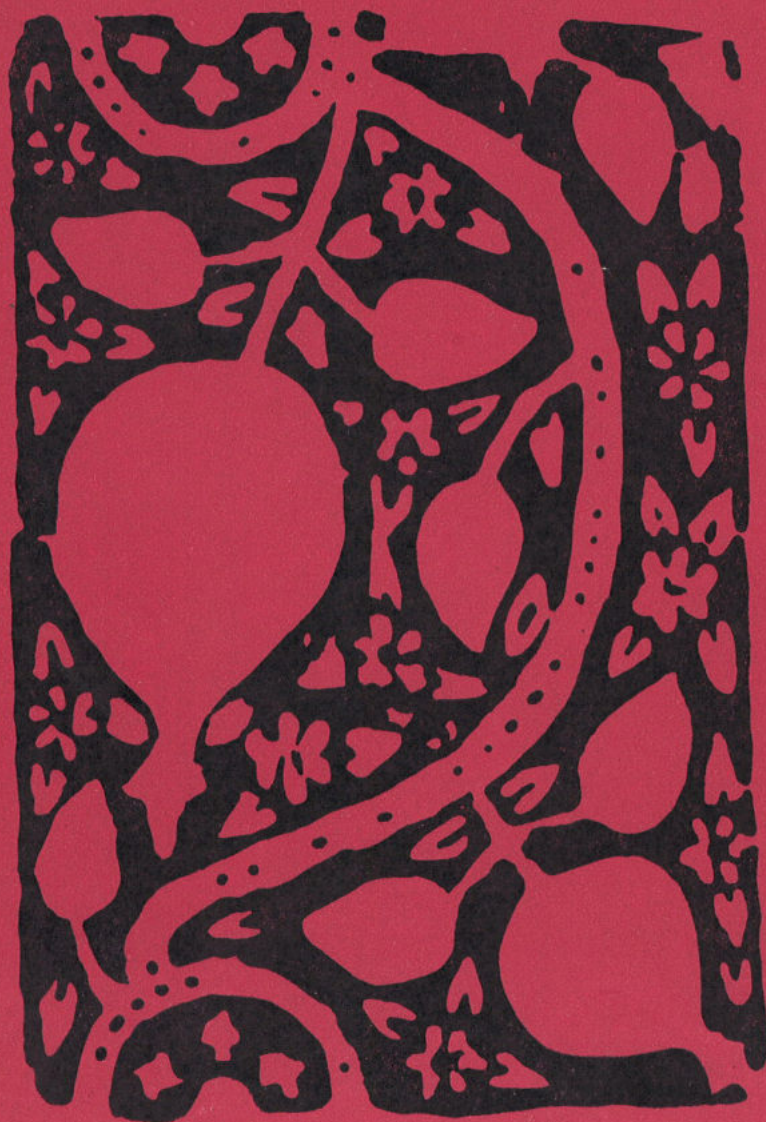

М. В. САЗОНОВА

**ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО
УЗБЕКОВ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

М. В. Сазонова

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО
УЗБЕКОВ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

Монография посвящена хозяйственной деятельности коренного узбекского населения Хорезмского оазиса. Впервые освещаются основные отрасли хозяйства узбеков Хорезма (в пределах Хорезмской области Узбекской ССР), вводится в научный оборот большой материал, полученный в результате полевых экспедиционных исследований, используются архивные данные, почерпнутые в Центральном государственном архиве Узбекской ССР (Ташкент) и в Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград). В исследовании выявлено своеобразие хозяйственной жизни потомков древнего населения оазиса, показано, что на протяжении длительного времени это население сохраняло глубокую самобытность своей культуры, что особенно ярко проявилось в технике ирригации и земледелия.

Издание может представить интерес не только для специалистов-этнографов, но и для историков, археологов и экономистов, а также для всех интересующихся историей культуры народов Средней Азии.

Ответственный редактор

С. М. АБРАМЗОН

Мария Васильевна Сазонова
ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО УЗБЕКОВ
ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

Утверждено к печати

Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. А. Карпова*. Художник *Г. В. Смирнов*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*. Корректор *С. И. Семглазова*

ИБ № 8576

Сдано в набор 2.06.78. Подписано к печати 29.09.78. М-15528. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 6=8.40 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8.58. Тираж 1350. Изд. № 6806. Тип. зак. № 379. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

С $\frac{10602-577}{042(02)-78}$ 157-78

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Литература, посвященная изучению интересующих нас тем, довольно обширна.

В 20-е годы XIX в. появилась книга «Путешествие в Туркмению и Хиву. . .»¹ Н. Муравьева, не утратившая своего значения как один из достоверных источников и до настоящего времени. Через 20 лет после этого М. И. Иванин написал статью со слов побывавших в плену русских солдат.² К записям очевидца следует отнести и «Описание хивинского ханства» Г. И. Данилевского.³

В результате хивинского похода 1873 г. была опубликована целая серия статей и трудов, знакомивших русского читателя с природой и условиями жизни и деятельности жителей Хорезмского оазиса.⁴

Итоги многолетних исследований экспедиции А. И. Глуховского нашли свое отражение в его книге.⁵ Немало места уделено Хорезму в фундаментальном труде по ирригации Туркестанского края Н. Дингельштедта.⁶ Обширный материал собрал и основательное знание дела проявил один из знатоков края Ор. Шкапский,⁷ изучавший правобережье Амударьи, но привлекавший данные и по Хивинскому ханству. Ценными являются военно-статистические описания, составленные представителями военной администрации края.⁸

Еще в предреволюционное время начал публиковать результаты своей работы С. К. Кондрашов, выпустив уже в 90-е годы фундаментальный труд, посвященный ирригации и земледелию Хорезма.⁹

¹ [Муравьев Н.]. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардии ген. штаба капитана Н. Муравьева, посланного в эти страны для переговоров, т. I—II. М., 1822. Рец. на книгу «Путешествие в Туркмению и Хиву г. Муравьева Павла Яковлева». — Сын отечества, 1822, т. LXXIX, с. 274—276.

² Иванин М. И. Сведения о Хивинском ханстве. — Мануфактура и торговля, 1843, № 4.

³ Зап. РГО, 1851, кн. 5.

⁴ См.: Каульбарс А. В. Низовья Амударьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. — Зап. РГО, 1881, т. 9; Краузе И. И. О хивинском земледелии. — Изв. РГО, 1874, т. X, № 1; Материалы для статистики Туркестанского края, вып. 4. СПб., 1876, с. 203—222; Кун А. 1) От Хивы до Газавата. — Изв. РГО, 1874, т. X, № 1, с. 223—230; 2) Культура оазиса низовьев Амударьи. — Там же, с. 231—248. (В свое время эти статьи печатались в газ. «Туркестанские ведомости»: 1873, №№ 2, 3, 6, 9, 11, 12, 14); Костенко Л. Н. Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении. — Военный сборник, 1874, № 4.

⁵ Глуховской А. И. Пропуск вод р. Амударьи по старому руслу в Каспийское море. СПб., 1893.

⁶ Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. II, ч. III. Современное состояние ирригации. СПб., 1895.

⁷ Шкапский Ор. 1) Амударьинские очерки. Ташкент, 1900; 2) Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях. М., 1900.

⁸ Гиршфельд [В. А.], Галкин [А. С.]. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I—II. Ташкент, 1902—1903; Лобачевский В. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. Ташкент, 1912.

⁹ Кондрашов С. К. 1) Орошаемое хозяйство и водопользование Хивинского оазиса. М., 1916; 2) Орошаемый Хорезм. Организация орошения территории и труда в дехканских хозяйствах низовьев р. Амударьи. М., 1931.

В советское время изучение ирригации и земледелия Хорезма было организовано в больших масштабах государственными учреждениями — Водхозом ВСНХ, Хлопкомом, Комитетом науки и др.¹⁰ К первым годам социалистического переустройства относятся публикации эконом-статистического характера, материалы по районированию и данные Всесоюзной переписи населения 1926 г.¹¹

Особое значение в деле исследования древней ирригации Хорезма и культурно-хозяйственных традиций имеют труды С. П. Толстова, его учеников и последователей.¹²

Существенным вкладом в науку явился фундаментальный труд Я. Г. Гулямова по истории ирригации Хорезма.¹³

Прямое отношение к изучаемой нами теме имеют статьи узбекских ученых И. М. Джаббарова и А. Садыкова.¹⁴ Нами использованы также некоторые архивные материалы из Центрального государственного архива УзССР (ф. 125) и Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде (ф. 183).

В работу включены материалы полевых исследований в Хорезмской области УзССР М. В. Сазоновой¹⁵ и Г. Н. Симакова.¹⁶

¹⁰ См.: Цинзерлинг В. В. 1) Орошение в бассейне Амударьи. М., 1924; 2) Орошение на Амударье. М., 1927; Юферев В. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925; Георгиевский Б. М. Южный Хорезм. Геологические и гидрологические исследования 1925—1926 гг. — В кн.: Геология УзССР, т. II. Л.—М., 1937; Вавилов Н. И. Возделываемые растения Хивинского оазиса. Ботанико-агрономический очерк. — Тр. по прикладной ботанике и селекции, Л., 1929, т. XX.

¹¹ См.: Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. Под ред. Ю. И. Пославского и Г. Н. Чердаева. Ташкент, 1922; Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2, ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926; Современный кишлак Средней Азии. Вып. II. Хорезм. Ханкинская волость. Ташкент, 1926; Материалы статистико-экономического обследования сельского хозяйства Хорезмского округа УзССР. Ташкент, 1930; Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. I. Самарканд, 1927; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XV. Узбекская ССР. М., 1928.

¹² Толстов С. П. 1) Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948; 2) По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1949; Толстов С. П., Андрианов Б. В. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. — КСИЭ, 1957, вып. XXVI; Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; ТХАЭЭ. Т. I. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг. М., 1952.

¹³ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957; Андрианов Б. В. (Рец. на кн.:) Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен. Ташкент, 1957. — СЭ, 1959, № 5, с. 181—183.

¹⁴ См.: Джаббаров И. М. Из истории техники и культуры земледелия южного Хорезма (конец XIX—начало XX в.). — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961; Садыков А. 1) Некоторые данные из истории орошения и водопользования в Хивинском ханстве. — Тр. САГУ. Нов. сер., вып. XС. Исторические науки, кн. 14. Ташкент, 1957; 2) Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX—начале XX в. Ташкент, 1965.

¹⁵ Материалы экспедиции 1971 г. в южный Хорезм по теме «Земледелие и ирригация». — Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920.

¹⁶ Материалы экспедиции 1971 г. в южный Хорезм по теме «Животноводство». — Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921.

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Хозяйство узбеков южного Хорезма характеризуется нами в пределах Хорезмской области Узбекской ССР.

К середине XIX в. Хивинское ханство было типичным феодальным государством с неограниченной властью хана. С установлением в 1873 г. русского протектората над ханством представитель царской администрации России, начальник Амударьинского отдела Сырдарьинской области Туркестанского края, осуществлял контроль за деятельностью хана и его администрации.

Структура и система управления ханством после присоединения его к России в 1873 г. не подверглись существенным изменениям. По-прежнему основной административной единицей в ханстве являлись хакимства во главе с правителем, хакимом, который назначался ханом или занимал этот пост в порядке наследования. Кроме двадцати хакимств, было два округа — Бешарык, или Багат, и Кият-Кунград, управлявшиеся наибями — старейшинами узбекских родов. Город Хива и его округ подчинялись непосредственно хану. Хакимства состояли из мечетей, в состав которых входили единичные усадьбы, связанные общими земельными и водными отношениями; аксакалы возглавляли мечети.

После национального размежевания Средней Азии в 1925 г. был образован Хорезмский округ, с 1938 г. — Хорезмская область УзССР, куда вошла территория оазиса, населенная в основном узбеками.

Земледелие и связанное с ним животноводство — древнейшие виды производственной деятельности населения Хорезмского оазиса. На протяжении тысячелетий многие поколения населения этого довольно изолированного оазиса выработали своеобразные земледельческие навыки, агрокультурные приемы и способы ведения животноводческого хозяйства, которые имели вместе с тем черты, общие с сельскохозяйственной культурой, свойственной в целом узбекскому народу.

Жаркий климат при малом количестве осадков вызвал к жизни и широкому распространению высокопродуктивное ирригационное земледелие, основные особенности которого в его хорезмском варианте также будут предметом нашего рассмотрения.

Т а б л и ц а 1
Городское и сельское население в Хивинском ханстве
(конец XIX в.)

Число городов и городских поселений	Число дворов		Число жителей		% населения	
	городского типа	сельского типа	городских	сельских	городских жителей	сельских жителей
22	5256	98 639	26 280	493 157	5.1	94.9

Примечание. Таблица взята из книги В. А. Гиршфельда и А. С. Галкина «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса» (с. 116).

Пути сообщения и местные средства передвижения использовались в целях обмена продуктами производства как внутри оазиса, так и вне его.

Товарные отношения и широкая сеть базаров способствовали оживленной торговле, в которую втянуты были не только местное оседлое население, но и скотоводческие народы окружающих степей и пустынь.

Население. Этнический состав и расселение. Общая численность населения ханства к концу XIX в. составляла 519 437 чел., из них оседлого 488 922 чел. (94%) и кочевого 30 515 чел. (6%).¹ Население городских поселений насчитывало 26 280 чел. (5.1%) (см. табл. 1). Плотность населения в Хивинском ханстве в разных его частях на конец XIX в. была различной (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2
Плотность населения в Хивинском ханстве
(конец XIX в.)

Название части района	Площадь в кв. верстах			Число дворов	Число жителей
	общая	оазиса	пустыни		
Южная	33 210	5210	28 000	65 600	394 574
Средняя	12 610	5430	7 180	31 000	186 450
Северная	8870	8870	—	11 000	65 020
Итого	54 690	19 510	34 180	107 600	646 044

Примечание. Таблица взята из кн.: Лобачевский В. Военно-статистическое описание Туркменского военного округа. Ташкент, 1912, с. 64.

По переписи 1926 г. население Хорезмской области составляло 314 155 чел., из них жителей городов и городских поселений было 29 305 чел., или 9.3% от общего числа, т. е. шло увеличение городских поселений в связи с общим развитием экономической жизни. Плотность населения была довольно значительной, в среднем 7.4 чел. на 1 кв. км, т. е. несколько меньше, чем в Бухаре (8.4 чел.), и почти в два раза больше, чем в б. Туркестанской республике (3.8 чел.). В южной части плотность была особенно значительной: так, в Хивинском районе она доходила до 70.5 чел. на 1 кв. км, в Ургенчском — 55.5 чел. При подсчете городского и сельского населения по Ургенчскому уезду на 1 кв. км приходилось 81.1 чел., Гурленскому — 45.1 чел.²

В этническом отношении население области являлось довольно однородным. Основную массу населения изучаемой нами части Хорезмского оазиса составляли узбеки, в сельской местности Гурлен располагались небольшие селения казахов Младшего жуза. Также незначителен был процент туркмен, обитавших в некоторых местностях левобережья Амударьи, по среднему течению Газавата и Мангита в Шаватском р-не. В окрестностях Хивы, Ургенча и в Акдербенте находились селения иранцев — потомков рабов-кулов, уже вполне ассимилировавшихся с местным узбекским населением. В Кият-Кунграде и Шавате, а также в районе Питняка в селениях можно было встретить потомков арабов. В Акмечети около Хивы жили немцы-менониты³ (см. табл. 3).

¹ См.: Гиршфельд В. А., Галкин А. С. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II. Ташкент, 1903, с. 56; Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX—начала XX в. (1873—1917). Л., 1968, с. 25.

² См.: МРСА. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926, с. 74—75.

³ МРСА, кн. 2, с. 92—95.

Таблица 3

Этнический состав Хорезмской области УзССР

Территория	Городское население											
	всего	узбеки	туркмены	каракалпаки	казахи	арабы	персы	киргизы	таджики	русские, украинцы и др.	немцы	прочие (%)
Хива	20 247 *	18 538 (91.55) **	14	10	27	—	25	10	10	933 (4.62)	8	3.83
Гурлен	2035	1824 (89.62)	1	2	17	—	9	2	—	69 (3.39)	1	6.99
Новый Ургенч	5161	3631 (70.37)	3	26	111 (2.15)	—	33 (0.64)	26	2	870 (16.8)	6	10.06
Ханки	1915	1811 (94.56)	—	1	—	—	1	—	—	38 (1.98)	—	3.46
Районы												
Багат	25 148	24 585 (97.76)	504 (2.0)	28 (0.11)	—	—	1	1	2 (5)	38 (0.15)	—	3.98
Газават	15 880	14 158 (89.16)	869 (5.47)	73 (0.46)	—	—	76 (84.8)	2	—	3	—	0.11
Гурлен	26 062	25 113 (96.36)	2	133 (0.51)	698 (2.67)	—	2	98 (0.38)	—	—	—	0.08
Мангыт	21 115	18 826 (89.15)	37	196 (0.92)	1946 (9.12)	—	5	1	—	53 (0.25)	—	0.47
Новый Ургенч	39 565	38 875 (98.23)	75	183 (0.46)	25	—	—	39 (0.09)	—	27.3 (0.76)	2	0.26
Хазарасп	4317	43 547 (98.22)	29	541 (1.24)	4	—	—	1	—	241 (0.54)	1	0.00
Ханки	23 930	23 785 (99.39)	—	124 (0.51)	12	—	1	1	—	4	—	0.2
Хива	33 127	33 060 (99.45)	1	10	33 (0.09)	—	5	4	—	2	—	0.46
Шахабад	30 846	30 492 (98.85)	94 (0.3)	60 (0.19)	127 (0.41)	—	2	39 (0.12)	4	9	—	0.23
Янги-Арык	25 860	25 531 (88.3)	137 (0.52)	8	—	—	—	2	—	9	172 (0.66)	15.82

Примечание. Таблица составлена по материалам Весоюзной переписи населения 1926 г. (т. XV, Узбекская ССР. М., 1928, с. 152—153).
* Общее число получено путем сложения числа мужчин и женщин по каждой группе городского населения.
** В скобках даны проценты; в тех случаях, когда процент низкий (ниже 0.09), он не указан.

Узбекское население Хорезмского оазиса неоднородно по своему этническому происхождению. Оно подразделяется на северных и южных узбеков. Южные узбеки являются в своей основе коренными обитателями Хорезма, потомками древних хорезмийцев, смешавшихся с переселившимися в XVI в. с севера тюркоязычными золотоординскими узбеками, сохранившими родоплеменное деление. Тесные экономические и культурные связи способствовали процессу слияния этих групп. Северные узбеки восприняли у аборигенов культуру земледелия, передав им название «узбек» взамен сохранявшегося еще в начале XX в. самоназвания «сарт».

Представление о расселении узбеков с родоплеменным делением дает «Карта расселения узбеков Хорезма в XIX—начале XX в.», составленная Г. П. Снесаревым, и объяснительная записка к ней (там же даны сведения о времени появления их в Хорезме).⁴

⁴ См.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 75—95.

II. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОЛИВНОГО И НЕПОЛИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Хорезмская область УзССР расположена на левом берегу Амударьи, в ее нижнем течении.

На севере она граничит с землями Каракалпакской АССР, на востоке ограничена Амударьей, на юге и западе окружена землями Туркменской ССР. По площади территория Хорезмской области в 1926 г. насчитывала 4910 кв. км, что составляло 2,8% к общей площади республики.¹

Территория Хорезма представляет собой равнину с пологим уклоном к северо-западу от реки, что очень важно для орошения. Понижение к западу и северо-западу составляет 18 см на 1 км в глубь низменности, в некоторых частях уклон совсем незначителен (до 1 см на 1 км).

На плоскости Хорезма выделяются две горные гряды — Султан Санджармази, у Питняка образующая Туямуюнскую луку, и Джумурта-тау, составляющая как бы продолжение на левом берегу Амударьи гор Султан-уиз-даг.

Климат Хорезма резко континентальный. За год выпадает минимальное количество осадков (90—100 мм) при очень высокой испаряемости, особенно в вегетационный период. Лето в Хорезме сухое и жаркое, со средней температурой 28—29° в июле при максимуме в 45°; зима продолжительная, со средней температурой —5—6° и минимальной —31°. Наиболее холодный месяц — январь. Безморозный период длится в среднем 210—240 дней (с марта по конец октября), что создает благоприятные условия для культивирования таких теплолюбивых растений, как хлопок.

Основным источником орошения, — а без орошения на этой земле не может существовать земледелие, — является река Амударья. От Питняка река сильно уходит к западу, а затем, выпрямляясь, — на северо-запад. В районе головного сооружения магистрального канала Палван-яб берега реки становятся настолько низкими, что в этих местах издавна возводились задернованные дамбы — *качу*, предохранявшие близлежащие земли от затопления. Спрямоленное русло реки доходит до теснины Джумурта-тау без изгибов. Ниже Тахьяташа начинается дельта Амударьи.

Русло Амударьи относится к переменным: оно изменяется, распадается на несколько рукавов, одни из которых постепенно высыхают, другие переполняются.

Хорошо возделанные поля этой части Хорезма соседствуют с огромными пространствами песчаных степей и пустынь, а в юго-западной части — с солончаками, болотистыми низинами и озерами, образованными сточными водами сбросов из ирригационных каналов.

Плодородная почва, обилие солнечного света, сравнительно большое количество воды создавали благоприятные условия для земледелия.

Земледельческая часть населения вела оседлый образ жизни и составляла большинство (см. табл. 4). Преобладающим занятием кочевых и полукочевых туркмен и казахов являлось животноводство.

¹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года, вып. 1. Самарканд, 1927, с. VI.

Т а б л и ц а 4
Оседлое и кочевое население Хорезма
(конец XIX в.)

Число дворов			Число жителей			% населения	
оседлого населения	кочевого населения	всего	оседлое население	кочевое население	всего	осед-лого	коче-вого
97 792	6103	103 895	488 922	30 515	519 437	94.1	5.9

Примечание. Таблица взята из кн.: Гиршфельд [В. А.], Галкин [А. С.] Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, т. II. Ташкент, 1903, с. 114.

Значительное распространение среди узбекского населения оазиса получили различные промыслы, особенно в городах.² В крупных селениях южного Хорезма некоторая часть земледельцев занималась также ремесленным производством, изделия которого были теснейшим образом связаны с сельскохозяйственной деятельностью населения (кузнецы — *тамирчи*, или *демырчи*, мастера изделий из дерева — *юнучи*, шорники — *сарраш*, и др.).³

Обширные поля левобережья Хорезма с их тысячелетней культурой и ирригационной системой занимали земли, протянувшиеся полосой длиной около 105 верст (111.3 км) и шириной от 15 верст (15.9 км) у Хазараспа до 60 верст (63.3 км) у Шавата. По подсчету Н. Дингельштедта,

Т а б л и ц а 5
Обрабатываемые и необрабатываемые земли Хивинского ханства (танапы)

Хакимства	Обрабатываемые земли	Необрабатываемые земли, туган	Всего по переписи
Дарган-ата	6000 (54.54) *	5000 (46.46)	13 000
Садвар	5000 (62.5)	3000 (37.5)	8000
Питняк	5000 (62.5)	3000 (37.5)	8000
Хазарасп	25 000 (84.4)	5000 (16.6)	30 000
Бешарык	30 000 (75.0)	10 000 (25.0)	40 000 **
Окр. Хивы	50 000 (75.92)	15 000 (23.08)	65 000
Ханки	12 000 (44.4)	15 000 (55.6)	17 000
Газават	7000 (50.0)	7000 (50.0)	15 000
Ургенч	25 000 (71.43)	10 000 (27.57)	35 000
Шахабад	10 000 (66.6)	5000 (33.3)	15 000
Кят	20 000 (80.0)	5000 (20.0)	17 000
Манак	20 000 (80.0)	5000 (20.0)	25 000
Ташауз	40 000 (72.73)	15 000 (27.27)	55 000
Ильялы	18 000 (64.3)	10 000 (35.7)	28 000
Клычбай	18 000 (64.3)	10 000 (35.7)	28 000
Гурлен	30 000 (75.0)	10 000 (25.0)	40 000
Мангыт	25 000 (83.4)	5000 (16.4)	30 000
Кипчак	12 000 (70.6)	5000 (29.4)	17 000
Ходжейли	20 000 (33.4)	40 000 (66.4)	60 000
Новый Ургенч	15 000 (27.27)	40 000 (72.73)	55 000
Чуманай	5000 (33.3)	10 000 (66.7)	15 000
Кунград	5000 (6.9)	20 000 (93.1)	25 000

Примечание. Таблица составлена по материалам ШГА, ф. 125, оп. 1, д. 528 (в дальнейшем — перепись 1910 г.).

* В скобках указан процент обработанных и необработанных земель.

** По узбекской части Хивинского ханства обработанная земля составила 284 тыс. танапов (танап равен 900 кв. са., или 1/3 га).

² Джаббаров И. М. Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX—начале XX в. Историко-этнографический очерк. — Тр. ИЭ АН СССР, т. ХСVII. Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971, с. 72—146.

³ Современный кипчак Средней Азии. Вып. II. Хорезм. Ханкинская волость. Ташкент, 1926, с. 134 и др.; МРСА, ч. 2, с. 76—91.

площадь возделываемых земель Хорезма составляла 409 500 танапов (136 500 га),⁴ что примерно соответствовало данным переписи, проведенной ханской администрацией в 1910 г. (1328 год хирджи), определяющей общую площадь возделываемых земель в 406 000 танапов (135 333 га).

Около $\frac{1}{3}$ земель было под пашнями, незначительную часть занимали пастбища. Посевы находились только на поливных землях. Неполивные каирные земли на почве из иловатых наносов у берегов Амударьи, временно заливаемые водой, местное население называло *атау* и использовало под посев преимущественно дынь. Неполивные земли *атау* шли полосой вдоль современного русла Амударьи по северо-восточной окраине равнины.⁵ По сведениям, полученным нами во время экспедиций, каирные земли в прошлом были государственными или относились к категории земель *вакф*,⁶ находившихся в распоряжении духовенства. Возделываемые земли издавна располагались вдоль водных артерий, но на некотором расстоянии от берегов Амударьи.

Некоторые представления о соотношении возделываемых и невозделываемых земель по хакимствам дает перепись 1910 г. (см. табл. 5).

⁴ Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. II. СПб., 1895, с. 27.

⁵ Георгиевский Г. И. Южный Хорезм. Геологические и гидрологические исследования 1925—1932 гг. — В кн.: Геология УзССР, т. II. Л.—М., 1937, с. 82, 152.

⁶ Вакф, или вакуф (хорезм, вахм) — имущество, переданное какому-либо мусульманскому духовному учреждению с правом пользоваться доходами от этого имущества, но без права продажи.

III. ИРРИГАЦИЯ И ИРРИГАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Хорезм относится к районам регулярного поливного земледелия с использованием водоподъемных сооружений, в прошлом чигирей. Регулярное устойчивое орошение земель обеспечивалось сложной ирригационной системой, состоявшей из крупных магистральных каналов и сети второстепенных и третьестепенных каналов.

После выхода из теснины Туямуюн Амударья давала воду нескольким небольшим каналам — Шейх, Сеид, Мангыт, Саят — и каналам Большой и Малый Канглы, орошавшим Питняк и его окрестности.¹ В 14 км от Питнякской системы располагалась голова Палван-яба, одного из больших магистральных каналов оазиса, орошавшего целой системой второстепенных каналов (отводимых как с правой, так и с левой его стороны) Хазарасп, Ханки, Хиву, Кошкूपыр, Караман, Остан, Акдербент с окрестностями.²

Опираясь на исторические труды Муниса и Алехи, Я. Г. Гулямов убедительно доказывает идентичность Палван-яба с древним каналом Хейканак.³ По сведениям автора Записки «Каналы Хивы», Палван-яб состоял из верхней части, собственно Палван-яб, и нижней, известной под названием Старый Газават (Куня Хазават). С левого берега Палван-яба до присоединения Газавата отходило около 10 второстепенных каналов различной величины.⁴ После же соединения каналов отводы с левой и правой сторон численно увеличились, но становились более узкими.⁵ Ширина Палван-яба, по сведениям В. В. Цинзерлинга, вначале

¹ В описании каналов использованы материалы экспедиции по изучению древнего русла Амударья, работавшей под начальством А. И. Глуховского в период с 1876 по 1896 г., в основном записка «Каналы Хивы, как ирригационные, так и для судоходства». По нашим предположениям, автором «Каналов Хивы» является В. Гельман, использовавший, как это указано в подзаголовке, материалы инж. Езюрского (ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1—14).

² ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2. — С. Караев пишет о том, что головное сооружение Плавана Ташеака было построено в 1828 г. в период ханства Алла-кули хана, когда в его строительстве принимали участие до 40 тыс. чел., а так как грунт был каменистым, работы были очень трудными и подчас опасными для жизни (Караев С. Географик номлар маанасини биласизми? Топонимик лугат. Ташкент, 1970, с. 20 (на узб. яз.)).

³ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 128—129; Мунис, Агех. Фирдаус-ул-икбал. — Ин-т востоковедения АН УзССР, № 821/1, л. 426 б.

⁴ Справа: Махамон шириной в 6 саж. (12.8 м), Хаз-яб — 5.5 (10.7 м), Азарык — 3.5 (7.5 м), Китай — 3.0 (6.4 м), Мессид — 2.8 (5.9 м), Тама — 3.5 (7.5 м), Найман — 10.0 (21.3 м), Нукуз — 3.0 (6.4 м), Кунград — 4.3 саж. (9.1 м), Саурзан. Слева: Куня Саурзан — 2 саж. (4.3 м), Янги Ярык — 7 (14.9 м), Каттабаг — 7 (14.9 м), Джермыш — 2.5 (5.3 м), Янги-яб — 2.8 (5.9 м), Чагатайли — 2.2 (4.8 м), Саяд — 4 саж. (4.8 м) (ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 2).

⁵ Справа: Кенегез — 3.5 саж. (7.5 м), Хазават — 5.5 (10.7 м), Зейяб — 7.3 саж. (15 м); слева: Дергут — 1 саж. (2.13 м), Ям — 1 (2.13 м), Гурлен-баг — 2 (4.2 м); справа соответственно: Киакумум — 2.2 саж. (4.6 м), Кенге — 1.5 (3.2 м), Чата-Кулум — 1.5 (3.2 м), Уразан — 2 (4.2 м), Хачахаз — 2 (4.2 м), Гаук — 5.3 (11.2 м); снова справа: Пирнаухаз — 1.8 саж. (3.8 м), Куня Ангарик — 1.6 (3.4 м), Пшшканик — 1.3 (2.8 м) и Пшшканык — 2.8 саж. (5.9 м) (ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 10).

имела 15 саж. (31,9 м), в период главного паводка глубина достигала 1,5 саж. (3,9 м), общая площадь поливных земель составляла 36 000 дес. (39 240 га). Летние расходы воды составляли 12—14 куб. саж./с.⁶ Не использованные на орошение воды Палван-яба, как сообщает автор Записки, вливались в озеро Зейкеш, соединявшееся с окрестными озерами — Йомудкуль, Шоркуль и др.

Я. Г. Гулямов считает, что следующий большой магистральный канал, Газибад, или Газават, соответствует домонгольскому каналу Медра⁷ (X в.) или Насири (XIV в.), обновление которого он связывает с именем Абулгази хана (1645—1663 г.), когда в 3 км на восток от сел. Дургадык на урочище Кулум Ходжа был устроен мощный сброс из Палван-яба в Газибад, а низовые каналы были расчищены и приведены в порядок.⁸ Протяженность канала 93 км, ответвления от него не столь многочисленны, как у Палван-яба. Наиболее крупные из них — Сары-сердар, Яманкечи, Биекчи.

Ниже Газибада из Амударьи отходит Шахабад, или Шават, головное сооружение которого проходит в русле старого Даудана. По протяженности это самый большой канал Хорезма. Длина его 143 км при средней ширине 30 м и средней глубине в 3,5 м.⁹ Он также посредством отходящих от него каналов различной ширины и протяженности орошал огромную площадь (Ургенч, Кят, Шават, Манак и их окрестности, частично окрестности Ханки).¹⁰ Общая поливная площадь канала — 40 000 десят. (43 600 га), максимальный расход воды — 25 куб. саж./с.¹¹ По мнению Я. Г. Гулямова, он соответствует древнему каналу Вадак.¹²

Канал Ярмыш отходит от реки в 15 км к востоку от г. Ургенча и протекает параллельно Дарьяльку. Сооружение Ярмыш и Шавата проведено при сыне Абулгази хана — Ануша хане (1663—1686 гг.). Канал Ярмыш орошает земли северного Хорезма, населенные в основном северными (дашти-кипчакскими) узбеками и туркменами. Длина его 96 км, средняя ширина 17,5 м, глубина 2 м. От Ярмыш отходит незначительное количество каналов, большая часть его вод изливалась в русло Кунядарьи.

Из крупных водных магистралей левобережья следует указать еще на Клыч-Ниязбай, который использовался на орошение земель, заселенных в основном также северными узбеками.¹³ Этот канал сооружен в 1815 г. с использованием прежнего протока Амударьи, Баглан-арна, для орошения пустующих земель вдоль правого берега Дарьялька.¹⁴ Мы перечислили лишь основные магистральные каналы Хорезмского оазиса, преимущественно южной его части, орошавшие более половины посевов Хорезма. Помимо главных каналов, от Амударьи отводилось множество мелких.¹⁵

⁶ Цинзерлинг В. В. Орошение на Амударье. М., 1927, с. 430, 431, рис. 27 (схематический план канала Палван-яба).

⁷ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 288.

⁸ Там же, с. 201—202. — В Кушанское время канал Газибад питался самостоятельно из Амударьи (там же, с. 103).

⁹ Там же, с. 200—201.

¹⁰ Автор записки «Каналы Хивы» перечисляет главнейшие отводы от Шавата: Бобджан — 4 саж. ширины (4,8 м), Манак-яб — 3 (6,4 м), Кишлак-яб — 7,5 саж. (15,9 м) и несколько других; перед г. Ильяли выходили Арау — 4 саж. ширины (4,8 м) и Карадашли — 4 саж. (4,8 м) ширины (ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 10).

¹¹ Цинзерлинг В. В. Орошение на Амударье, с. 430.

¹² Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 200—201. — Интересен своей детальной разработкой «Топографический план района Ургенча, канала Шахабада и русла Даудана с отходящими от него арыками», составленный в 1881 г. (ЦГИА, ф. 1487, оп. 44, д. 341 на 7 листах).

¹³ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 217, 208.

¹⁴ Там же, с. 207. — Ответвлениями канала Клыч Ниязбат с левой стороны являлся канал Бешуйли, с правой — каналы Гурлен, Никус, Уйгур, Палванбек.

¹⁵ Ю. Г. Саушкин сообщает, что до 1939 г. из Амударьи в пределах Хорезма брали начало около 160 каналов разной величины (Саушкин Ю. Г. Географи-

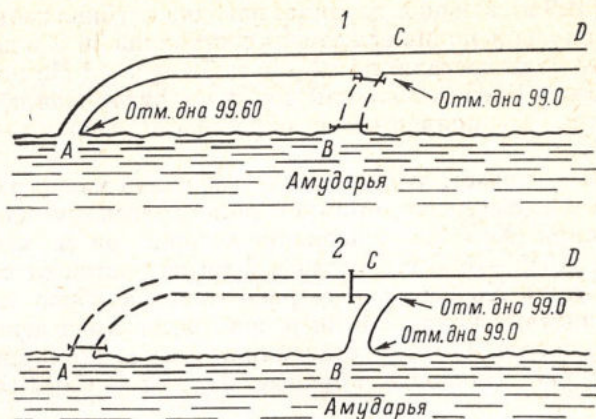

Рис. 1. Многоголовое питание паводкового канала (по Я. Г. Гулямову и Н. Дингельштедту).

1 — «голова» паводкового канала при работе первого рукава, 2 — «голова» паводкового канала при работе второго рукава. ABCD — русла паводкового канала.

Амударья обладает свойством в нижней своей части при сравнительно медленном течении отлагать множество взвешенных частиц. В. В. Цинзерлинг утверждает, что по дну реки с интервалом в 1.5—2 месяца движутся гряды этих частиц, образующих как бы непрерывно меняющиеся складки, подобные грядам барханов в песках, заносящие илом головные сооружения магистральных каналов.¹⁶ Это свойство Амударьи, а также постоянно меняющееся направление потока основной массы воды, несомой рекой, вызвало к жизни многорукавные головные сооружения каналов — сака (рис. 1, 1, 2), питание которых происходило самотеком из Амударьи.¹⁷ У больших ябов в целях предохранения от заиливания, а также от размыва водой реки их было несколько. Так, у Палван-яба в головной его части в конце XIX в. было сооружено пять протоков, у Шавата и других каналов «голова» состояли из двух или трех протоков.¹⁸ Эти головные сооружения были рассчитаны на различный уровень воды в Амударье и призваны были обеспечить бесперебойное поступление воды в канал, учитываяя то обстоятельство, что уровень воды в реке в течение орошаемого периода был различным. При низком уровне воды открывался тот рукав, который предназначался для проведения воды на данном уровне, при этом другой рукав, рассчитанный на более высокую воду, отключался двумя плотинами — у начала канала и у слияния его с другими рукавами, образующими основное русло. При высоком уровне воды действовал соответственно следующий рукав¹⁹ (см. рис. 2, 1 и 2).

ческие очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М., 1947, с. 289).

¹⁶ Цинзерлинг В. В. Орошение на Амударье, с. 562—568.

¹⁷ В. В. Бартольд считает, что слово сака происходит от арабского глагола сака «орошать» (Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III, М., 1965, с. 117).

¹⁸ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 10 об., 11 и др. — В. В. Цинзерлинг пишет, что у Палван-яба ко времени его изучения было шесть протоков (Цинзерлинг В. В. Орошение на Амударье, с. 568). И. Шастал сообщает, что канал Палван-ата имел 7 заборных «сака», с общей пропускной способностью около 78 м³/с (МРСА, кн. 2, ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926, с. 10). Ко времени изучения хорезмской ирригации И. Шасталом Шават питался пятью «сака» общей пропускной способностью около 145 м³/с (там же, с. 11).

¹⁹ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 240—242; Цинзерлинг В. В. Орошение на Амударье, с. 562—564.

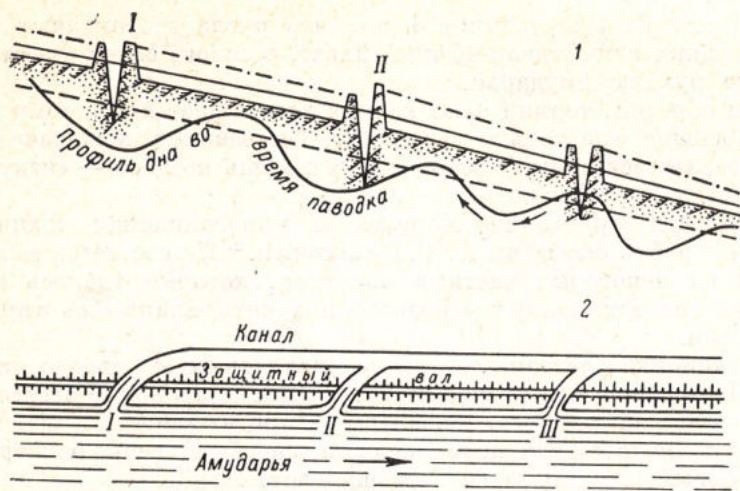

Рис. 2. Профиль (1) и план (2) расположения «голов» паводковых каналов (по Я. Г. Гулямову и Н. Дингельштедту).

I—III — «головы» паводкового канала.

Известно, что в Хорезме тщательно разработана ирригационная терминология, в том числе термины, обозначающие различные категории оросительных каналов.²⁰ Обращаем внимание на термин *арна*. На него указал еще В. В. Бартольд, который отмечает, что, так же как слово *яп/яб*, он несомненно арийский. Он считал, что употреблялось слово *арна* в значении «большой канал» в отличие от слова *яп/яб*, обозначающего «малый канал».²¹ Наиболее полное определение слова *арна* дано Я. Г. Гулямовым. По его мнению, этим термином обозначались большие каналы и головные участки каналов с обширным прилегающим к ним участком земли. Одновременно Я. Г. Гулямов подчеркивает, что этим же термином обозначался отвод реки, а также проток реки между образовавшимся островом или отмелью.²²

Подробно анализирует термин *арна* и его географическое распространение С. Караев в своем топонимическом словаре.²³

Для нас этот термин представляет особый интерес. Автор записки «Каналы Хивы» указывает на то, что у населения Хорезма существовали различные названия каналов, отражающие их свойства. Так, название *арна* определяет, что в таком канале вода без приложения труда человека собственной силой прочищает себе русло. Каналы же, требующие ежегодной расчистки, без которой они были бы занесены илом, он называет *ябами*.²⁴

На Янги-ябе (Шаватский р-н, с/с Бешмерген), вытекающем из Яр-маша,²⁵ как нам рассказывали, в прошлом чистилась только его «хвостовая» часть и участок у «головы», середина же, считалось, расчистится течением воды в период поливов.²⁶ В этом плане следует напомнить ут-

²⁰ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 244, рис. 17 (схема оросительной сети и сооружений в системе крупного канала в Хорезме).

²¹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III, с. 118, 552.

²² Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 243.

²³ Караев С. Географик номлар маанасини биласизми?, с. 16—18.

²⁴ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 6.

²⁵ Янги-яб был построен Давлет Каракузом примерно в 1808 г. (Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 218).

²⁶ Архив ЛОИЭ АН СССР, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 44, с. 242.

верждение В. В. Цинзерлинга о том, что русла современных больших каналов, таких как Палван-яб или Шават, в основе своей имеют древние дельтовые рукава Амударьи.

Таким образом, термин *арна* как бы возвращает нас к тому времени, когда орошение еще только возникало. Он означал первоначально «ответвление», «естественный проток воды» и лишь позднее — «искусственно отведенный от реки канал».

Особенности ирригации Хорезма и ирригационная техника того времени подробно освещены Я. Г. Гулямовым.²⁷ Нам остается только остановиться на некоторых частных вопросах, которые удалось выяснить в процессе экспедиционных работ или получить, знакомясь с архивными материалами.

Ирригационная система оазиса не являлась чем-то твердо установившимся. Постепенно шло ее изменение. Проводились новые ответвления — *шохобча* — от каналов, увеличивалась их протяженность и оросительная способность, при этом изменения вносились необыкновенно осмотрительно, каждый новый шаг тщательно взвешивался.

Вместе с тем в результате ежегодных работ по очистке сети и ее ремонту магистральные каналы оазиса также изменялись. На процесс их изменений влияла, по-видимому, также и размывающая сила воды.

Интересна в этом отношении работа, проведенная автором записки «Каналы Хивы»,²⁸ который сличал размеры некоторых крупных каналов, данные полковником Данилевским в 1843 г.,²⁹ с собственными обмерами этих каналов. При этом он заметил, что изменения шли в основном в сторону расширения их, а не углубления.

Примерно за пятьдесят лет, прошедших со времени пребывания в Хиве Г. И. Данилевского до написания Записки, русло Газавата достигло 38 саж. (80.94 м) у Ханки и 21 саж. (44.73 м) у Кыта при глубине в 1.40 саж. (2.98 м), тогда как, по обмерам Г. И. Данилевского, Газават имел 10 саж. (21.3 м) в ширину и 1 саж. (2.13 м) в глубину. Ширина Шавата, по измерениям Г. И. Данилевского, была равна 14 саж. (29.8 м), глубина $1\frac{1}{2}$ саж. (3.2 м), спустя же пятьдесят с лишним лет Шаван у выхода из реки достигал в ширину 50 саж. (106.5 м) при глубине в 1.25 саж. (2.6 м), после впадения в него Ханки-арна ширина Шавата стала равной 21 саж. (44.73 м), а глубина 2.10 саж. (4.4 м). Затем он расширился до 35 саж. (74.5 м) и только около Ташауза суживался до 11 саж. (23.4 м) при глубине в 1.08 саж. (2.3 м). Сравнение размеров Палван-яба давало тоже интересные сведения — ширина Палвана была в 1843 г. равна 25 саж. (53.2 м), затем он становился уже — 12 саж. (25.4 м) — при наибольшей глубине в 3 саж. (6.4 м). А в 1881 г. Палван-яб имел ширину 33 саж. (70.3 м) при глубине 0.90 саж. (1.9 м); 6 верстами (6.5 м) ниже — ширина 32 саж. (68.1 м) при глубине 0.7 (1.5 м), и даже пройдя $\frac{2}{3}$ своего пути, Палван-яб сохранял ширину в 16 саж. (44.08 м) при глубине 0.88 саж. (11.8 м).³⁰

Оросительные каналы, *ябы* и *арны*, принято относить к категории проводящей сети, транспортирующей воду от источника орошения до орошаемого участка (рис. 3). К этой же категории следует отнести и каналы среднего размера, известные в южном Хорезме под названием *бадак*, длина которых значительно меньше; от больших ябов они отличаются также и шириной, не превышающей 1—1.5 м. В этой части оросительной сети сосредоточивались регуляторы — *долдарча*, ограничивающие доступ чрезмерного количества воды в канал.

²⁷ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма...

²⁸ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 1—14.

²⁹ Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства. — Зап. РГО, кн. 5, 1851, с. 62—139.

³⁰ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4 об., 5.

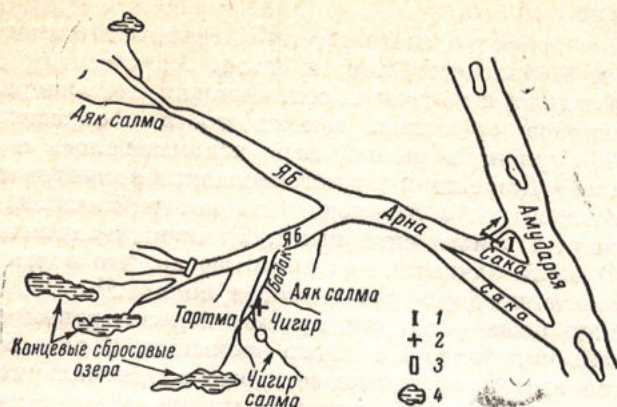

Рис. 3. Схема оросительной сети и сооружений в системе крупных каналов в Хорезме (по Я. Г. Гулямову и Н. Дингельштедту).

1 — Бедрау, 2 — Токурта, 3 — Долдарга, 4 — сбросовые озера.

Некоторые оросительные каналы были приспособлены к сбросу излишней воды. Эти части канала назывались *соума*. Так, например, в «хвостовой» части Шавата было четыре соумы.³¹

Распределительная, или регулирующая, сеть состояла из мелких каналов — *салма*, доводящих воду до поля — к *атызам* и *кулчам*, участкам, на которые нарезалось орошаемое поле. Танап разбивался на 4—8 небольших участков — *кулча*, окруженных валиками — *чел*. При самотечном орошении танап делился на 1—2 участка, называвшихся *атыз*.³²

Нарезка участков, *атызов* и *кулчей*, являлась наиболее трудоемкой и дорогостоящей частью работ. Искусство состояло в том, чтобы в ряде отрезков земли с учетом рельефа местности создавать рационально используемые плоскости полива при малом напоре воды в мельчайшей оросительной сети.³³ *Кулчи* представляли собой прямоугольники, равные примерно 200×500 м.³⁴ Они устраивались с небольшим уклоном в зависимости от уровня поля и делались для всех культур одинаковыми. Однажды проведенная планировка служила затем длительный срок в неизменном виде. Именно в этой работе сказывался огромный опыт ирригационной техники местных земледельцев.

Раздел *кулча* давал возможность воде подойти к орошаемой площадке и орошать ее независимо от соседней делянки. Во многих случаях предусматривались подступы воды к *атызу* с разных сторон. Этот момент важен был и при установке чигиря. Владелец двух или трех чигирей ставил их с расчетом полива своего поля, состоявшего из нескольких *атызов* и *кулчей*, с разных сторон. Иногда мелкие *салма*, находясь на границе двух владений, обеспечивали полив земли разных владельцев или пользователей. Такие *салма* носили название *маштрик*.³⁵

Именно густота и большая насыщенность расчленений регулирующей сети, связанные с необходимостью самостоятельного орошения всех или почти всех делянок поля, являются одной из особенностей ирригации Хорезма.

³¹ МРСА, кн. 2, ч. 2. Хорезм, с. 11.

³² Шкапский Ор. Амударьинские очерки. Ташкент, 1900, с. 60.

³³ Цинзерлинг В. В. Орошение на Амударье, с. 693.

³⁴ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 24, с. 114.

³⁵ Там же, пол. зап. 2, с. 8: *Муштарак* (хорезм. *маштрик*) — находящийся в общем пользовании, общий, совместный (Узбекско-русский словарь. М., 1959, с. 275).

Весьма важен вопрос о соотношении чигирного и самотечного (аячного) орошения. В местности Кервак (совр. Хазараспский р-н) аячное орошение преобладало, а на землях сел. Пичокчи (того же района) основным было чигирное орошение, так же как и в окрестностях Хивы. В окрестностях Гурлена в равной мере использовалось и чигирное, и аячное орошение.³⁶ Даже этих немногочисленных примеров вполне достаточно, чтобы согласиться с Загородневым, который считал, что поливы в Хорезме бывали 1) чисто чигирными, 2) чигирно-аячными, 3) аячно-чигирными и 4) чисто аячными. Им же отмечено, что почти повсеместно наблюдалось сочетание двух-трех способов полива.³⁷

Соответственно были различны приемы использования водопроводящей сетью земель чигирного и аячного орошения. В ряде мест для аячного полива использовалась та же сеть, что и для чигирного. К этому способу полива прибегали при высоком уровне воды в каналах, приходившемуся на середину лета, а чигири использовались при низком уровне воды — обычно весной и осенью. В других местах аячные земли имели свою, отдельно расположенную сеть, именуемую *аяксалма*.³⁸

В целом наблюдалась следующая закономерность: земли аячного орошения находились обычно в непосредственной близости от головных сооружений каналов или в их «хвостовых» частях. На среднем течении каналов в местах глубокого залегания оросительной сети располагались в основном земли чигирного орошения. Чигирное орошение требовало большой затраты труда. Подсчитано, что на полив чигиром 1 га требовалось дополнительно 11 дней труда рабочего и 17 дней — работы скота.³⁹ В ханское время подать с урожая в пользу духовенства, но шедшая в основном государству, *ушр*, с земель аячного орошения взималась в размере $\frac{1}{10}$ части урожая, а с чигирных как с более трудоемких — $\frac{1}{20}$.⁴⁰

Мы не располагаем суммарными данными по хакимам ханства о распространенности земель чигирного и аячного орошения.

Наряду с поливными землями в Хорезме возделывались и каирные земли, или земли *атау*, как они назывались в Хорезме, располагавшиеся широкой полосой вдоль современного русла Амударьи. Полоса каирных земель достигала в ширину 5—8 км и простиралась от Ташсака до Джумута-тау.⁴¹

Приемы возделывания каирных земель характерны для того первоначального типа земледелия, которое не было связано с орошением. Начало использования каирных земель, которые не требуют орошения благодаря высокому стоянию почвенных вод, С. П. Толстов относит к тазабагьябской культуре (III тыс. до н. э.) и определяет его как время возникновения земледелия, первоначальный его этап, не связанный с орошением.⁴² Позднее, в конце бронзового века и в начале железного (около I тыс. до н. э.), по его мнению, земледелие в Хорезме по-прежнему

³⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 2, с. 9 (Кервак), пол. зап. 9 с. 29 (Пичокчи), пол. зап. 22, с. 107 (Хив. р-н).

³⁷ Загороднев. К проблеме механизации сельского хозяйства в Хорезме. — Народное хозяйство Средней Азии, 1924, № 2—3, с. 79.

³⁸ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 43, с. 240.

³⁹ Саушкин Ю. Г. Географические очерки. . . , с. 200.

⁴⁰ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 43, с. 239 и др.

⁴¹ Георгиевский Г. М. Южный Хорезм. Геологические и гидрологические исследования 1925—1931 гг. — В кн.: Геология УзССР, т. II. Л.—М., 1937, с. 81, 159. — В настоящее время размеры каирных земель изменились. Так, в 1971 г. нам сообщили, что в Ангарыкском р-не каирные земли в прошлом использовались широко, но в последние годы они размыты водами Амударьи в связи с изменением ее русла и намывом земли к правому берегу, в сторону Каракалпакии.

⁴² Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 41.

было каирным,⁴³ — иначе говоря, таким, каким оно было на возделываемых землях в пойме Амударьи в конце XIX—начале XX в.⁴⁴

По сведениям, полученным нами во время экспедиции, каирные земли в прошлом были государственными или относились к категории земель вахм, или вакуф, находившихся в распоряжении мусульманского духовенства. Например, каирные земли местности Пичокчи около Хазараспа относились к землям вахм хазрати Палвана в Хиве. (Способы обработки каирных земель будут изложены при описании работ, связанных с выращиванием отдельных сельскохозяйственных культур, — на с. 37—49).

Отсутствие твердого грунта и низкие берега реки, непрочность головных сооружений магистральных каналов привели к тому, что значительные площади, непосредственно прилегающие к реке, не использовались на орошение. Ответвления от этих каналов отводились примерно в 7—15 км от головных сооружений, а канал Газават, например, на протяжении 75 км не имел больших отводов.⁴⁵ Соответственно, на этом расстоянии располагались поля и дома земледельцев.

Значительные участки берега Амударьи, а местами и больших каналов укреплялись дамбами — *качи*, или *качу*. Дамбы требовали постоянного наблюдения, так как возможны были размывы дамб и берегов, особенно на тех участках, где течение реки ударялось в укрепленные берега. Водной администрацией ханства выделялась группа из водопользователей — *абхур*, посменно производивших наблюдение за состоянием дамб вблизи находящихся селений — *качучей*. При угрожаемом положении жители округа оповещались и все работоспособные мужчины собирались к размываемому участку берега и проводили закрепление его новым рядом дамб, чтобы предотвратить бедствие.⁴⁶ Дамбы делались из глины и песка, внешняя сторона дамбы для прочности подпиралась пучками хвороста или травы — *буян* и дерном — *чин*. Стоявшие на валу утаптывали землю ногами.⁴⁷ Размеры дамбы определялись глубиной яба. Обычно насыпь в нижней части была равна 3.5—7 м, в высоту 2—3.5 м при ширине верхней части в 3—3.5 м.⁴⁸

Несение службы у дамбы считалось более ответственным делом, чем очистка каналов; это видно из того, что *качучи* освобождались от участия в ежегодной очистке каналов и от уплаты государственного налога — *солгита*.⁴⁹

Учет воды, шедшей на орошение, требовал строгого разграничения площади и знания тех земель, которые орошались данным источником

⁴³ Там же, с. 42.

⁴⁴ В Архиве Хорезмской области УзССР (г. Ургенч) встретились сведения, которые могут дать некоторое представление о количестве каирных земель в области. По резолюции II пленума Хорезмского Курултая весной 1926 г. Облземом «взято на учет 53 330 танапов (т. е. 17 910 га, — М. С.) каирных земель, находящихся в распоряжении государства (Архив Хорезмской обл. УзССР (г. Ургенч), ф. 590, оп. 1, ед. хр. 62, л. 112).

⁴⁵ МРСА, кн. 2, ч. 2. Хорезм, с. 11.

⁴⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 31, с. 166. — Особенно часто переливы бывали в районе Джумурта-тау.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, д. 5 («Описание построек и несложных гидротехнических сооружений»), л. 5.

⁴⁸ Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Т. II, ч. III. Современное состояние ирригации. СПб., 1895, с. 66.

⁴⁹ Так же, как и те крестьяне, на обязанности которых было наблюдение за мостами — *кунрукчи* (Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940, с. 29, 80). *Солгит* — денежный налог, введенный Мухаммути Рахим-ханом (1806—1825 гг.), — носил ярко выраженный классовый характер, собирался центральной ханской властью. О солгите см.: Ю л д а ш е в М. Ю. О поземельном налоге в Хиве в XIX в. — Изв. АН УзССР, Сер. общ. наук, 1957, вып. 2, с. 19—24 (там же указана литература о солгите).

водопользования. Отсюда проистекало деление ябов на определенные участки.

Обычно выделялись три отрезка канала: головной — *яб баши*, средней — *яб уртаси* и «хвостовой» — *яб аяки*.⁵⁰ Отрезки эти определялись постоянным местом для устройства плотин — *бугат*, или *тахта*, подымавших воду на орошаемые поля. Самое трудное положение было у тех водопользователей, чьи земли были расположены в «хвостовой» части, особенно в период маловодья. В этих случаях администрация объявляла *асвак*,⁵¹ т. е. устанавливалась строгая очередность водопользования. Для этого обычно закрывались отводящие каналы в верхних частях яба и в первую очередь насыщалась водой «хвостовая» часть. Лишь после удовлетворения ее очередь последовательно переходила к средней, а затем к головной части канала.⁵² Время закрытия ябов определяли по договоренности водопользователи, согласуясь с мнением аксакалов и мираба. Как правило, назначался один день для пользования водой.⁵³ Часто асвак захватывал не только ябы, но и отдельные второстепенные каналы — *бадаки* — и даже местную водопроводящую сеть.⁵⁴

Подъем воды в ябе регулировался плотинами — *бугат*. Для устройства плотины поперек яба вбивались высокие колья довольно большого диаметра из тала — *ок саут*, два из которых располагались у его берегов, затем русло канала заваливалось хворостом или пучками колочки, поверх которых набрасывались куски дерна травой вниз и прихлопывались для плотности лопаткой.⁵⁵ Плотина *тахта*, или шлюз, как ее называет Н. Дингельштедт, устраивалась так же, с той лишь разницей, что вместо хвороста к колыям укладывались доски (*тахта*) в 15—20 см толщиной и около 1 м длиной; вообще же длина запруды соответствовала ширине яба.⁵⁶ Обе стороны укреплялись дерном. Материал для устройства плотин принадлежал водопользователям. Насколько позволяют судить наши материалы, первый способ подъема воды был распространен в южной части оазиса, запруды способом *тахта* сооружались чаще в окрестностях Хивы и севернее, к Гурлену.

При перекрещивании двух ябов и необходимости перебросить воду из одного яба через проток другого сооружались акведуки — *тарнау* (*тарнов*) (южн.), или *уткарма* (сев.) из толстых досок и желоба — *тарнаууча*. Чтобы изготовить *тарнаууча*, толстый ствол дерева, обычно тала, разрубали пополам в продольном направлении и, выдолбив сердцевину, укладывали его с одного берега яба на другой.⁵⁷ Подобные желоба встречались нам в Хазараспском и Ханкинском р-нах.⁵⁸ По мере износа досок

⁵⁰ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 264; Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 13, с. 58; пол. зап. 19, с. 88 и др.

⁵¹ Обращаем внимание на то, что Я. Г. Гулямов определяет термин *асвак* как очередность снабжения водой из каналов вообще. В наших же материалах термин *асвак* обозначает особое положение, когда при недостатке воды очередность полива шла не в обычном порядке, т. е. от головных участков поливов к низовым, а наоборот — от низовых к головным (Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 164; Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 5, с. 22).

⁵² Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 31, с. 168, пол. зап. 44, с. 242.

⁵³ Там же, пол. зап. 26, с. 132.

⁵⁴ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 264. — Как нам сообщали, асвак практикуется и в настоящее время по согласованию с Облводхозом, а если это касается земель, находящихся за пределами республики, т. е. земель туркмен Ташаузской обл. ТССР, то закрытие каналов согласовывается с областными органами (Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 31, с. 168).

⁵⁵ Там же, пол. зап. 36, с. 190; пол. зап. 13, с. 58.

⁵⁶ Там же, пол. зап. 23, с. 11; Дингельштедт Н. Опыт изучения. . . , с. 67.

⁵⁷ См.: Дингельштедт Н. Опыт изучения. . . , с. 67; см. также: Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 7, с. 96.

⁵⁸ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 1, № 920, пол. зап. 13, с. 58; пол. зап. 18, с. 82. — В Ангарикском районе желоб назывался *нау* (пол. зап. 24, с. 114), в Хивинском районе — *таннау* (пол. зап. 24, с. 113).

или ствола дерева, примерно лет через пять, они заменялись новыми. Делались также и более мелкие переброски. В этом случае две доски ставились ребром, поперек них под углом плотно укладывались с двух сторон мелкие куски жердей.⁵⁹

Мелкие каналы — *салма* — запруживали простой землей.⁶⁰

В случае необходимости закрыть крупный яб или ликвидировать сильный прорыв дамбы использовали *вард* — связки камыша или колючки, загруженные комьями земли с хворостом и связанные жгутами из травы — *ожерек*. Примерно таким же способом делали *карабур*. Насколько нам известно, карабуры были более крупных размеров. В карабуре использовались вместо камыша выделанные из камыша плетенки — *бердан*, также связанные жгутами ожерека. Заготовленные заранее варды или карабуры сбрасывали с двух берегов яба одновременно и в очень быстром темпе. Часть материала уносилась сильным течением воды в нижнюю часть реки или канала. Этот способ известен как способ сверченных тяжелых *фашин*.⁶¹

Условной единицей измерения воды в ханстве являлось *сув*, т. е. то ее количество, которое было потребно для орошения 10 танапов земли.⁶²

Установленная при общем упорядочении налогового дела в ханстве (в начале XIX в., при проведении административных реформ), эта единица измерения послужила исходным моментом в расчете выделения рабочей силы на проведение ежегодных работ по очистке магистральных каналов — *казу*.⁶³

Землевладельцы или землепользователи десяти танапов земли и в то же время водопользователи (*абхур*) одного сув обязаны были выделить одного рабочего на казу в течение 12—30 дней.⁶⁴ Владельцы или землепользователи более мелких участков земли объединялись для выполнения необходимых ирригационных работ. Такое объединение являлось по существу территориальной общиной водопользователей. Оно называлось *джабды*.⁶⁵

Объединение в джабды было широко распространено во всех районах южного Хорезма. В джабды объединялись либо родственники, либо соседи.⁶⁶ Джабды составлялись года на 4—5, затем по желанию участников могла быть сделана перегруппировка хозяйства. Участники заменялись и составляли джабды в других соотношениях. Объединение по соседству имело более постоянный характер. Участники джабды по взаимной договоренности должны были взять на себя работу пропорционально размерам своих участков. Например, если в джабды входило три хозяйства с землей в 5, 2 и 3 танапа, то при казу в 10 дней первое хозяйство выделяло рабочего на 5 дней, второе на 2 и третье на 3 дня. При объединении пяти хозяйств с землей по 2 танапа на казу выходили по 2 дня.

⁵⁹ Там же, пол. зап. 42, с. 299 (Шаватский р-н).

⁶⁰ Там же, пол. зап. 24, с. 113.

⁶¹ Д и н г е л ь ш т е д т Н. Опыт изучения. . . , с. 12—13. — Нам рассказывали, что в 1936 г. при большом переливе реки через дамбы в р-не Джумурта-тау работало 1800 чел. местных жителей и 900 туркмен, в качестве фашин использовали кипы хлопка и даже мешки с мукой, так как стихийное бедствие угрожало большому и плотно населенному участку Хорезма. На помощь по ликвидации прорыва были брошены большие силы. Бедствие удалось предотвратить (Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 31, с. 166).

⁶² И в а н о в П. П. Архив хивинских ханов XIX в., с. 64, 123.

⁶³ *Казу* — имя существительное, образованное от глагола *казимок* — копать, рыть, раскапывать (Узбекско-русс. словарь, с. 598).

⁶⁴ И в а н о в П. П. Архив хивинских ханов XIX в., с. 29, 51, 56, 123, 231. — В последние годы перед революцией норма выхода на казу была увеличена — требовался один рабочий от пяти танапов (Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 41, с. 223 и др.).

⁶⁵ Г у л я м о в Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 264; см. также: Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 5, с. 23.

⁶⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 5, с. 23, пол. зап. 35, с. 185.

Первым выходил работник от того хозяйства, у которого было больше земли. Но бывало и так, что одно хозяйство выделяло рабочего на весь срок, остальные хозяйства, входившие в джабды, оплачивали его труд и расходы на питание, которое называлось *кунлик*, или *казупули*. Бывало, что хозяин оплачивал кунлик натурой в размере батмана пшеницы в день с обязательством устройства плова на каждый день работы. Позднее стали переходить на оплату кунлика деньгами. Последний вариант относится к более позднему периоду и свидетельствует о развитии денежных отношений. Во главе каждой такой группы стояло ответственное лицо — *джабдыбаши*,⁶⁷ которое вело взаимный расчет участников джабды и было связано с водной администрацией — *мирабами* и отчасти аксакалами, — получая от них распоряжения о времени вывода участников казу на работы. Вообще же в джабды, видимо, следует видеть сохранение в пережиточном виде общинных отношений, когда-то прочно сложившейся водной общины, продолжавшей существовать в условиях развитого классового общества.

Основные работы по приведению в нормальное состояние ирригационной сети велись два раза в год: осенью, после закрытия или во время закрытия каналов, и весной, перед началом поливного сезона.

Осенние работы заключались главным образом в ремонте защитных дамб и строительстве новых оросительных каналов, устройстве перекрытий в головных каналах и расчистке зимних сбросов.⁶⁸ На весенние работы — *улуу казу* (большую чистку) собирали в начале марта. В это время проходила коренная чистка магистралей и водопроводящей сети. Пришедшие на работы получали задание на каждые 60 чел. Измерения проводил специальный меряльщик — *аркончи*, который отмерял участок по дну яба веревкой — *аркон*, или *ип*, — в десять размахов руки, что составляло 10 кулоч.⁶⁹ Для отмеривания участка, кроме веревки, использовали иногда жердь *хода* из дерева картала приблизительно в 4—5 м. Если берега яба были глубокими, то та же норма давалась на 80—100 чел. Участники работ становились в три, четыре или пять параллельных рядов по откосу яба лицом друг к другу и подавали лопатками — *капча* снизу вверх подлежащий выбросу ил, перекидывая его с лопатки на лопатку. Высота откосов канала требовала иногда 4—5-кратной перекладки.⁷⁰ Этот способ выбрасывания ила назывался *охра*.⁷¹

Казу считалась одной из самых трудных повинностей в ханстве. По подсчету Н. Дингельштедта, в Хорезме в конце XIX в. на очистке основных левобережных каналов ханства работало в течение 30 дней ежедневно 22 850 чел., что давало общую затрату 68 550 чел.-дн. в год. Так как каналы были разной протяженности, то и затрата труда на их очистку была различной. На Палван-яб собирали от 5 до 8 тыс. чел., на Шават — 6 тыс. чел., на Газават — 3—4 тыс., на Ярмыш — 1—1,5 тыс. чел. и т. д.⁷² А если включить в подсчет время, затрачиваемое на расчистку второстепенной сети, то в совокупности получится весьма внушительная сумма — не менее 2 000 000 чел.-дн. в год.⁷³

При начале чистки второстепенной сети *ички казу*, или внутреннего казу, мирабы обычно советовались с главами общин — *кедхуда*, или

⁶⁷ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма... с. 264.

⁶⁸ Зубрек К. Земледелие и ирригация Хорезма в связи с вопросом этнического объединения. — Новый восток, 1923, № 3, с. 214.

⁶⁹ Дингельштедт Н. Опыт изучения... с. 66; см.: Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 42, с. 229.

⁷⁰ А. Б. Землечерпательница для очистки хивинских каналов. — Вопросы ирригации, 1924, № 9, с. 89.

⁷¹ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 34, с. 163.

⁷² Дингельштедт Н. Опыт изучения... с. 39.

⁷³ Янгур Т. М. Некоторые результаты изысканий в Южнохорезмском оазисе. — Вестник ирригации, 1924, № 12, с. 80.

яшулли, начинать ли чистку с «хвостовой» части или от «головы». ⁷⁴ На *казу*, кроме местных жителей — узбеков, выходили туркмены, обрабатывающие земли в «хвостовой» части ябов, и каракалпаки левобережья. ⁷⁵ Их иногда нанимали вместо себя состоятельные люди. ⁷⁶

Поливное земледелие, сопровождавшееся на протяжении многих веков повышением поверхности земли, нарастанием культурно-ирригационных наносов, повлекло за собой заглубление оросительной сети. Последнее обстоятельство, т. е. глубина залегания каналов, оставшихся на прежних уровнях, ⁷⁷ вызвало к жизни появление водоподъемных колес — *чигирей*, время изобретения которых Я. Г. Гулямов относит к периоду раннего средневековья. ⁷⁸

Чигирь представляет собой очень умело сконструированное сооружение, основное назначение которого заключалось в подъеме воды для орошения полей, расположенных на 1—1.5 м выше уровня водораспределительной сети. ⁷⁹

Использовались чигири: большой — *уллу чигыр*, рассчитанный на силу верблюда, средний — *урта чигыр*, приводившийся в движение силой лошади или быка, и малый — *кичи чигыр*, работавший при прогоне осла. ⁸⁰ Последние имели малое распространение. В свое время нами был зафиксирован один из типичнейших видов чигирей. ⁸¹

Принято выделять типы чигирей по ряду признаков. Во-первых, в зависимости от диаметра окружности, по которой ходит запряженное в чигирь животное. В этом случае выделялся чигирь *тюлиген*, когда путь животного проходил между вертикальным зубчатым и водоподъемными колесами, чигирь *тартма*, или *кельтик*, когда дорожка, проходимая животным, выносилась на уровень водоподъемного колеса (оно находилось внутри окружности, по которой ходит животное, в связи с чем диаметр дорожки увеличивался). ⁸²

Во-вторых, по числу зубцов на вертикальном и горизонтальном колесах, при этом количество зубцов колеса на вертикальной оси, занимавшего горизонтальное положение, увеличивалось, а количество зубцов колеса на горизонтальной оси, имевшего вертикальное положение, оставалось неизменным. ⁸³

В-третьих, по количеству кувшинов (*дигир*), подымавших около 3 л каждый. Число их на подъемном колесе колебалось от 24 до 38. ⁸⁴

В-четвертых, в зависимости от величины спицы — *кегей* основного чигирного колеса, т. е. радиуса колеса. Кегей могли быть от 10 до 18 карышей. ⁸⁵

В-пятых, по времени оборота колес. Средний по количеству оборотов чигирь носил название *тенг дукар*, а большой — *бир ярим дукар*, т. е.

⁷⁴ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 12, с. 52.

⁷⁵ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в., с. 231.

⁷⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 39, с. 211.

⁷⁷ Георгиевский Б. М. Южный Хорезм, с. 95—101.

⁷⁸ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . . , с. 90.

⁷⁹ Подробное описание чигири хорезмского типа, его составных частей, механизма действия, снабженное чертежами и пояснениями, дано Я. Г. Гулямовым (История орошения Хорезма. . . , с. 253—257); см. также: Громов М., Баранов В. Чигирь как водоподъемная машина и как привод. Ташкент, 1937, табл. I; Кондрашов С. К. Орошаемый Хорезм. М., 1931, с. 127—135, табл. 24, 25, с. 196; Современный кишлак и аул Средней Азии. (Соц.-экономический очерк). Вып. II. Ханкинская волость (Хорезмской области УзССР). Под ред. В. Б. Карпова и И. Е. Суслова. Ташкент, 1926, с. 22, табл. 17, 152; Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — ТХАЭЭ, т. I, М., 1952, с. 257—260.

⁸⁰ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 2, с. 26.

⁸¹ Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма, с. 259, рис. 3.

⁸² Кондрашов С. К. Орошаемый Хорезм, с. 130.

⁸³ Там же, с. 135.

⁸⁴ Там же, с. 134.

⁸⁵ *Карыш* — это расстояние от конца большого пальца раскрытой руки до конца мизинца (Архив ЛОИЭ, 1971, кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 12, с. 51).

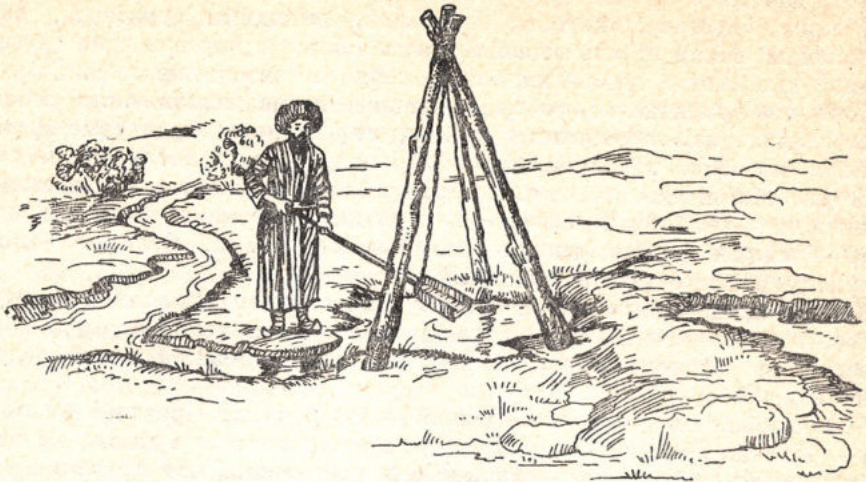

Рис. 4. Полив способом сема. Хазараспский р-н.

такой чигирь, который по сравнению со средним делал полтора оборота и потому подавал на поле в полтора раза больше воды за равное время ⁸⁶ (см. табл. 6).

Табл. 6 как бы суммирует основные признаки чигирей и дает нам более или менее четкую характеристику их типов. При этом, по-видимому, сочетание определенных показателей могло несколько варьироваться. Например, большой чигирь имел не самые высокие колеса и не самое большое количество дигиров.

Чигирь средней величины при подъеме на высоту 1.5—2 м подавал воды около 20 м³/час, ⁸⁷ из чего видно, что производительность его была далеко не так высока, как это требовалось дехканскому хозяйству. Приобретение чигиря или его заказ мастерам был делом трудным и

Таблица 6
Типы чигирей

Наименование и тип чигиря	Отношение числа зубцов колес на вертикальных и горизонтальных осях	Количество кувшинов	Высота подъема воды (м)	Мощность (л. с.)
<i>Тенг-дукар</i> , т. е. нормальный . . .	16 : 16 (1 : 1)	34	1.50	5.2—5.6
<i>Су-чирек</i> , т. е. четверть воды (<i>Чорьяк</i>)	20 : 16 (1.25 : 1)	31—33	1.35	6.07
<i>Бир-ярм-дукар</i> , т. е. полуторамощный	24 : 16 (1.5 : 1)	30—32	1.20	7.2

Примечание. Таблица взята (с некоторыми изменениями) из кн.: Кондрашов С. К. Орошаемый Хорезм, с. 135, табл. 25. — Таблица, приведенная в книге «Современный кишлак и аул Средней Азии. Ханкинская волость» (вып. II. Ташкент, 1926, с. 17), нам представляется менее точной и не подтвержденной материалом.

⁸⁶ Кондрашов С. К. Орошаемый Хорезм, с. 135; Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 12, с. 51, пол. зап. 26, с. 133.

⁸⁷ Загороднев. К проблеме механизации. . . , с. 20.

малодоступным дехканскому хозяйству. В 70-х годах прошлого века чигирь стоил около 4 тилля⁸⁸ (1 тилля=1р. 80 к.), в зависимости от качества дерева стоимость его могла доходить до 7 тилля.⁸⁹ Ремонт или восстановление некоторых износившихся его частей дехкане производили своими силами.

В среднем один чигирь удовлетворял водой участок земли, равный 10 танапам, т. е. около 4 га. Беднейшие хозяйства объединялись и пользовались одним чигирем на два, три, а иногда и четыре хозяйства. В байских хозяйствах чигирей было 3 и даже 4.⁹⁰

В целом по левобережному Хорезму в начале века насчитывалось около 40 тысяч чигирей.⁹¹

Для орошения небольших участков размером около 100 кв. м долгое время сохранялся способ орошения *сепма*,⁹² т. е. применялась ручная подача воды из более низкого места вверх лопатой, укрепленной веревкой на треножнике из кольев (рис. 4).

Характерной чертой орошения Хорезма было наличие разветвленной заурной сети, т. е. тех каналов, которые отводили отработанную после орошения воду. Поэтому заболачивание годной для возделывания земли было явлением редким. Зауры отводили воду за пределы оазиса и сбрасывали ее в многочисленные озера.

Итак, густая сеть ирригационных каналов различного соподчинения представляла собой результат труда многих поколений населявших оазис народов. Нормальное функционирование этой системы требовало ежегодно огромных затрат труда крестьянства, превышавших подобные затраты в других орошаемых районах Средней Азии. Хорезму была свойственна строгая регламентация водопользования. Способы орошения, приемы доведения воды до выращиваемых культур, последовательность сезонных работ обеспечивали водой земледелие и были существенным условием выращивания сравнительно высоких урожаев.

⁸⁸ Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX в. Ташкент, 1966, с. 30.

⁸⁹ О производительности чигирей Хорезма различных размеров см.: Дингельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. II, с. 67—68.

⁹⁰ Кондрашов С. К. Орошаемый Хорезм, с. 128—129, 133, табл. 23, с. 135, табл. 24.

⁹¹ Ю. Г. Саушкин сообщает, что в 1933 г. в Хорезме было около 50 тыс. чигирей и на каждый чигирь приходилось по 2—4 га орошаемой им земли (Географические очерки. . ., с. 294; Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 7, с. 26 (Хазараспский р-н)).

⁹² Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. . ., с. 249.

IV. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледельцы Хорезма хорошо знают свойства почвы своего района и различают разные виды ее. Так, по данным И. М. Джаббарова, местные земледельцы выделяют два вида почв. Один из них, известный под названием *асил кизил чакка тупрок*, считался лучшим. Это незасолоненные или слабо засолоненные почвы, отличающиеся весьма высоким плодородием. Второй — *шур чага тупрок* — аллювиальные, распространенные на территории низовьев Амударьи. ¹ По нашим сведениям, в Ханкинском р-не три вида почв: *вап* — почва средней мягкости, неплодородная, *сауга* — твердая, самая плодородная почва, и *чая* — земля зеленоватого цвета, совершенно не пригодная для посева. ² В Хивинском р-не существовало такое же деление почв, с тем лишь уточнением, что *вап* определялся как наносы амударьинской воды, подымавшейся из каналов при их очистке, которую в ряде мест использовали как примесь к удобрениям. ³ В Шаватском р-не плодородная земля называлась *ая ер*, что означает 'мать', 'матушка-земля', солончаковая — *шур ери* и песчаная — *кумли*. ⁴ В Гурленском р-не преобладала *сугалък ери*, т. е. земля со значительной глинистой примесью в отличие от почвы зарослей — *чагалък ери* и солончаковой почвы — *шурхок*. ⁵

Решающим условием земледелия было удобрение полей. Основным удобрением был навоз — *дарс*. Накопление его было теснейшим образом связано с уходом за скотом. В зажиточных хозяйствах, имевших достаточное количество рабочей силы, уборка стойл проводилась ежедневно. Навоз сразу же засыпался присыпкой и сгребался в кучи в центре помещения для скота. Присыпка — *курулуқ*, заготавливалась заранее из песка и наносов с откоса оросительных каналов — *раша* (южн.) или *вапа* (центр. р-н). ⁶ Через несколько дней накопившийся в стойле навоз с присыпкой выносили из помещения, складывали в большие кучи у стен дома и также присыпали курулуком. В некоторых хозяйствах навоз из стойла убирали только два раза в год — весной и осенью. Заготовку удобрения производили постепенно зимой. Накапливание и обработка его занимали свободное от других работ время и летом. Навоз с присыпкой свозили в отведенное для них место, окруженное небольшим земляным валиком — *чел*. Время от времени его перемешивали лопатой. Смесь, полученная таким способом, называлась *нанбар* (компост). Требовалось ее огромное количество. Так, на 1 танап земли, подготавливавшейся для озимой пшеницы, привозили 100—160 арб нанбара, в каждой арбе — до 300 кг удобрения. В качестве фосфорного удобрения употребляли также землю из развалившихся глинобитных домов, заборов, особенно полезную для посевов

¹ См.: Джаббаров И. М. О культуре земледелия южного Хорезма. — В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. М., 1961, с. 283.

² Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 16, с. 68—69.

³ Там же, пол. зап. 19, с. 90, пол. зап. 24, с. 115.

⁴ Там же, пол. зап. 35, с. 183.

⁵ Там же, пол. зап. 31, с. 163.

⁶ От глагола *курумок*: 1. сохнуть, высыхать, засыхать (Узбекско-русский словарь. М., 1959, с. 631; Архив ЛОИЭ, кол. 1, оп. 2, № 921, с. 2).

джугары, для которой требовалось от 80 до 200 арб удобрений на 1 танап.⁷

В случае истощения почвы при постоянном ее использовании часто сменяли не вид посева, а самую землю, с которой удаляли верхний слой и заменяли его вновь привезенной землей с возвышенностей или с берегов яба в количестве, равном вывезенному. Один из участников экспедиции А. И. Глуховского пишет: «Насколько значительны эти работы, показывал следующий расчет: слой в один вершок с одного танапа в 200 кв. саж. составит до 18.75 куб. саж. земли, и, полагая даже ее вес вследствие примеси остатков удобрений от 600 до 800 пудов в куб. саж., земледельцу нужно вывезти от 458 до 600 арб, в 25 пудов каждая, земли и столько же привезти... Замена верхнего слоя почвы участка новым требует ежедневной работы около 30 дней одного, а иногда и двух рабочих с арбой и лошастью».⁸ Он считает, что «вся почва Хивинского ханства, за исключением немногих сильно солончаковых мест и мест, покрытых сплошным в виде барханов песком, годится обработке. Эта серая глина, и особенно с примесью удобрения, дает такие прекрасные урожаи, как самый лучший чернозем».⁹

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что культурный слой почвы южной части Хорезма является продуктом длительного и неустанного труда многих поколений земледельцев, населявших Хорезм.

Принято считать, что земледельцы Хорезма не придерживались никакого севооборота,¹⁰ а засевали свои земельные участки произвольно. Наши материалы показывают ошибочность этой точки зрения. Долголетние посевы на одних и тех же полях озимой пшеницы, джугары, люцерны и бобовых осуществлялись при определенном чередовании этих культур, из которых люцерна, будучи засеяна на выделенном участке в течение 8—10 лет, обогащала почву необходимыми для выращивания пшеницы и других растений веществами.¹¹ По мнению того же участника экспедиции А. И. Глуховского, «на истощенной пшеницей почве клевер не только сам хорошо родится, но и способствует восстановлению сил почвы, так как корни его разрыхляют почву и получают пищу гораздо глубже корней пшеницы».¹²

Посеянные после люцерны или бобовых, пшеница и джугара давали в последующие годы отменные урожаи. Все дело заключалось в том, что периоды севооборота были замедленными, растянутыми на многие годы. И, конечно, прав был Ор. Шкапский: «Население как Шураханского участка, так и вообще всего Хивинского оазиса практикует скорее так называемый вольный севооборот без парового поля».¹³ Он подчеркивает, что «некоторая последовательность в посевах соблюдается лишь на нови, первый раз на которой сеется или просо, или кормовая джугара (*гауч*), а осенью то же поле засеивается после удобрения озимой пшеницей, которая начинает вольный севооборот».¹⁴

Земля, освобожденная от озимой пшеницы, засеивалась просом (*тари*) или машем, за которыми на следующий год следовали дыни и овощи. А часть земли распахивалась и оставалась свободной от посевов. Она отдыхала, прожигалась на солнце до осени, когда ее после соответствующей обработки занимали озимой пшеницей. Это был краткосрочный пар — *шудгор*

⁷ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 11, «Землевладение, земледелие и производительность почвы», 1876—1896 гг., л. 5.

⁸ Там же, л. 17.

⁹ Там же, л. 17, об.

¹⁰ Д ж а б б а р о в И. М. О культуре земледелия. . . , с. 288.

¹¹ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 3, с. 13, пол. зап. 24, с. 115

и др.

¹² ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 11, л. 5 об.

¹³ Ш к а п с к и й Ор. Амударьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Амударье. Ташкент, 1900, с. 83.

¹⁴ Там же.

(хорезм. *шудъяр*). Хлопок на одном и том же месте сажали три-четыре года подряд, а затем его сменяли посевами джугары, пшеницы или люцерны.

В Шаватском р-не севооборот был несколько иным — два-три года сеяли джугару, потом то же поле занимали пшеницей и дынями. Вместо дынь на следующий сезон сеяли озимую пшеницу. Весной и летом сеяли *джуган* на корм скоту, а затем на том же месте — джугару. Чем засеять то или другое поле в наступавшем сезоне, как менять расположение культур на участках земельных угодий — определялось в самих хозяйствах. Основанием смены культур являлось состояние почвы, зависимость ее от засоления, истощение ее. Исключением из этого общего порядка в некоторых местностях были посевы риса. Так, в окрестностях Хазараспа на Пчакчи-ябе принято было ежегодно перед началом сева договариваться о том, на каком берегу яба в данный год будут располагаться посевы риса — *шоли*, соответственно на другом берегу высевались другие зерновые культуры. Посевов люцерны это не касалось. Решение принимали старейшины больших семей, главы хозяйств и аксакал, и это решение было обязательным для всех, пользовавшихся водой данного яба.¹⁵ По-видимому, здесь налицо остатки существовавшей здесь водной общины, сохранившейся в силу необходимости регулировать посевами одной из культур, потреблявшей наибольшее количество воды, неумелое использование которой могло повлечь за собой нежелательные изменения почвы и нарушение водного режима культур на соседних участках.

М. Ю. Юлдашев пишет: «В XIX веке основным видом Хивинского земледелия являлось культивирование злаков. Более половины пахотной площади было занято пшеницей и джугарой, около одной пятой — хлопком. На остальной площади выращивались ячмень, рис, лен, кунжут, дыни и арбузы».¹⁶

Весьма приблизительную картину рисуют нам данные переписи 1910 г., проведенной ханской администрацией.¹⁷ Наиболее полные сведения о соотношении культур, возделываемых в Хорезме, дают материалы обследования, проведенного в 1924 г. Среднеазиатским экономическим советом.¹⁸

Очень важно высказанное Н. И. Вавиловым заключение, что Хорезмский оазис интересен своеобразным подбором культур и сортов, неповторимым сочетанием их, выработанным тысячелетним опытом народа.¹⁹

Сравнение обобщенных данных о соотношении культур, сообщенных М. Ю. Юлдашевым, с материалами обследований 1924 г. показывает устойчивость состава сельскохозяйственных культур, несмотря на прошедшие полвека. Мы приводим данные переписи 1910 г., сведения нами в таблицу, и итоги обследования 1924 г., так как считаем, что они могут дать представление о пропорциях в сочетании высеваемых растений (см. табл. 7 и 8).

Из зерновых важнейшей культурой была пшеница, преимущественно озимая на поливных землях. В центральных частях южного Хорезма она занимала около 30% всех земель. Это Манак, Кят, Клычниязбай, Ургенч, Кият-Кунград, Остана, Янги-арык с окрестностями. Неполивной пшеницы в оазисе не было. Просо сеяли главным образом туркмены и каракалпаки в окрестностях Чимбая и Кунграда.

Наиболее распространенной культурой Хорезмского оазиса являлась джугара, составлявшая вместе с кукурузой до 12,6% в районе Остана, до 22,4% в Ханки. Эта культура использовалась как пищевая в рационе

¹⁵ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 9, с. 29.

¹⁶ Юлдашев М. Ю. К истории крестьян Хивы XIX в. Ташкент, 1966, с. 13.

¹⁷ ЦГА, ф. 125, оп. 1, д. 528.

¹⁸ МРСА. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926, гл. V, Сельское хозяйство.

¹⁹ Вавилов Н. И. Возделываемые растения Хорезма. — Тр. по прикладной ботанике и селекции, т. XX. Л., 1929; см. также: Вавилов Н. И. Избр. труды, т. II. М.—Л., 1960.

Т а б л и ц а 7

Соотношение сельскохозяйственных культур в узбекской части Хивинского ханства по материалам переписи 1910 г. (табаны)

Ханства	Пшеница	Ячмень	Гресо	Рис	Джугара	Хлопок	Людерна	Дни	Маш	Кузжук	Лен (бизир)
Дарган-ата	2400 (40)	600 (10)	300 (3)	—	900 (15)	900 (15)	600 (10)	300 (5)	—	—	—
Садвар	2000 (42)	500 (10)	250 (3)	—	750 (15)	750 (15)	500 (10)	250 (5)	—	—	—
Питняк	1250 (25)	500 (10)	250 (3)	750 (17)	750 (15)	750 (15)	500 (15)	250 (5)	—	—	—
Хазарасп	3750 (15)	—	—	8750 (35)	3750 (15)	3750 (15)	2500 (20)	2500 (10)	—	—	—
Бешарык	4500 (15)	—	—	10 500 (35)	4500 (15)	4500 (15)	4500 (15)	1500 (15)	—	—	—
Окр. Хивы	17 500 (35)	—	—	2500 (5)	52 500 (5)	7500 (15)	15 000 (30)	5000 (10)	—	—	—
Ханки	3600 (30)	—	—	—	2400 (20)	3000 (25)	1800 (15)	1200 (10)	—	—	—
Газават	2000 (25)	—	240 (3)	2000 (25)	160 800 (2)	1200 (15)	1200 (15)	400 (15)	—	—	—
Новый Ургенч	7500 (30)	—	—	1250 (5)	2500 (10)	5000 (20)	6250 (25)	2500 (10)	—	—	—
Кят	6000 (30)	—	400 (2)	1000 (5)	5000 (25)	3000 (15)	3000 (15)	1000 (15)	600 (3)	—	—
Шахбад	2500 (25)	—	500 (5)	500 (5)	2000 (20)	1500 (15)	1500 (15)	500 (5)	500 (5)	500 (5)	—
Манак	5000 (25)	—	400 (2)	4000 (20)	3000 (15)	3000 (15)	3000 (15)	1000 (5)	600 (3)	—	—
Клычбай	3600 (20)	540 (3)	900 (5)	2800 (15)	2800 (15)	3600 (20)	1800 (10)	900 (5)	360 (2)	900 (5)	—
Гурлен	6000 (2)	—	—	7000 (25)	4500 (10)	6000 (2)	3000 (10)	1500 (5)	—	—	—
Мангыт	5600 (20)	500 (2)	750 (3)	—	5000 (20)	6250 (25)	2580 (10)	1250 (5)	1250 (5)	1250 (10)	1250 (50)
Киччак	2400 (20)	720 (6)	360 (5)	600 (5)	1800 (10)	3000 (20)	1200 (10)	600 (5)	360 (5)	1200 (15)	360 (5)

Примечание. Таблица составлена по материалам ЦГА, ф. 125, оп. 1, д. 528. В скобках указаны проценты.

Таблица 8

Соотношение площадей, занятых сельскохозяйственными культурами в узбекской части Хивинского ханства, по материалам 1924 г. (%)

Волости	Всего зерновых (пшеница, ячмень и др.)	В том числе рис	Джугара и кукуруза	Бобовые (местн. и амер.)	Хлопок (местн. и амер.)	Масличные (кунжут и др.)	Бахчевые и огородные	Люцерна, однолетние травы	Прочие
Ургенчский уезд									
Питняк	48.5	22.5	11.9	1.0	20.6	3.2	2.4	12.4	—
Бешарык (Багат) . . .	37.3	2.5	18.4	0.6	20.6	2.2	3.7	17.0	0.2
Ургенч	30.3	2.1	21.3	—	22.1	0.6	4.0	21.7	—
Кият-Кунград	30.3	2.5	17.8	4.1	25.0	2.9	4.6	14.7	0.4
Ханки	29.3	0.1	22.4	0.1	25.8	0.1	3.5	18.8	—
Хивинский уезд									
Акдербент	44.3	3.8	15.4	2.1	7.9	7.2	5.7	17.4	—
Хивинская	43.6	4.9	12.7	2.0	11	5.0	6.8	18.8	0.1
Гуджа	33.8	4.8	12.7	2.0	15.5	5.3	5.7	25.0	—
Остана	37.3	8.7	12.6	2.6	15.5	8.8	4.5	18.4	0.3
Янги Арык	32.2	4.6	14.7	2.4	17.1	8.3	4.5	20.8	—
Газават	37.3	4.3	14.5	5.2	14.5	9.5	4.0	14.8	0.2
Шават	33.4	0.6	17.5	1.8	14.6	4.2	5.8	22.5	0.0
Кожкуыр	29.0	4.1	20.2	—	16.9	5.7	6.9	21.3	—
Гурлендский уезд									
Манак	34.7	1.5	17.0	3.2	17.2	5.4	4.8	17.5	0.2
Кят	31.0	0.3	20.0	1.2	18.9	3.8	7.4	17.7	—
Клычбай	31.8	1.3	17.5	1.7	19.6	2.7	3.9	16.8	—
Мангыт	37.6	10.2	15.3	1.3	23.2	3.7	5.5	13.0	0.4
Кипчак	30.6	3.6	20.5	1.8	25.0	1.1	7.5	13.5	—
Гурлен	32.9	10.5	14.7	1.4	29.6	1.7	7.1	12.6	—

населения, но значительная ее часть шла на корм скоту, что являлось весьма существенным в ведении животноводства. Некоторая часть джугары (от 3 до 9%) высевалась вторичным посевом после уборки урожая ячменя на зеленый корм скоту — *гауш*. К кормовым культурам относится также люцерна, посевы которой занимали 15—18% площади. Высокий процент кормовых культур объяснялся скудной кормовой базой и недостатком естественных пастбищ, в чем сказывалось своеобразие животноводства Хорезма. Кроме того, Хорезм экспортировал на мировой рынок значительное количество семян люцерны.²⁰

Рис возделывался в местах, хорошо обеспеченных водой. К местностям с большими посевами риса относились Мангыт (10.2%), Гурлен (10.5%) и Питняк (22.5%). В остальных хакимствах посевы его были значительно меньшими.

Хлопок занимал значительное место в посевных площадях хорезмских узбеков. С 80—90-х гг. XIX в. стали сеять его американский сорт *upland*. К 1914 г. он занимал около 55 тыс. га, что составляло от 17 до 25% всех посевов.²¹

Бобовые культуры, преимущественно маш, устойчиво занимали 1.5—2% площади.

Из масличных культур на первое место следует поставить кунжут, на второе — лен (*зигир*), при этом использование льна как масличного

²⁰ Там же, с. 52.²¹ Там же, с. 47.

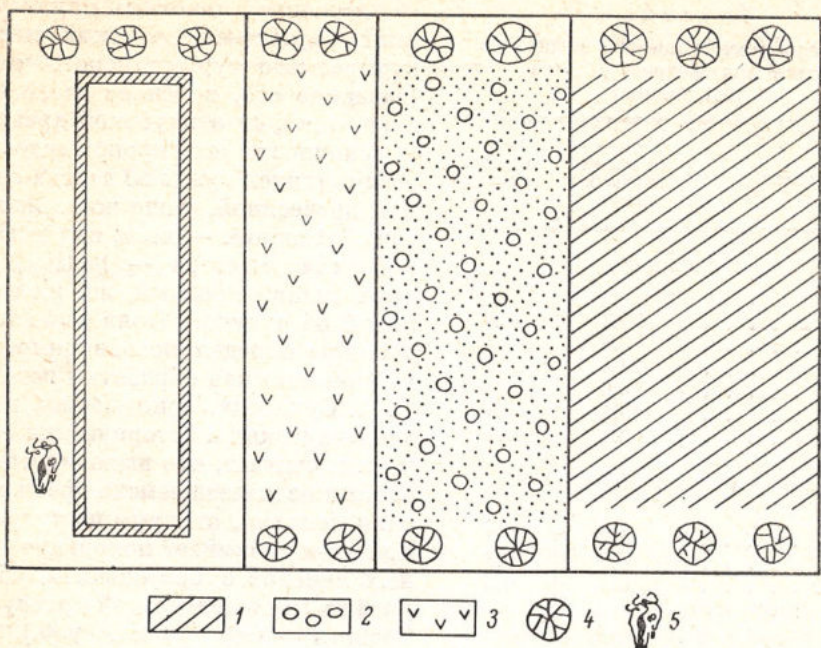

Рис. 5. План расположения сельскохозяйственных культур на участках земли малых размеров. Хазараспский р-н.

1 — пшеница, 2 — люцерна, фруктовые деревья, 3 — кукуруза, 4 — деревья (тополя), 5 — череп лошади.

растения несомненно является свидетельством древнейшего его применения.

Под посевы бахчевых культур (дынь, арбузов и тыкв) в Хорезме отводились большие массивы посевной площади. Под выращивание дынь засеивались также каирные земли вблизи Амударьи на островах. Широкое распространение имели сады и виноградники, что некоторые авторы связывали с хutorским характером расселения.²² Население Хорезма в составе сельскохозяйственных культур отдавало предпочтение некоторым их видам. Такими культурами у узбеков Хорезма, сохранявших родоплеменное деление, казахов, каракалпаков и туркмен были просо и отчасти кунжут (см. табл. 9).

Состав сельскохозяйственных культур складывался в условиях замкнутого оазиса. Целесообразность в соотношении возделываемых растений обеспечивала потребности населения оазиса (см. рис. 5) и кочевого населения окружающих его степей.

Сельскохозяйственные орудия Хорезма отличаются определенным своеобразием.

Благодаря вторым посевам культурная площадь из 6.1 танапа превращалась в 8.3, т. е. увеличивалась на 36%. В обстоятельной статье Л. А. Фирштейн дано описание орудий узбеков и таджиков и отмечено отличие орудий Хорезма от орудий населения других земледельческих оазисов Средней Азии.²³ Поэтому отметим лишь несколько существенных, с нашей точки зрения, моментов.

²² Средне-Азиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. Под ред. Ю. И. Пославского и Г. Н. Черданцева. Ташкент, 1922, с. 34.

²³ Фирштейн Л. А. 1) Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по коллекциям МАЭ). — Сб. МАЭ, XXVI, Л., 1970; 2) Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970, с. 143—200. — Литература о сельскохозяйственных орудиях Хорезма довольно обширна, хотя не во всех приведенных нами работах даны исчерпывающие сведения. См.: И в а н и н М. Хива и река Амударья. СПб., 1873

Т а б л и ц а 9
Распределение посевов на поле
хозяйства среднего размера
(6.1 танапа)

Посевы	% пашни от общей площади поля	Число танапов, занятых посевом
Г л а в н ы е		
Пшеница	30.3	1.8
Ячмень	2.5	0.4
Джугара	26.4	1.6
Хлопок	16.6	1
Клевер	15.4	0.9
Дыни	2.5	0.4
В т о р о с т е п е н н ы е		
Кушгут	1.2	0.9
Маш	0.9	0.7
Просо	0.8	0.6

Примечание. Таблица взята из кн.: Шкапский Ор. Амударьинские очерки, с. 176.

Посредством сошника кунде взрыхляли почву, ширина сошника хорезмского типа (30—31 см), по мнению И. М. Джаббарова, позволяла подрезать сравнительно большие пласты земли и переворачивать их, что способствовало уничтожению сорных трав.²⁸ Неоднократное вспахивание земли вдоль и поперек обрабатываемого участка хорошо взрыхляло почву и подготавливало ее к посеву.

Кунде разделялись на большие — *уллу кунде* и малые — *кичик кунде*. Первый использовался для глубокой вспашки, главным образом при подготовке поля к посеву озимой пшеницы, при обработке поля с шутгаром.²⁹

Ярмо — *буйинтурук* делалось мастером *юнучи* из самого легкого дерева — тополя — *терак*, или *бойтерак*, всегда из расчета на пару быков. Оно крепилось к грядилю — *арии* посредством веревки — *ип*

Основным пахотным орудием являлся *кунде* — хорезмский тип так называемого туркестанского омача. Название его, в основе своей иранское, говорит о глубокой древности и исконности его происхождения.²⁴ Изготавливался кунде из дерева с плотной древесиной, чаще всего из карагача.²⁵ Сошник — *паза*, над которым работали мастера — *пазачи*, был двух видов: кованый из железа и литой из чугуна.²⁶ Появление литого сошника определялось, видимо, изменением навыков обработки металлов. О. А. Сухарева, основываясь на археологических и исторических источниках, считает, что выкованные кузнецами из железа лемеха предшествовали лемехам, отлитым из чугуна, и при этом связывает появление чугунных лемехов с повышением общего уровня земледельческой культуры.²⁷ Сошник — *паза* (южн. узб.), *тиш* (сев.) — был самой прочной частью кунде. Он выходил из строя года через три-четыре (см. табл. 10).

(см. рисунок); Шкапский О. 1) Амударьинские очерки, с. 73—74, 78; 2) Как хивинцы ведут полевое хозяйство на своих безводных землях (см. рисунки и чертежи). — В кн.: Рассказы о Средней Азии, кн. I. М., 1900; Фатеев И. М. Сельское хозяйство. — В кн.: Современный кишлак и аул Средней Азии. (Соц.-экономический очерк). Вып. II. Ханкинская волость (Хорезмской области, УзССР). Ташкент, 1926; Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма. — ТХАЭЭ, т. 1, М., 1952, с. 256—260; Джаббаров И. М. 1) Из истории техники и культуры земледелия южного Хорезма (конец XIX—начало XX в.). — В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961, с. 238—287; 2) Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX—начало XX в. Историко-этнографический очерк. — ТИЭ АН СССР. Нов. сер., т. ХСVII. Занятия и быт народов Средней Азии. Л., 1971, с. 78—80; Сухарева О. А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии. — Там же, с. 150—152. — О работе кунде и наконечнике пазы см. также: Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920.

²⁴ *Кунде* — нижняя часть дерева, комель, пень, обрубок, чурбан. Миллер М. Персидско-русск. словарь. М., 1953, с. 409.

²⁵ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 13, с. 74; МАЭ, кол. 6657-1, 2, 3.

²⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 34, с. 237.

²⁷ Сухарева О. А. К вопросу о литье металлов в Средней Азии, с. 78—80.

²⁸ Джаббаров И. М. Из истории техники и культуры земледелия Южного Хорезма (конец XIX—начало XX в.), с. 285.

²⁹ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 24, с. 115.

Таблица 10

Сельскохозяйственный инвентарь хозяйства среднего достатка (конец XIX в.)

Наименование предметов	Количество	Стоимость одного орудия (руб.)	Срок службы, (годы)	Погашение в год (руб.)
Чигирь	1	25	10	2.50
Ремонт его	—	—	—	2
Соха	1	2	10	0.20
Чугунный сошник	1	1	3	0.33
Ярмо	1	2	20	0.10
Ремень в ярму	1	0.80	1	0.80
Мала	1	2	6	0.33
Мала-дандана	1	6	6	1
Лопата	2	2	1.5	2.66
Кетмень	1	2.50	5	0.50
Серпы	4	0.40	1	1.60
Вилы	2	0.50	2	0.50
Арба	1	30	10	3

Примечание. Таблица взята из кн.: Шкапский Ор. Амударьинские очерки, с. 186.

из кендыря или свитого из шерсти аркана, называвшегося *кунде баги*. Для упряжки быков служили палочки — *замиин*, которые под шейей быков связывались более тонкими веревками — *замиинбаги*. Крепился ариш кунде с ярмом посредством петли — *паузум*, сплетенной из ремней сыромятной кожи осла или быка — *хом тери*,³⁰ закрепленной деревянной втулкой — *чакка*. Пахарь управлял движениями быков веревками и, соединенными с буйинтуруком.

Комья земли после пахоты разбивали бороной — *дандона* с железными зубьями. Делали ее на заказ мастера *темирчи*. Зубья напоминали небольшие ножи, укрепленные в толстую доску в шахматном порядке и несколько под углом. Второй вид бороны — *мала*, бороны без зубьев. В отличие от ярма ее делали из очень плотного и тяжелого дерева нарван или караман (различные виды карагача) или тутовника. Назначение ее — оглаживать вспаханное поле, что устраняло комковатость почвы, несколько уплотняло ее и предохраняло от излишнего испарения влаги. Способы крепления дандоны и малы с ярмом аналогичны. Крепление осуществлялось посредством большой, равной по длине оглобле палки — *пайча*, или *мала пайча*, с развилкой, оба конца которой заканчивались железным кольцом — *халка* с цепью — *занджир*. Такие же два кольца укреплялись на мале. Оба кольца скреплялись цепочками с крючком — *илмок*. М. И. Иванин пишет, что «одной сохой и парой хороших быков можно танап овлажненной земли вспахать в сутки два раза, засеять его и забороновать двумя боронами».³¹

Для ручной обработки почвы служили лопата — *бел* и кетмень — *кетмон*. Наиболее распространенной являлась средняя лопата — *урта бел*, или *малак бел*. Лопасть ее железная, кованой работы, несколько выгнутой овальной формы, с расширением книзу и небольшим заострением лезвия. Посредине лопасти, на расстоянии 15 см от верха, крепилась скоба — *кумра*,³² куда вставлялся острый конец деревянной рукоятки. В том месте, откуда начинается расширение лопасти, с каждой стороны ее закреплялись посредством штырей ушки — *кулок* в виде железных петель, используемых для упора ноги при вскапывании.

³⁰ Там же, с. 116.

³¹ Иванин М. И. Хива и река Амударья, с. 42.

³² *Кумра* — возможно, от глагола *камрамок* — «охватывать, обнимать, окружать» (МАЭ, кол. 6657-10). Размеры: длина лопасти 29 см, ширина вверху 20, внизу 25, боковые ушки 9.5, скоба для рукоятки 10 см.

Тип хорезмской лопаты отличается от типа лопат других районов Средней Азии. Древность его подтверждается находками лопасти лопаты в Якке-Парсан, памятнике афригидской эпохи (IV—VIII вв. н. э.). По словам Е. Е. Неразика, на лопате хорошо видны остатки скобы для крепления рукоятки,³³ напоминающей скобу того же назначения для лопаты урта бел.

Разновидностью лопаты урта бел являлась большая массивная лопата *арава-бел* аналогичной формы, предназначавшаяся для погрузки на арбу удобрений нанбар, сбрасывания их с арбы и разбрасывания по полю.³⁴

Способ крепления лопасти лопаты с помощью железных штырей, отчасти форма крепящих устройств и характер обработки металла совершенно аналогичны таковым у железного сошника. Нам представляется возможным усматривать прямую генетическую связь между этими двумя сельскохозяйственными орудиями.

Использование кетменя многообразно. Особенно широко кетмень употреблялся в полеводстве и огородничестве, на окучке растений и поливе полей. Им пользовались при обработке садов и виноградников, а также при подготовке глины для строительства домов.³⁵

Находка обломка кетменя при раскопках замка 92—памятника афригидской эпохи — указывает на древность изготовления и использования кетменя в Хорезме.³⁶

В Хорезме изготовлялись кетмени нескольких типов. Первый тип: большой кетмень — *хабан кетмон* в виде железного, округлой формы диска с небольшим утолщением и высоким рубчиком в верхней части и припаянной к нему втулкой — *загота* для деревянной ручки — *кетмон даста*.³⁷ Ручка длиной в 110 см делалась из каратала, дерева достаточно прочного, но вместе с тем легкого. Название кетменя связано с разделкой лунок — *хабан* для дынь, возделываемых на каирных землях, выращиваемых без полива.

Второй тип: *чопык кетмон* — с диском из кованого железа продолговатой формы, с сильно загнутым верхним краем, образующим углы у втулки и по бокам, который постепенно переходит в лопасть. Им обычно разделявали валики — *чел* на огороде и производили окучку.³⁸ По форме он близок к самаркандскому кетменю, возможно оттуда заимствован.³⁹

Третий тип: *карык кетмон*⁴⁰ — кетмень с плоским, несколько вогнутым диском, удлиненной формы с острыми у основания углами, без поднятого у втулки края. Он использовался для разделки участков земли под огородные растения — морковь, лук, дыни, тыквы.

Серпы изготовлялись также мастерами *темирчи* — *дамирчи*. Хорезмский серп — *урок* имел своеобразную форму, чем значительно отличался от серпов других узбекских районов: лезвие его было мало изогнуто и

³³ Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсан. — В кн.: Материалы Хорезмской археол. экспедиции, т. 7. М., 1963, с. 28, рис. 13, 11, 12.

³⁴ МАЭ, кол. 6657-12. Размеры: длина лопасти 46 см, ширина сверху 24, в середине 29, у конца 18 см, длина скобы 12, ширина — 4 см, штырь для крепления 6.5 см.

³⁵ Фирштейн Л. А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков, с. 166—171, см. также с. 169, табл. II (типы кетменей); Гельцер Г. П. Кетмень, омач и плуг. Ташкент, 1923; Джаббаров И. М. Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX—начале XX в., с. 82—86.

³⁶ Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсан, с. 83.

³⁷ МАЭ, кол. № 6657-4. Размеры: длина диска 24 см, ширина 29 см; Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 17, с. 73.

³⁸ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 41, с. 225; МАЭ, кол. № 6657-9. Размеры: длина 30 см, ширина у втулки 21, ширина внизу 27 см. *Чопык* — окучка, рыхление, мотыжение.

³⁹ Фирштейн Л. А. Земледельческие орудия таджиков и узбеков, с. 169, табл. II, 3 (№ 4384-40).

⁴⁰ МАЭ, кол. № 6657-7. Длина 28 см, ширина у втулки 18, у низа 25 см. *Карык* — борозда для полива между крупными грядами, подготовлявшимися для огородных и бахчевых растений.

на нем имелись мелкие зубцы.⁴¹ Он употреблялся для жатвы пшеницы, ячменя, риса, джугары, люцерны, а также для срезания ветвей тутовника. Большой серп — мангал, или ангал, был сильно изогнут и имел гладкое, без зубцов лезвие.

А. С. Бешкович дает описание киргизского серпа — мангал (Чуйская долина), совершенно аналогичного хорезмскому: «По словам киргизов, серп этот появился у них лет 90—100 тому назад и стал им известен от местных узбеков, из которых одни — земледельцы — сами пользовались им и показали этим пример киргизам, а другие — торговцы — сбывали их киргизам».⁴² Среди хивинцев существует мнение, что этот вид серпа заимствован ими от каракалпачков. Употреблялся мангал главным образом для срезания стеблей джугары и камыша.⁴³

К разновидностям серпа следует отнести урок-кирга — скребок для срезания камыша на льду.⁴⁴ К этой же группе сельскохозяйственных орудий принадлежит небольшой нож — кечкорд ('изогнутый нож') со своеобразным загибом верхней части лезвия. Он служил для прополки овощных культур — моркови и лука — и использовался в садоводстве и виноградарстве для обрезания веток.⁴⁵ Подобные ножи с тем же назначением существовали в Иране.⁴⁶

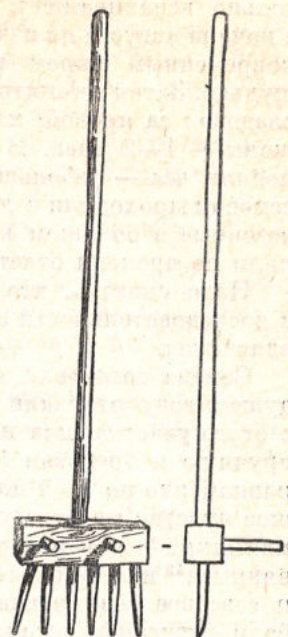

Рис. 6. Саман ява — один из видов вил. Гурленский р-н.

В хорезмском сельском хозяйстве употреблялось несколько разновидностей вил: деревянные вилы — егоч ява с четырьмя зубьями на планке, чага (южн.), или айри ява (сев.), с двумя зубьями; для погрузки соломы и снопов использовали саман ява (рис. 6) — вилы больших размеров с шестью длинными зубьями, на поперечной планке которых перпендикулярно к ней вставлялись два деревянных кольца (15 см), не позволявшие соломе при подъеме ее сваливаться вниз.⁴⁷ Комплекс орудий в хозяйстве среднего достатка был несложен (табл. 10).

Итак, сельскохозяйственные орудия Хорезма, как это видно из приведенного нами описания, были простыми, но отличались определенным своеобразием. Иранские термины для обозначения некоторых из них (кунде, кечкорд и др.), по нашему мнению, подтверждают предположение об очень большой их древности. В конце XIX в. в хорезмском земледелии стали появляться орудия, заимствованные от других этнических групп Средней Азии, такие как кетмень самаркандской формы, серп мангал и др.

Подготовка поля к посеву требовала больших затрат труда человека и тягловой силы животных, в основном быков. Посевы были летними и зимними. К зимним относилась в основном озимая пшеница, которая считалась лучшей по своей урожайности и питательным качествам.

Приводим цикл работ, связанных с посевом озимой пшеницы: кишки бугдой (зимней) или кузги бугдой (осенней) (озимыми были также посевы ячменя — арла). Землю, предназначенную под озимую пшеницу, тща-

⁴¹ Сазонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма, с. 258, рис. 2, 1.

⁴² Бешкович А. С. Историко-этнографические особенности киргизского земледелия. — Труды ИЭ. Нов. сер., т. ХCVIII, Л., 1973, с. 58, рис. 6.

⁴³ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 22, с. 108.

⁴⁴ Там же, пол. зап. 20, с. 103.

⁴⁵ Там же, пол. зап. 13, с. 60.

⁴⁶ МАЭ, кол. № 3341-361.

⁴⁷ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 25, 65.

тельно вспахивали и оставляли отдыхать, «прожариться на солнце» с начала августа до начала сентября. Этот способ подготовки земли с кратковременным паром назывался шудгор, в хорезмском произношении шудьяр. Затем ее опять вспахивали, при этом, если посев озимой пшеницы следовал за яровой, пахали 7—10 раз, если после гауша — 3 раза, после шолы — 1—2 раза. В сентябре землю снова поливали, нарезали кулча, поднимая *чел* — небольшие валики, и производили сев. По разбросанным семенам проходили с дандоной и малой и разбрасывали удобрения, привезенные в большом количестве. Время посева озимой пшеницы определяли по времени отлета журавлей.⁴⁸

Надо сказать, что, хотя нами отмечены незначительные отклонения в последовательности этих работ, все же приведенный цикл почти всегда однотипен.

Семена заготавливали заранее. Еще при цветении пшеницы в предыдущем году отмечали участки, где цвет обильней и дружней. Пшеница с этого участка шла на семена как лучшая, отборная. Сев производился вручную и требовал большого искусства, надо было разбросать семена равномерно по всей площади поля. Опытных сеяльщиков отличало большое чувство пространства. Семена при севе держали в сеялке — *загома*, или *тир*, — в форме решета, но с плотным дном из кожи, позднее деревянным;⁴⁹ иногда сеяли из ведра — *челака*. В северных районах от Гурлена и севернее сев производили также вручную, но из полы халата или рубахи — *яктака*, которая вмещала до 20 кг зерна.

К зиме всходы пшеницы вырастали на высоту, равную высоте кисти руки, поставленной на ребро. Весной после прогрева земли всходы укреплялись. Поле не требовало больше никакого труда, кроме двух-, трехкратных поливов. Этот полив назывался *язги сугориш* — летний полив и являлся вегетационным. Озимая пшеница поспевала в начале или в середине июня.

Весенним посевам предшествовало празднование науруза. К этому празднованию земля должна была оттаять от зимней стужи. Время наступления науруза определял глава — *калантор* цеха мелочных торговцев-бакалейщиков. Бакалейщикам — *баккол* в Хиве, так же как *аттор* в Бухаре, приписывали особую силу, считая их сродни заклинателям злых духов — *паришон* и им подобным. Именно среди их товаров были лекарства, лекарственные растения, духи и душистые травы. Женщины, приобретая их, носили при себе, приписывая им магические свойства.

Определив, что наступило время науруза, *калантор* брал большой поднос, наполнял его различными яствами — яблоками, сладостями (халвой), изюмом — *абджуш* (изюм особого приготовления), урюком, грушами, гранатами и дынями, а также цветком растения *носвой* (*носвой гул*)⁵⁰ — и за час до заката солнца являлся к хану. Придя к хану, *калантор* обращался к нему со словами: «Хан, с завтрашнего дня начинается науруз. Разреши объявить народу». Хан давал разрешение. Тем же вечером по улицам Хивы ходили глашатаи — *джарчи* и криком оповещали народ о наступлении науруза — «науруз кирди» и о разрешении хана его праздновать. Иногда это были мальчики, которые переходили со двора на двор с извещением о начале науруза.⁵¹ Науруз праздновался в течение всего месяца. В первые пятнадцать дней праздника никаких работ не производилось — ни посевов, ни поливов.

⁴⁸ *Турна учиб кучиш вакти* — время отлета журавлей (Юсупов Бабаджан, 70 лет, Шаватский р-н, с/с Бешмерген. — Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 43, с. 238). *Турна киблага учкандан киши* — после отлета на запад журавлей (Аллабергенев Гаиб, 65 лет, Хивинский р-н, с/с Дашьяк. — там же, пол. зап. 19, с. 89).

⁴⁹ МАЭ, кол. № 6657.

⁵⁰ *Носвой* — растение, из которого готовился нос, *носвой* — табак, закладываемый за язык. Оно считалось также одним из растений, обладавших особым свойством, способным отгонять зло.

⁵¹ Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 57.

На празднование в город собиралось множество народа (от 4 до 10 тыс. человек) из Ханки, Хазараспа, Турткуля, Шаббад и других мест. На месте старой базарной площади⁵² ставилось множество юрт. Около крытого базара устанавливалось сооружение из мачт и канатов — *дор*, предназначенное для выступления канатоходцев — *доровоз*.

Участники празднеств стекались группами во главе со старшинами — *ешулли*, следившими за порядком дня. Они же стремились превзойти друг друга в разнообразии развлечений.

Утром в первый день науруза хан одаривал своих чиновников подарками — *сарпо* (халаты, пояса, шапки).

Существовал определенный распорядок праздничных дней науруза. С утра начинались выступления канатоходцев, продолжавшиеся около двух часов, затем проходил бой баранов — *кучкор уруштириш* (2—3 часа), который сменяла борьба — *кураш* и бой петухов — *хуроз уруштириш*, иногда организовывали бои верблюдов. На базарах выступали танцоры — *углон* — ученики музыкантов. Остальное время занимали беседы, пение, выступления острословов — *масхоровоз*. Весь день и почти вся ночь были заполнены развлечениями. Немного поспав, участники празднеств продолжали развлекаться. И так — все пятнадцать дней. В конце празднования чиновники обращались к хану с просьбой разрешить крестьянам отбыть на полевые работы. Получив разрешение хана, они разбегались по домам.

Вторая часть науруза проходила в селениях. Она приходилась на 21—22 марта — день весеннего равноденствия. Ритуал празднования его был широко распространен по всей Средней Азии. Это целый ряд обрядов и обычаев, связанных с проведением первой в сезоне борозды на поле.⁵³

Когда в Хиве кончались праздники, хакимы испрашивали у хана разрешения праздновать науруз в их местностях и уезжали. В центре хакимств устраивались праздники, подобные хивинскому. Отличием бывало лишь то, что в них значительное место отводилось качелям — *хоркенчак*, устраиваемым на площадях. На качелях развлекалась молодежь — юноши и девушки. Они же кидались крашеными яйцами, катали их. Праздники в центре хакимств длились десять дней.⁵⁴

Отметим лишь некоторые черты, отличающие хорезмскую традицию.

В этот день встречались все члены семьи независимо от возраста. Вечером в канун дня первой пахоты все члены семьи пили воду, настоенную на ягодах сушеного урюка, обладающую свойством прочищать желудок. Это называлось *арык езады*. Наутро один из старейших крестьян селения, персонифицировавшийся как дед-земледелец Баба-и-Дейхан, впрягал волов, смазав им предварительно рога маслом, оставшимся от жареных кусочков теста — *бугирсок*, или *пусик*, «чтобы весь год быть сытым и жить в довольстве»,⁵⁵ и начинал первые в данном сельскохозяйственном году пахотные работы.

При проведении первой борозды старший в семье разбрасывал по полю горстями плоды джиды, олицетворявшие плодородие и плодовитость, приговаривая: «О, дед Дехкан» ('Йе Бабо-и-Дейхан') и произносили другие слова с определенным значением — *калима*.⁵⁶ Дети получали от родителей праздничные подарки. В этот день в *азан* — рано утром варилась каша из размельченной джугары — *наурузлик гужа*. Иногда для варки ее объединялись 10—15 хозяйств. Каша имела, по-видимому, в прошлом ритуальное значение. Так отмечался день первой пахоты.

⁵² В настоящее время территория хлопкоочистительного завода.

⁵³ Описан в трудах советских ученых — Н. А. Кислякова, М. Р. Рахимова, Н. И. Ерисова и др.

⁵⁴ Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 82.

⁵⁵ Там же, пол. зап. 75.

⁵⁶ Там же, пол. зап. 58.

В тот же день в Хиве центром празднования становился мазар Баварис баба (может быть, Биварасиф — действующее лицо древнеиранской легенды, определяемое Бируни как антагонист Аффридуна?), находившийся в юго-западной части города. К нему стекалось все население города и проводило там весь день с раннего утра до поздней ночи. Это был единственный в году день, когда женщины и девушки не закрывали лица. Играя, юноши и девушки кидали друг в друга яблоками, катали крашенные яйца. Помолвленные пары обменивались подарками — узелками с одеждой, действуя через жену старшего брата невесты или жениха — *янга*.⁵⁷

К этому же циклу праздников примыкало открытие поливов чигирями, отмечаемое устройством коллективного угощения — *садака* в честь *пира* — покровителя чигирей Ноилодж-бобо. Чтобы воды было достаточно, при первом поливе в воду бросали соль и отруби.⁵⁸

О праздновании науруза в Хорезме, отличном от бухарского и персидского, писал в свое время В. В. Бартольд.⁵⁹ Основываясь на трудах Мухиса—Агехи,⁶⁰ он подчеркивал, что науруз в Хорезме еще в XI в. праздновался тремя неделями ранее бухарского. И только в 1827 г. Алла-кули хан отменил этот обычай и ввел в Хорезме «султанский», т. е. персидский, науруз.

В краткой заметке «Хивинский народный календарь» А. Н. Самойлович подтвердил: «Наурузов в Хорезме и поныне (1920 г., — М. С.), как сообщил нам Баба-Ахунд, два: один — местный, именуемый Хорезмшахским (науруз-и-Хорезмшахи), а другой — бухарско-персидский, причем последний на месяц отстает от первого».⁶¹

Насколько нам позволяет материал, мы можем констатировать, что в праздновании хорезмшахского науруза в Хорезме сохранялись многие черты древнего иранского науруза.⁶² Это, во-первых, опережение сроков празднования; во-вторых, сам церемониал начала празднования; в-третьих набор семи яств и ветка растения (они обладали, по мнению народа, особыми свойствами), которые приносил на подносе к правителю каландар; в-четвертых, организующая роль правителя.

К традиционным новогодним развлечениям относятся и различные виды состязаний — бой петухов, баранов, верблюдов, рукопашная борьба.

В этих состязаниях, по определению С. П. Толстова, отражались следы одного из древних и универсальных институтов первобытного общества — дуальной организации, деления общества на два племени или фракции. По состязаниям определялось, урожайный или неурожайный будет год.⁶³

Напомним также, что и качели в прошлом рассматривались в прямой связи с культом плодородия.

Итак, все этапы празднования науруза в Хорезме имели непосредственное отношение к сельскохозяйственному труду и приемам культовой магии. Они направлены были на увеличение плодородия и богатства.

Весенние посевы регулировались особым сельскохозяйственным календарем — *халк-хисоби*, во многом забытым и сохранившимся в памяти

⁵⁷ Материалы автора, эксп. 1946 г., пол. зап. 6. — Традиция праздновать этот день просуществовала вплоть до 1925—1927 гг.

⁵⁸ Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 58; эксп. 1948, пол. зап. 29, с. 6.

⁵⁹ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. — Соч., т. III, М., 1965, с. 163.

⁶⁰ Мухис, Агехи. Фирдаус-ул-икбал. — Ин-т Востоковедения АН УзССР, № 821/1, л. 13 об.

⁶¹ Самойлович А. Н. Из Туркестанской живой старины. — Наука и просвещение (Ташкент), 1922, вып. 2, с. 42—43.

⁶² Иностранцев К. А. Сасанидские этюды. III Сасанидский праздник весны. СПб., 1909, с. 82—109; Бируни Абурайхан. Памятники минувших поколений. — Избр. произв., т. I. Ташкент, 1957, с. 223—252.

⁶³ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 282—284.

народной лишь частично. В основном остались следы счета по доксанам — девятистодневым, о которых пишет И. М. Джаббаров.⁶⁴

Весной после науруза сеяли ячмень и летнюю пшеницу — *язги бугдай*, в первых числах мая — хлопок местного сорта *гавача*. С 10 мая наступал юз — сто решающих дней для сева в данном году. При этом считали вперед пятьдесят дней (последний день приходился на 30 июня), а с 30 июня отсчитывали пятьдесят дней в обратном порядке — по убывающей — до 20 августа. Этот отсчет времени явно рассчитан на доксаны, так как 31 число опускалось и в состав юза не входило. Каждая культура в юзе имела свой срок сева. После 10 мая начинали сеять рис и продолжали посев до 15 мая. С 20 мая сеяли джугару, и можно было ее сеять до тринадцатого дня второй половины обратного счета юза, т. е. восьмидесятого дня. После восьмидесяти дней сажали летние дыни, маш, просо: до последних пятнадцати дней — просо, до одного дня, т. е. за день до окончания юза, сеяли джугару на гауш — зеленый корм скоту. Также последними сеяли маш и морковь. После 20 августа ничего сеять было нельзя, кроме лука для следующего года и озимой пшеницы. Этот период в сто дней назывался также *мизан*.⁶⁵

Готовность почвы к пахоте определяли по ее состоянию. Старый опытный декхан пробовал землю лопатой. Если земля рассыпалась и не липла к лопате и рукам, как тесто, можно было начинать пахоту. Время весеннего сева после пахоты определялось по внешнему виду земли. Она приобретала несколько красноватый цвет на поверхности, — как говорили, она «загорела» под лучами солнца. Это означало, что она уже согрелась и можно производить сев. Пахота и боронование проводились в той же последовательности, как при посеве озимой пшеницы, и вообще разницы в подготовке поля к посеву озимой и летней пшеницы не было. Летняя пшеница требовала двух-трех поливов до сева и трех-четырех поливов после сева, но это тоже определялось по состоянию почвы и всходов. Если грунтовые воды находились близко к поверхности, то удовлетворялись тремя поливами за сезон, при низком их стоянии поливы увеличивались до шести. Летняя пшеница созревала в середине июля. Жали пшеницу серпом — *урок*, сидя на правом колене, захватив левой рукой горстку колосьев — *кисим*, подрезая их серпом, который держали правой рукой. Срезав один кисим, жнец — *урокичи* клал его на землю около себя; срезав второй кисим, он покрывал первый накрест, третий укладывал поверх по положению первого, при этом колосья обращались в одну сторону. Уложенные таким способом горстки колосьев назывались *даста*; из 3—4 даста складывалась одна охапка — *куджак*.

В перевозке сжатого хлеба с поля на ток участвовало, как правило, два человека — один захватывал охапку руками, подносил ее к арбе и передавал второму, обычно возчику, стоявшему на оглоблях арбы, который подхватывал охапку и укладывал ее на арбу. Возчик загруженной арбы доставлял сжатый хлеб на ток.

Ток — *хирман* — готовился заранее. Определенное место, чаще всего здесь же на поле, реже около дома, расчищалось, для чего снимался слой мягкой, рассыпавшейся земли до твердого слоя. Веником — *сунурги*, связанным из травы — *сунса*, это место тщательно разметалось. Иногда рядом с хирманом сооружался навес — *чартук*. На хирмане сжатый хлеб укладывали в круглую кучу так, чтобы колосья были расположены по центру, а стебли к краю, радиусом около 1.5 м, высотой не более 5 см, а затем по ходу молотбы невымоленные колосья постоянно

⁶⁴ Джаббаров И. М. О культуре земледелия Южного Хорезма, с. 293.

⁶⁵ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 54, с. 245—246; Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 59, с. 74. — О мизане см. также: Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 43.

подбрасывались на хирман.⁶⁶ В центре хирмана вбивался кол — *козик*. В кучу подготовленной для молотбы пшеницы вводили лошадей. В молотбе использовали от одной до пяти лошадей, взятых на это время у родственников или соседей. Лошадей связывали в один ряд и последнюю лошадь в ряду привязывали к колу. На первую от центра хирмана лошадь, — а она должна быть самая сильная — садился человек, чаще всего мальчик, легкий по весу, управлявший всеми лошадьми с помощью прута — *чибик*, или *чабик*. Лошади шли по кругу, и один из работавших на хирмане вилами — *агач ява* перекалывал молотившуюся массу. Когда она измельчалась, подкладывали новую охапку пшеницы на обмолот. Этот процесс подкладывания назывался *оек*. Количество *оек* зависело от размера поля и урожая. Кругов, совершаемых лошадьми, бывало много — до 100 и более. В молотбе можно было использовать и быков, но они двигались медленнее и были неопрятными, лошадь считалась чистой, и ею было легче управлять. В прежние времена осел как нечистое — *харом* — животное к хирману не допускался.⁶⁷

При такой обработке обмолот производился не полностью. Оставшееся после отвеивания зерно надо было еще домолачивать. Продолжение обмолота проходило в значительно меньшем размере. Кол, вбитый в центр следующего хирмана, был уже не таким большим — 1.5 м высотой. На него надевался сосуд от чигиря — *дигир*. К колу на веревке привязывали одну лошадь, завязывали ей глаза (хорошо обученной лошади глаза не завязывали) и гоняли ее по зерну. Домолачивание зерна называлось *давак*.

Зерно, отделенное от соломы, но все еще с мелкими ее частицами, собирали в кучи. Веяние — *хирман стиш* производили при соответствующей погоде. Дожидались хорошего ветреного дня. При веянии человек становился так, чтобы ветер дул сбоку. Захватив деревянной лопатой — *курак* обмолоченное зерно, он подбрасывал его вверх. Солома отдувалась ветром метров за десять, тогда как зерно падало вниз. После этого зерно веяли с помощью решета — *галсир*, сплетенного из тонких кожаных ремешков, с большими ячейками.⁶⁸ Здесь уже участвовали два человека: один лопатой накладывал зерно в решето, другой над чистым местом хирмана вращал его по кругу сначала в одну сторону, затем в другую, а так как ячейки решета соответствовали размерам зерен пшеницы или ячменя, то они свободно проходили через него, отделяясь от комков земли и навоза. Чистое, отвеянное зерно сгребали в кучи, носившие название *кизил*.

С уборкой урожая у узбеков Хорезма связан целый ряд обрядов, аналогичных обрядам узбеков других областей и таджиков.⁶⁹ Им посвящен специальный раздел книги Г. П. Снесарева, где он приводит подробные сведения о хорезмских верованиях и различных проявлениях земледельческого культа, в том числе и во время сбора урожая.⁷⁰

Зерно, очищенное и сложенное в кучу, в Хазараспе называют *чаиш*,⁷¹ в Хивинском районе — *кизил*, в Гурлене — *хирман*. Старший в хозяйстве — *ешулли* (тот, который сгребал зерно в кучу) укладывал наверх комок глины — *баракат-кесак*. Слово *баракат*, кроме значений 'обилие'

⁶⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 137 (Хивинский р-н). — В других местах в обмолот пускали весь снятый урожай (Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 24, с. 117).

⁶⁷ Там же, № 920, пол. зап. 32, с. 174. — Теперь зерно с мелких индивидуальных участков иногда обмолачивается путем прогона осла.

⁶⁸ МАЭ, кол. № 6657-20.

⁶⁹ Ш а н и я з о в К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 55—56, 164; Р а х и м о в М. Р. Следы древних верований в земледельческих обрядах и обычаях таджиков Каратегина и Дарвеза до революции. — Изв. отд. общ. наук АН Тадж.ССР, 1956, № 10—11.

⁷⁰ С н е с а р е в Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 222 и сл.

⁷¹ Ш а н и я з о в К. Узбеки-карлуки, с. 55: *чош*.

и 'выгода', имеет еще значения 'благословение', 'благодать'.⁷² Комок глины для баракат-кесака брали, участвуя в казу, со дна канала, выбирая наиболее чистую и крепкую глину, чтобы она не рассыпалась.⁷³

После того как баракат-кесак положен на верх кучи зерна, тот же старший человек очерчивает углом деревянной лопаты для веяния круг, начиная с востока на юг, затем на запад и север, замыкая его. Он же поддевал лопатой зерно, прочерчивал бороздки в зерне с трех или четырех сторон, засыпал баракат-кесак так, чтобы его не было видно (баракат-кесак полностью погружали в зерно, его не оставляли на поверхности). По нашим материалам, баракат-кесак помещали и в кучи обмолоченной джугары, шалы, проса и маша.

Как только прочерчивали круг, выделяли долю зерна на благотворительные цели — *хакулла*: взятое тиром⁷⁴ с четырех очерченных частей кучи зерно (при этом строго соблюдалась та же последовательность, что и при прочерчивании круга) отсыпалось в сторону. Эту часть урожая могли взять бедняки или склевать птицы. Интересно и то, что в Хивинском районе эту часть отсыпного зерна так и называли: «доля птиц» — *кушлар хаки*. Считалось великим грехом отогнать слетевших на него птиц. Г. П. Снесарев определяет этот обычай как реликт кормления душ умерших, слетевшихся в виде птиц, или как очищение зерна водой.⁷⁵

После этого все удалялись с тока на ночь, на два часа или на несколько минут. Никому нельзя было оставаться около зерна, это навлекло бы на этого человека всякие беды. Дурной человек не смел взглянуть на зерно плохим взглядом, т. е. украсть его. После возвращения на ток ритуально чистый человек начинал ссыпать зерно в мешки. Нам говорили, что мешки должны были быть новыми, или же старые мешки предварительно обязательно мыли, а новым делали завязки из кендыря. По мере того как уменьшалось количество зерна, баракат кесак перемещали к краю круга (Хазарасп, Хянки) или его оставляли в центре круга (Шават), а с последним мешком зерна глава хозяйства, он же старший в семье, брал его и переносил в хранилище зерна — *талак*, поместив в отсек — *ахир* с зерном. При уборке урожая других культур, уже нами перечисленных, производили все те же действия, что и с пшеницей. Баракат-кесак оставался в талаке на все время до следующей уборки. Иногда его выбрасывали и заменяли новым, но выбрасывали его в канал или в колодец.⁷⁶ Нам представляется важным подчеркнуть эти детали. Они не случайны. По-видимому, мы имеем здесь дело не с «опечатыванием зерна» в связи с взимаемым налогом, по объяснению Снесарева, а с другими, интересными в свете наших исследований обрядами и, по нашим предположениям, связанными с культом плодородия.

Обратимся к материалам С. П. Толстова. В окрестностях крепости Беркут-кала «в одном из помещений замка обнаружен очаг, во всех (остальных) — остатки запасов пищи: проса, сушеных груш, тыквы, хранившихся в закромах или ссыпанных кучами». С. П. Толстов отмечает, что по обе стороны входа в комнату № 4 оказались сложенные у стены кучи комьев глины, на каждом из которых был отпечаток печати с изображением сидящего человека.⁷⁷

В Тешик-кале, памятнике того же времени (VII—VIII в. н. э.), «было найдено огромное количество органических остатков, позволяющих предположить, что в эту эпоху уже земледелие и скотоводство охватило все те породы растений и животных, которые употребляются и в наше время»,

⁷² Таджикско-русский словарь. М., 1954, с. 46.

⁷³ То, что глину для баракат-кесака брали со стен дома и в других местах, по-видимому, говорит о распаде прежних представлений.

⁷⁴ МАЭ, кол. № 6657-19.

⁷⁵ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований. . . , с. 114 и 222.

⁷⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 26, с. 139.

⁷⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 132.

а в яме одного из помещений двора найдены были оттиски больших печатей на глиняных комьях, на двух из них находилось изображение четверорукого божества.⁷⁸ Подчеркиваем, оттиски обнаружены в хозяйственной части замка, поблизости от хранившихся там продуктов, при этом отпечатки нанесены на куски сырой глины округлой формы.

Оттиски на двух кусках сырой (т. е. необожженной) глины из Тешиккалы С. П. Толстовым определены как образ хорезмийской Анахиты афригидской эпохи, прошедшей через этап синкретизации с индобуддийскими образами позднейшей эпохи, традиции культа которой, по мнению С. П. Толстова, восходят еще к аннауской эпохе.

«Культе Окса-Вахша, долго сохранявшийся в средневековом Хорезме, огромная роль Амударьи в хозяйственной жизни страны позволяют предполагать, что Хорезм и Бактра в верхнем Оксе, а может быть и в еще большей степени, являлись важнейшим центром культа этой богини вод, и богини вод Амударьи в особенности».⁷⁹

Нам представляется, что в данном случае мы имеем дело с сохранившимися в памяти народа элементами сложного и очень интересного обряда освящения продукта земледельческого труда — зерна, — имевшего теснейшую связь с древнейшим культом богини плодородия и воды Анахиты.

То обстоятельство, что баракат-кесак связан с мусульманским святым Хазрати Хизром, является лишь позднейшим наслоением. И здесь сказалась избирательность персоны пророка как мусульманского святого, имеющего отношение к вечно жизненной воде.⁸⁰

Зерно хранилось в специальном помещении — талак, находившемся в конце большого проезда дома — *далан* над двумя слоями глины и на 1—1.5 м выше уровня крыши, куда вела лестница из глинобитных ступенек или приставлялась деревянная лестница — *нарван*. Большая часть помещения разделялась невысокими (от 0.25 до 0.5 м) глинобитными перегородками на пять четырехугольных закровов, каждый из которых предназначался для определенного вида зерна: место пшеницы — *бугдой жой*, место для джугары — *жугори жой* и т. д. В богатых хозяйствах таких помещений — талак было несколько. В некоторых домах вместо глинобитных перегородок использовали плетенки из камыша — *буйра*, две стороны которых сшивались бечевками, а верх и низ оставались открытыми. Плетенки, поставленные на пол талака, предназначались для того, чтобы не допустить при хранении смешения зерна различных культур. Малоомощные хозяйства не имели талака, хранили зерно на айване, в углу помещения.

Солому после обмолота пшеницы укладывали в мешки — *халта* или в большие платки — *шал*, завязывали концы платка крест-накрест и перевозили в дом на арбе. Чтобы увеличить количество соломы, перевозимой за один раз, на арбу ставили высокую решетку — *чаток*, которая подымала уровень ее бортов. На погрузке соломы использовались вилы — *саман ява*. В доме для хранения пшеничной соломы предназначалось специальное помещение — *саман хона*, входившее в общий комплекс дома, куда и вытряхивали солому из мешков и платков, стараясь ее не трамбовать, но разбрасывать ровным слоем деревянными вилами — *чага*⁸¹ или *егоч-ява*.⁸²

Просо — *торик* сеяли немного, только для удовлетворения потребностей своей семьи. Оно быстро созревало, поэтому сеяли его два раза за сезон. Часто просом засеивали границу участков, при этом его широкие

⁷⁸ Там же, с. 142.

⁷⁹ Там же, с. 200.

⁸⁰ Б у д а г о в Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, с. 534.

⁸¹ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 6.

⁸² Там же, с. 25.

листья задерживали пыль. Урожай просо давало не очень большой, но вместе с тем от него было много соломы, применявшейся при обмазке глинобитных домов и шедшей на корм скоту.

Шоли — рис сеяли, как отмечено выше, в местах, хорошо обеспеченных водой. Поля стремились расположить подальше от селений, чтобы не вредить здоровью населения. Учитывалось также и то обстоятельство, что высоко стоящие при посевах риса грунтовые воды могли разрушить строения, в том числе и жилые дома. Места, наиболее богатые посевами риса, находились главным образом в самой южной части оазиса, в окрестностях Питняка и Хазараспа. В некоторых районах оазиса его совершенно не сеяли, например в Ханкинском районе. В Шаватском районе, хотя воды было сравнительно немного, все же каждое хозяйство имело 1—2 кулчи риса для собственного потребления. На одном и том же месте рис можно было сажать три года подряд, и лишь после того, как замечали, что в посевах его стали появляться сорные растения, места его посева меняли. Выше мы отмечали, что иногда главы элата сообща определяли, где в данном году должны размещаться рисовые поля. Подготовка полей под рис проводилась примерно так же, как и для других посевов. Начиналась она в мае. Жаркий сезон ознаменовывался таянием снегов в горах и увеличением воды в Амударье. В это время главы семейств извещали друг друга о том, что следует начинать сев риса. С помощью кунде и пары быков поле запахивали дважды, затем уравнивали его. До сева и после сева вносили удобрения. Кроме навоза — *дарс*, рисовые поля удобряли травами, растущими в песках, — *аджи боян*, *сигир куйруки* или *сер куйруки* и др. Их вносили в воду в виде веток и втоптывали ногами в жидкую массу почвы, где ветки перегнивали. Подъем валиков — *челей*, называемый *чел чекиш*, предшествовал разбрасыванию семян. Дня за три до сева семена *шоли* замачивали водой. Известны были два основных сорта риса: *ак шоли* — белый рис и *кизил шоли* — красный рис. Последний был наиболее распространен. В день сева с утра поле заполняли водой, чтобы размокли все комья земли, позднее, иногда к вечеру, приступали к севу. Семена разбрасывали в воду: сеятель шел по воде, доходившей ему до колена. Семена рассевали рукой из ведра — *челак* или из мешков — *кап* или *канар*. На один танап земли вносили около 30 кг семян. Вода из чигиря или самотеком из каналов поступала на рисовые поля постоянно тонкой струйкой. Через неделю, когда появлялись всходы, воду спускали на одни сутки (*кеча ва кундуз*), чтобы корешки закрепились в земле. Важно было не упустить момента напуска воды, чтобы не дать солнцу «ударить» маленькие, еще не окрепшие всходы. Растения стояли в воде весь период созревания, который для белого риса составлял 120 дней, для красного — 90 дней. Всходы риса не прореживали и не окучивали. Вредителей на всходах риса не было, лишь иногда появлялась желтизна (*улау ташлади* — «тяжесть набросилась»). Пораженные места затапывали ногами. Чтобы определить зрелость риса, срывали колосок и перетирали его в руках. Установив, что рис созрел, закрывали воду и поле ставили на просушку. Рис жали серпом таким же способом, как и пшеницу, оставляя стерню примерно в 5 см от земли. Сжатые колосья перевозили на хирмон. Молотьба и веяние риса производились так же, как и пшеницы. В некоторых местах для молотьбы риса использовали лошадь, впряженную в арбу.⁸³

Обработанные таким способом зерна *шоли* требовалось освободить от внешней коричневой оболочки. Обдирку *шоли* производили на рисорушках — *депма*, приводимых в движение лошадью, или более примитивным способом: путем обработки их в деревянной ступе — *соку* деревянным

⁸³ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 24, с. 12. — Обмолоченное зерно *шоли*, сложенное в кучу, в Шаватском р-не называли хирмон, а остатки от проивания — чаш.

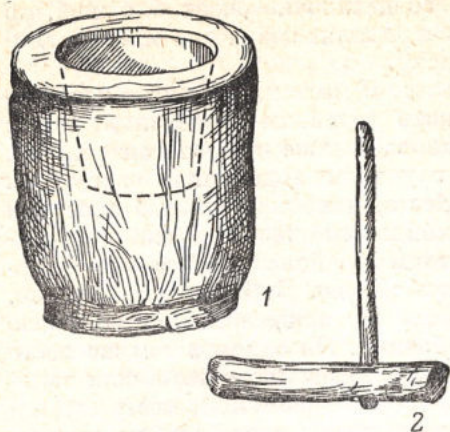

Рис. 7. Соку — ступа (1) и чекши — деревянный пестик (2). С. Пирнаукас. Хивинский р-н.

пестиком (рис. 7, 1, 2). Обычно эту работу выполняли женщины, приготавливающие еду для семьи.

После обмолота солы оставались стебли. Их укладывали небольшими охапками на некотором расстоянии друг от друга и сушили два-три дня. Высушенные стебли укладывали на арбу, перевозили с хирмана и настилали на крыше молхоны ровным слоем до 2 м высотой. При этом рисовую солому не трамбовали, так как она теряла часть своих вкусовых качеств и скот ее ел неохотно. Сверху, чтобы солому не снесло ветром, набрасывали несколько ивовых жердей. В помещении для скота солому подавали через отверстие в крыше.⁸⁴

Джугара — *жугори* имела некоторые особенности в возделывании.

Время сева джугары — от первых чисел мая до 80-го дня юза, т. е. до 1 августа. Посев джугары на зеленую массу — *гауш* можно было провести и за день до окончания юза, т. е. 19 августа. Сев обычно проводили в зависимости от сорта джугары (скороспелые и поздние) и количества воды. Сорта *мат хаир* или *ясмак*, например, высевали в мае, а уже в августе или в начале сентября они поспевают. Эти же сорта требовали меньшего числа поливов. Были сорта, например *катты бош*, которые нуждались в большом количестве воды и вызревали значительно позже — в октябре или в начале ноября.

К особенностям выращивания джугары относится удобрение почвы навозом с засолоненной землей — *шур*. В остальном подготовка поля была та же, что для пшеницы. Сев производился сухими семенами вручную с последующим пропахиванием. Дней через сорок после сева джугару поливали, напуская воду в кулча. Когда ствол растения затвердевал, джугару снова поливали. Затем поливы следовали один за другим, при этом время их определяли по легкому увяданию зелени. Поливов за время роста и до созревания было 3—4. Особенно зорко наблюдали за джугарой при поливе. Если он совпадал с ветреной погодой, то джугара могла полечь, при этом портились наливавшиеся головки. От залегания растение спасало окучивание стеблей и связывание — *боглаш* в кучки по 5—6 растений тонкой веревкой. В северных районах не практиковали связывание стеблей джугары. В южных районах, когда стебли достигали 30—50 см, джугару прореживали, оставляя расстояние между растениями в 50—60 см, и окучивали кетменем так, чтобы у ствола куста образовалась насыпь — *томук*. Процесс окучивания, укрепления корней назывался *томуклаш*. В ряде районов, в том числе в Шаватском, джугару не окучивали.

Созревшую джугару убирали, срезая серпом стебель на расстоянии примерно в 25—30 см от уровня земли, или в 5—10 см над насыпью. Головки с зернами — *тхум боши* отрывали руками, складывали в кучу, а затем в мешках свозили на арбе или вьюком на осле к хирману. Стебли отвозили к дому, высушивая их на солнце, чтобы они не сгнили. На корм скоту стебли джугары употреблялись в сухом и зеленом виде. Если поле находилось от дома на близком расстоянии, зеленые стебли джугары на корм несли на себе (на спине). Для этого охапку джугары связывали веревкой, имевшей на одном конце петлю.

⁸⁴ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 6—7.

Для обмолота головки джугары с семенами укладывали на хирмоне в кучу и гоняли по ним лошадей. Пустые головки отбрасывали вилами — *ява*. В некоторых районах молотба джугары производилась лошадьё с арбой. При этом на хирмоне гоняли две-три лошади с арбами. Затем семена отвеивали на ветру — *шамалга тутадь*. Отвеянное зерно складывали в мешки и отвозили домой для хранения его в зернохранилище. Джугару на семена оставляли в головках до весны, нанизывали их на веревку и вешали на колышки, вбитые в стену талака или на айване. Подвешивание джугары на семена называлось *лож*. В мелких хозяйствах на семена оставляли 15—20 головок, в крупных — от 50 до 100 головок.

Густо засеянная джугара — *гауш* предназначалась на зеленый корм скоту. Она имела высокий сочный стебель и большие листья, семена отсутствовали; снималась не в строго определенное время, а по мере надобности в корме. Первый урожай гауша снимали в первых числах мая и затем, по мере того как он подрастал, его срезали 4—5 раз за сезон. Для получения сухого корма джугару, посеянную в июле после озимой пшеницы, собирали к концу октября, иногда и раньше. Стебли срезали серпом, связывали в небольшие снопы — *култа* диаметром в 30—40 см. Снопы перевязывали стеблями того же гауша, просушивали на месте дней 5—6, переворачивая один раз в день. После просушки гауш везли домой. С арбы снопы укладывали на крышу хозяйственной стороны дома обычно два человека. Один, находящийся на арбе, завязывал большую охапку — *катта дасте* одним концом веревки и подавал ее наверх. Стоящий на крыше поднимал ее, подтягивая другой конец веревки. Снопы укладывались в стога — *куде* высотой от 2 до 5 м. Укладка снопов велась по слоям в продольном и поперечном направлениях. При укладке в круглые стога этот способ сохранялся.⁸⁵

Люцерну — *беда*, *юрунджа* сеяли во всех частях Хорезма. Для ее посева выбирали незаболоченные, высокие участки земли с низким стоянием вод. Наиболее удобными были участки, расположенные на окраинах оазиса, поблизости к пескам. В одних районах посевы ее давали урожай в течение 10—15 лет, в других — 5—6 лет. Подготовку к севу люцерны проводили так же, как и для других культур; семена перед севом не замачивали, часто ее высевали под деревьями сада. Многолетние посевы люцерны также требовали ухода — каждую весну их необходимо было бороновать и удобрять. Время от времени люцерновое поле нуждалось в поливе; там, где не было опасности залить посевы, поливали в начале дней через 10—12, затем реже. Жали люцерну в течение лета неоднократно, срезая ее серпом низко, следя за тем, чтобы не задеть корневую систему, и связывали в снопы — *култа* жгутами, свитыми из плетей люцерны. В некоторых районах снопы люцерны высушивали на поле, поворачивая их со стороны на сторону. После просушки их грузили с помощью вил — *айры* на арбу и отвозили домой, складывая их на крыше. В других местах люцерну, связанную в снопы, без просушки в поле сразу перевозили и складывали на хранение. Просушенная на ветру, она сохраняла естественный цвет, но осыпалась и теряла питательность.⁸⁶ На почве после посевов люцерны почти все культуры давали обильный урожай, особенно пшеница, джугара и дыни.

В зажиточных хозяйствах, при большом количестве земли, около 1.2—2 танапов высоких земель отводилось под посевы люцерны на семена. Все приемы работы были те же, лишь поливы сокращались. Особенно важен был весенний полив. Пропускались первые два укуса. К июню люцерна начинала цвести. К концу июня образовывались семена. Жали люцерну утром при росе, убирали под вечер и тоже при росе, чтобы избежать осыпания семян. Сжатую на семена люцерну свозили на ток —

⁸⁵ Там же, с. 6, 7, 26.

⁸⁶ Там же, с. 31.

хирмон джой, просушивали и приступали к молотбе. Молотили ее, прогоняя лошадей. Если сеяли люцерну на семена только для своего хозяйства, то обмолачивали вручную палкой. Веяние — *хирмон отиш* проводили также при ветреной погоде, подбрасывая обмолоченные семена с соломой вилами — *ява*. При просеивании употребляли решето с мелкими ячейками — *ушок куз*. Семена старались не слишком просушивать, так как иначе всходы по весне будут замедленными. На следующий год посев на данном участке уже не проводился, люцерну следовало перевести на другое место. Вообще выращивание люцерны на семена считалось делом очень трудным, но выгодным, так как с 300 кв. м площади собирали до 80—100 кг семян. В то время семена люцерны стоили примерно в два раза дороже пшеницы. Они использовались также для получения желтой краски как при обработке местных хлопковых тканей — *буз*, так и на текстильных фабриках. Семена люцерны продавались на базарах. Главным местом их скупки был базар в г. Ургенче. Крупные скупщики везли семена на продажу в Оренбург, а затем их сбывали за границей — в Италии, Германии и Америке.⁸⁷

Хлопок — *гауджа* сеяли в ограниченном количестве, в размерах, способных удовлетворить потребности семьи, но уже в начале века стало ощущаться проникновение промышленного капитала, заинтересованного в получении дешевого сырья для текстильных фабрик центра России.

Наиболее распространенным сортом местного хлопка был *корачит*, или *кора чигит* (черные семена) — тонковолокнистый хлопок с закрытыми коробочками и черной оболочкой семян, отчего произошло название сорта.⁸⁸ Один из сортов хлопка — египетский — назывался *миср гауджа*, его коробочка тоже полностью не раскрывалась, волокна этого сорта хлопка были желтоватого цвета, иногда он назывался по цвету волокна *малля-гуза*. В 10-е гг. XX в. стали появляться семена американского сорта, при этом все приемы возделывания оставались прежними. Семена хлопка стоили дорого. Их покупали, а чаще брали в виде ссуды от частных хлопкоочистительных заводов, завозивших семена из Ашхабада на верблюдах или водным путем через Чарджуу.

В хозяйствах средней зажиточности под хлопок отводили от 0.5 до 2 танапов земли. Подготовка почвы под хлопок была несколько иной, чем для зерновых. Ранней весной поле, предназначенное под посевы хлопка, тщательно двукратно пропахивали. На поле рассыпали удобрения — *дарс*, а затем его неоднократно поливали. Эти поливы не преследовали цель промыть почву от засоления; они предназначались для того, чтобы пропитать почву влагой. После полива землю снова пропахивали; если была комковатость, то комья разбивали бороной — *дандана* и выравнивали *малой*. Подготовленную таким образом почву засеивали вразброс семенами, замоченными накануне в воде. На участок в 1.5 танапа уходило 40 чорьяков семян.⁸⁹ После посева поле два раза вспахивали и два раза проходили малой. Спустя 3—4 дня появлялись всходы. Через некоторое время проводилось прореживание — *бирлама*.⁹⁰ Если поле бывало засоренным, его пропалывали. Поливали только тогда, когда хлопок зацветал, для чего разделявали грядки. Считалось, что поливы до цветения не дадут урожайности. За первым поливом следовали еще два с промежутком в 15 дней. В прежние время ни окучки, ни чеканки хлопка не применяли.⁹¹ В последние предреволюционные годы собранный с полей

⁸⁷ Вавилов Н. И. Возделываемые растения Хорезма, с. 52.

⁸⁸ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 13, с. 59. — Благодаря своим хорошим качествам этот сорт хлопка был распространен вплоть до 1937 г.

⁸⁹ Там же, пол. зап. 4, с. 21 (около 4 пудов).

⁹⁰ Информатор Мадамин Таджиев, 70 лет, подчеркнул, что термин этот местный, его нет в литературном узбекском языке (там же, пол. зап. 30, с. 153).

⁹¹ В некоторых местностях окучивали кетменем, в других кечкордом (там же, пол. зап. 39, с. 208) или серпом — урок (там же, пол. зап. 43, с. 240).

хлопок шел в основном на продажу, чаще всего на завод, дававший ссуду. Наиболее крупным скупщиком был завод Ярославской большой мануфактуры, выстроенный в г. Новый Ургенч. В некоторых местах ко времени созревания хлопка в селениях появлялись скупщики и скупали весь хлопок. Так было по Турвадыку, около Ханки. Оплата за хлопок была наполовину натурой, наполовину деньгами. С 1 танапа земли получали около 8 батманов хлопка; 1 батман хлопка-сырца стоил 32 тенги. Стебли с корнями хлопка — *гузая* шли на топливо. На одном и том же поле хлопок сажали 3—4 года подряд, а потом его сменяли посевами джугары, пшеницы или люцерны.

Масличную культуру *кунжут* (*кунжа*) сеяли в небольших размерах, только для удовлетворения нужд своей семьи. Выращивание этой культуры требовало большого умения и знаний. Под кунжут занимали часто поля после уборки озимой пшеницы. Перед пахотой поле поливали 7—8 раз. Затем проводили вспашку, уравнивали поле малой (этот процесс называется *малалаш*), разбрасывали семена и уплотняли землю малой раз пять (*малабосиш*). После цветения проводили полив — *тушта сув* («вода, которая дает силу»). Затем поливали по мере надобности, так как корни кунжута длиннее, чем у других культур, и они достигают низко расположенных слоев воды. Признаком того, что кунжут созрел, служит почернение семян. После появления черноты на метелочке приступали к уборке. Важно было не упустить время, иначе семена могли осыпаться. Сжатые стебли связывали в маленькие, диаметром в 15 см, снопы — *боу*. При обмолоте кунжута хирмана не делали. Обмолачивали кунжут вручную, т. е. снопом кунжута раза два-три ударяли по бревну, отчего семена осыпались. Обмолоченные семена отвеивались с помощью мелкосетчатого решета. Очищенные семена складывали в мешки и отвозили домой. Зерно считалось чистым, не оскверненным животным.

Лен — *зигир* использовался для получения масла, а также на волокно для веревок. Сеяли его ранней весной, одновременно с летними посевами *язлик*, отвоя для него небольшие посевные площади.

Из масличных культур следует упомянуть также и кендырь — *кендир*, стебли которого использовались на волокно для веревок и очень грубой ткани — мешковины. На масло шли также семена дыни — *ковунтхуми*, при этом они обрабатывались на маслобойне без смесей. Лишь изредка допускалось смешение их с семенами кунжута.

Считалось, что лучшим посевом после озимой пшеницы был маш. Сжав пшеницу, землю поливали два-три раза, сеяли вручную семена маша, затем вспахивали. В некоторых хозяйствах проходили по вспаханному полю малой, но можно было этого и не делать. Посевы маша не поливали. Уже в сентябре он созревал. Маш в незначительном количестве сеяли также на каирных землях, с предварительным их пропахиванием. Убирали его с помощью серпа или выдергивая растение с корешком. Это была очень урожайная культура. Молотья и веяние были совершенно такие же, как и для пшеницы. Солому от маша использовали на корм корове, овцам и лошади. Но при строительстве ее не употребляли.

После посевов маша поле приготавливали для озимой пшеницы.

Огородничество и бахчеводство

Небольшие участки земли около дома или по обочинам уже засеянных полей занимали бахчевыми и огородными культурами. Эти участки земли назывались *полиз*, что значит и бахча, и огород, так как эти культуры сажали в сочетании. Например, дыни сажали в непосредственном соседстве с морковью. Вспаханный, а иногда и вскопанный вручную и удобренный участок разбивали на широкие грядки — *пушта* прямоугольной

Таблица 11

Виды работ по выращиванию отдельных культур, их сорта и урожайность

Название культур- вируемых растений	Подготовка почвы			Время посева	Количество семян на 1 дес. (пуды)	Число поливов после появления всходов	Время сбора урожая	Средний урожай (пуды)	Примечание
	количество удобрений на 1 дес. (арба)	число по- ливов по вспахке	число по- ливов по удобрению						
Пшеница озимая	800	10—20	4—5	Сентябрь	9—10	3	Июнь	100—130	Сорта: <i>такмак</i> , <i>бош</i> , <i>джайдари</i> , <i>бу- зор</i> , <i>будой</i>
Пшеница яровая	800	10—20	4—5	Март	9—10	3	»	80—100	Сорта: <i>ок-езлик</i> , <i>кызы-езлик</i> ; созре- вает позже озимой
Ячмень	1300	10—20	4—5	»	9—10	4	»	100—120	Созревает одновре- менно с яровой пше- нцей
Джугара	1000 (навоз) и 1000 (солончак)	5—6	5—6	Май	1.5	4	Октябрь	130—260	Вывоз солончака на джугаровое поле производится после посева Сорта: <i>ели- тулум</i> (урожайность 260 пуд.), <i>капты-бош</i> (200 пуд.), <i>маткайра</i> (130 пуд.). Часто сеяли на зеленый корм <i>гауч</i>
Хлопок	800	5—10	3—5	Апрель	7	Не поливается или поливается 1—2 раза	1-й сбор — в конце августа; 2-й — 20 дней спустя	100 коробочек; из них: 20 пуд. волока и 50 пуд. семян 4000 снопов	Сорт местный, хи- винский
Люцерна	800 (ежегодно)	Так же, как и пшеница		Апрель (вто- рая поло- вина)	0.5	10—15 (в год)	4 раза		После укоса по- ливка производилась не ранее появления новой поросли. Оста- ется на поле 8—10 лет, получая удоб- рения
Кукуруз Маш Просо	Не удобря- ются, сеются вторым по-	1 1 1	1 1 1	Июнь » »	25 фунтов 2 1.5	3—4 Не поливается 5—6	Сентябрь » »	50 60 150—200	Вместе с машем ча- сто сеяли <i>ловия</i> — род фасоли. Кроме просо,

сево́м после пшеницы или ячменя (солодки)	8—9	1	Май	7	Во все время роста слабое течение воды	»	130	Рис часто сеяли на поле после выкорчевки клевера
Подготовка одинаковая с джу́гарой			Март (для семян)	35 фунтов	4	»	70	Использовали для пеньки, сеяли по окранию джу́гарового поля
800	3—4	3	Апрель	33 фунта	4—5	Июль	50—60	Лен сеяли только для семян, в незначительном количестве
—	1	1	»	1.5	15	Сентябрь	300	Часто лук сеяли вторым посевом после пшеницы. Был распространен посев лука между виноградных кустов и в садах
Дыни, арбузы, тыква	800—1000	3—5	Март, апрель, июнь, март		Каждую неделю до начала созревания, после чего полив прекращают	Июнь, июль, август, сентябрь, июль—август, сентябрь	2000—6000	Дыни, арбузы и тыквы сеяли на широких грядках в лунки. Орошение подпочвенное. Дыни часто сажали на капрных землях. Сортав дынь много. Лучшие — <i>заячя</i> из ранних, осенние — <i>гурбек</i> , <i>гуляба</i> , <i>бичак</i> , <i>ала-каун</i> . Гуляба и ала-каун сохранялись до весны. Сорта тыкв: <i>ноготьки</i> , <i>ош-коби</i> , <i>суе-коди</i> . Первые съедобные, последний культивируются для приготовления посуды

Примечание. Таблица взята из кн.: Шкапский Ор. Амударьинские очерки, с. 80.

формы, между ними делали небольшие канавки — *карыш*, по которым проходила вода при поливе. Ямки, куда сажали семена растений, занимали боковую сторону грядки, немного выше линии воды. Посадку проводили два человека: один откапывал лунку лопатой — *урта бел* и два раза переворачивал землю в лунке, другой, шедший вслед за ним, держа в руках тир, бросал в лунку несколько семян, дня за три до того замоченных. Человек с лопатой закрывал семена землей, взятой из следующей лунки, и прихлопывал ее лопатой. Расстояние между лунками составляло 1 м. Такое разделение усилий ускоряло процесс посадки огородных и бахчевых культур. Так сажали дыни, арбузы, тыкву, морковь и др.

К летним сортам дынь относятся *гурвак*, *гуджар*, *дувак*, *замча*, *иркак кавун*, *бекдаты* и др. За время созревания бахча поливалась 4—5 раз. Время следующего полива определяли по состоянию листьев: если они несколько увядали, значит подходила пора полива. Обработка земли была почти одинакова для всех бахчевых культур.

Зимой редьку — *тулпы*, репу — *шалгам* и морковь — *гашир* хранили под навесом в неглубоких (0.70 м) земляных ямах — *ура* продолговатой формы, в хорошо просушенной земле или вапе.

В некоторых частях южного Хорезма, например на Кервек-ябу около Хазараспа и в Ханкинском районе, очень долго сохранялось предубеждение к посевам лука. Здесь были живы представления о том, что посеvy лука оскверняют землю. Поэтому его не сеяли, а покупали для еды на базарах. В местностях, населенных северными узбеками, — в селении Ших яб около Хазараспа и в селении Аладжа около Ханки — выращивали большое количество лука.

На юге Хорезма значительными были посадки дынь на каирной земле. Сорта дынь, выращиваемых на каирных землях, — *гуляби*, *оккаш*, *алакаша*, *краакати* и др. Они хранятся в течение всей зимы, иногда до созревания ранних сортов дынь. Выезд на каирные земли для посадки их приурочивали к 10—20 мая. Работа начиналась с очерчивания участка, на котором предполагали произвести посев. С отмеченного участка, носившего название *камык*, кетменем или лопатой снимали верхний слой земли без пахоты участка. Затем кетменем в земле делали лунку — *хабан* и в каждую лунку вкладывали 3—4 динных семечка, за день до того замоченных. Семена прикапывали и прихлопывали тыльной стороной кетменя. Именно от этих терминов и получил свое название этот тип хорезмского кетменя — *камык*, или *хабан кетмон*. Засеянные ряды отмечали комком земли, чтобы не запутаться. При появлении четырех листков снова приезжали на участки: если нужно было, прореживали и окучивали маленькие растения.⁹² Наконец, последний раз в сезоне приезжали, чтобы собрать и привести в дом созревшие дыни. Иногда на каирных землях весь сезон вызревания находился один из работников хозяйства. Он сооружал для себя несложный навес — *чарток*. Таким же способом на каирных землях выращивали тыквы.

При перевозке дынь очень важно было не допустить их повреждения, поэтому их перекладывали сухой травой или перестилали кошмой и подымали переднюю, боковые и заднюю створки арбы. Иногда увеличивали борта, поставив на арбу плетенку — *чаток*.

На зимнее хранение каждую дыню оплетали плетенкой — *нухта* из болотной травы — *кора-улак*, привозимой с ближайшего озера,⁹³ и попарно развешивали их на стойке из жердей — *хаванда* или *хода* в помещении *каунхона* (см. табл. 11).

⁹² Там же, пол. зап. 9, с. 38—39, пол. зап. 13, с. 60—61. — Иногда в лунку сажали одно семечко — в этом случае прореживания не требовалось (там же, пол. зап. 42, с. 252).

⁹³ МАЭ, кол. № 6657-22.

К моменту сбора урожая, в основном пшеницы, появлялись ханские чиновники — *мушрипы*. Они определяли размеры урожая, а позднее, осенью, собирали деньги из расчета 1/20 урожая в пользу ханской казны.⁹⁴

Садоводство и виноградарство

В основном в зажиточных хозяйствах были большие сады. В хозяйствах среднего достатка на участках, прилегающих к дому, всегда сажали несколько фруктовых деревьев, виноградные лозы, кусты граната и инжира. Под сад — *баг* занимали обычно высокие места. При закладке сада землю готовили так же, как для пшеницы, — с промывкой, пахотой и удобрением. Предназначенная под сад территория размечалась из того расчета, что для каждого саженца надо не меньше 4 кв. м. Для этого намечали веревкой ряды, в месте перекрещивания их вырывали ямку — *чуголак* глубиной в 0.5 м, куда и помещали саженец фруктового дерева: яблони, груши, сливы, урюка и др. При закладке нового сада и виноградника, работе большой и трудоемкой, обычно созывали родственников и соседей на *кумак* — помочь.

Пока сад был еще молод, все пространство под деревьями засеивали иногда пшеницей, чаще всего люцерной. В весенне-летний период сад поливали 3—5 раз, при этом последний полив приходился на сентябрь. Полив производили напуском. Каждой весной весь сад перекапывали кетменем или лопатой — *андарыж ташлаш*, потому что пахота могла повредить корни растений. После перекопки вносили удобрения и поливали. К осени, в период от 20 августа до 1 сентября, — как говорили, после *мезана* («бабьего лета»), — обрезали лишние ветки. Фруктовые деревья начинали плодоносить уже на 3—4-й год. Если земля под сад отводилась хорошая и уход за садом велся с должным старанием, сад плодоносил 40—50 лет, на плохой — 5—6 лет. При сборе урожая особенно бережно относились к зимним сортам фруктов — яблокам, грушам, закладывавшимся на хранение. Их собирали руками, складывая в передник — *пешикор*. Для их хранения отводили специальное помещение в доме, пол которого засыпали сухой землей с откосов каналов. Ряды яблок прикрывали тем же вапом, выбросом из каналов. Общая высота заложенных фруктов не должна была превышать 0.5 м, иначе они слеживались и портились. Температура в помещении соблюдалась довольно низкая, ровная. За их состоянием постоянно наблюдал один из членов семьи.

Инжир размножался двумя способами. При первом — отсаживался небольшой черенок, при втором — один из сучков инжира с осени присыпался землей, давал корешки, его обрезали и отсаживали на другое место. Инжир требовал ежегодной окучки и поливов. На зиму кусты инжира закрывались, так же как виноград, землей, к весне их открывали. При хорошем уходе инжир плодоносил долгие годы. Созревал инжир в зависимости от сорта — летний в июне, зимний в сентябре. На зиму он сохранялся в сушеном виде. Ягоды инжира сушили на солнце 5—7 дней при хорошей погоде, а затем нанизывали на нитку и хранили в связках, чаще всего в *узун хоне*. Из инжира варили также варенье — *мураба*, сохранявшееся на зиму в небольших глиняных сосудах — *кузача*.

Гранат — *анор* размножался таким же способом, как инжир. Если он размножался отводком, то плодоносил уже через год, черенком — через 3 года. Ухаживали за ним, как за инжиром. На зиму закрывали землей, как и виноград. Сорта граната довольно много. Созревшие плоды граната собирали руками — осторожно, чтобы не повредить. Готовый плод сре-

⁹⁴ Архив ЛОИЭ, 1971, кол. 1, оп. 2, № 920, пол. зап. 36, с. 190; пол. зап. 45, с. 251.

зали с ветки ножом — *кешкара*, или *кечкорд*. Применяли два способа хранения плодов граната на зиму — укладка их на полу или на полках в два-три ряда в прохладном помещении или подвешивание за черенок на нитке. Преобладал последний способ. На зиму в хозяйстве сохраняли от 0.5 до 1 т плодов граната.

Деревья джиды выращивали на участках при доме или по обочинам полей. Известно несколько сортов джиды — *хорман джиды*, *джирдек*, мелкоплодный сорт — *аннап*. Джиды всегда пользовалась большим спросом. По цене она равнялась пшенице. Сохранялась джиды в сухом виде, засыпанная в мешки или плетенки — *берданы*.

Несколько меньшую ценность представляли ягоды тутовника. И все же его собирали и приготавливали из него сироп — *шинни*, для чего выжимали сок, отделяли семена, а сок вываривали. Сохраняли его в керамических сосудах. Листья тутовника использовали для выкормки шелковичных червей.

Виноградники — *докзор*, или *узумзор*, заводили только в больших байских хозяйствах. В хозяйствах среднего достатка и в бедняцких высаживалось несколько корней винограда, но при тщательном уходе они долго и продуктивно плодоносили.

Размножался виноград черенками — *нахол*, разг. *нал* (южн.), или *каламча* (сев.). От куста присыпали землей небольшой отросток, поливали его, затем отсаживали. Закладка большого виноградника, так же как и сада, начиналась с тщательной подготовки земли. Участок, предназначенный под виноградник, вскапывался лопатой или кетменем. Подготовленную территорию разбивали на квадраты размером 2.5×2.5 м. В месте пересечения размеченных линий сажали черенки. Пока побеги были еще маленькие, здесь же сажали дыни и другие растения. Поливался виноградник через мелкие водоразводящие каналы — *салма*. Через год, а в дальнейшем ежегодно производили чеканку стебля — *устуни киркиш*. Осенью после первых заморозков, примерно в начале ноября, срезали неплодоносящие ветки и виноградную лозу присыпали землей. Осенью же вносили удобрения. Весной лозу открывали. В середине апреля, когда открывали виноградники после зимы, лозы поднимали на вертикальные стойки — *ора* и горизонтальные — *хода*, для чего использовали жерди тала — *саут*, очищенные от коры — *саутнин кауки*. С появлением листьев производили чеканку лишних листьев — *хамтак*. В течение лета виноградник поливали 5—7 раз. Через 1—2 года куст давал первую небольшую кисточку и лишь на 4-й год — полный урожай. Сортот винограда множество. Наиболее распространенные — *маска*, *халили*, *шуверган*, *тайфе* или *тайпи*, *султани*, *хусейни*, *хармани*, *шекерек*. Первый — скороспелый халили — созревал уже в июне. На зимнее хранение оставляли тайпи и хусейни. Для этого кисти осторожно срезали, ждали дня три-четыре, пока подсохнет черенок кисти — *балдак*. Затем кисти завязывали ниткой и подвешивали на крепленные в полу или подвешенные к потолку жерди — *хода*. Одним из способов хранения винограда была укладка его кистей в слой *раша* — наноса с откосов оросительных каналов, который предварительно просушивали и насыпали на земляной пол в специально предназначенном для хранения винограда помещении — узум хона. Раш заготавливали в объеме двух-трех арб. Многие сорта винограда, например черный и белый шуверган, сушили на солнце, получая изюм. Из винограда сорта маска приготавливали изюм способом абджап.

Кроме фруктовых деревьев, на полях, по берегам оросительных каналов и на приусадебных участках сажали различные деревья, в том числе тутовые. Многие деревья были ценны тем, что давали древесину для строительства и различных хозяйственных поделок. Это тополь — *терап* и *бой терап*, ива — *тай*, *саут*, карагач трех видов — *караман*, *нарван* и *гуджум*. Деревья эти не требовали никакого труда по их выращиванию. Наиболее сложной операцией, которой владел почти каждый

хозяин, была прививка. Саженец карамана помещали в большую яму со вскопанным грунтом и удобрением. Первый год его обильно поливали. На другой год срезали его верхушку и он давал несколько веток. Весной брали ветку гуджума с ростком — *нал* и, отогнув кожу растущего карамана, помещали на него снятую с ветки гуджума кожицу с ростком и привязывали ее к стволу. Этот отрезок называют *дудук*. Очень важно было, чтобы кожица прививаемого растения плотно прилегала к стволу, на который делается прививка. Деревцо поливали три раза в день. Через три-четыре дня из привитой почки появлялись листки гуджума. Прививку производили обычно одновременно на пяти-шести ветках, и при правильно сделанной операции они все прочно приживались. Смысл прививки заключался в том, что караман растет медленней гуджума и прививка ускоряла процесс образования кроны. Именно гуджум имеет красивую и могучую крону.

Особенности хорезмского орошаемого земледелия складывались в условиях своеобразия низовьев Амударьи, реки, имеющей в этой части малый уклон и протекающей в легко размываемых почвах. Паводковый характер каналов вызвал к жизни многоголовое питание каналов, а глубокое залегание ирригационной сети — употребление чигирия, позволившее пользоваться орошением не только при высоком уровне воды, при паводках, но и при низкой воде, при спадах паводков (поздней весной и ранней осенью).

Наличие речных песчаных прослоек в почве обеспечивало дренаж грунтов и способствовало горизонтальной циркуляции грунтовых вод, расположенных близко от поверхности земли. Последнее обстоятельство оборачивалось и своей отрицательной стороной, так как усиливалось капиллярное поднятие влаги и выносились соли в поверхностный слой почвы.

Рассолонение производилось многократными предпосевными поливами, число которых было равно или даже превосходило вегетационные поливы, и должно было осуществляться в сжатые сроки.

Фуражные посевы в южном Хорезме занимали большие площади, чем в других районах Средней Азии, что объяснялось необходимостью прокормить рабочий скот.

Малые размеры земельных участков, находившихся в пользовании крестьян, требовали высокой урожайности и обуславливали вторичные посевы. Процент вторичных посевов повышался с понижением водообеспеченности. В районах, обильных водой, он был наименьшим.

Повышенный уровень урожайности поддерживался применением удобрений или сменой верхнего слоя почвы, требовавших громадных затрат тягловой силы.

Огородничество, бахчеводство и садоводство обеспечивали население необходимыми продуктами питания.

В целом агро-ирригационный цикл являлся своеобразным и вместе с тем сложнейшим структурно-организационным комплексом, тщательно отработанным и поддерживаемым усилиями многих поколений хорезмского крестьянства.

V. ЖИВОТНОВОДСТВО¹

В традиционном оседлом земледельческом хозяйстве большое значение имело животноводство как его необходимая составная часть. Рабочий скот — лошади, волы, верблюды и в небольшом количестве ослы — использовался при возделывании земли, поливе полей и обработке сельскохозяйственных продуктов на мельницах, маслобойках и др. Молочный скот давал продукты питания, стойловый скот обеспечивал земледельцев удобрением.

В значительных размерах — главным образом на отгонных пастбищах — разводили овец и коз, получая от них шерсть, кожу и мясо. Шкурки овец шли на шитье меховых шуб и шапок, кожа — на изготовление обуви, а также шорных изделий. Последние делали также из кожи ослов и верблюдов.

Обеспеченность хозяйств скотом была различной в зависимости от достатка.

Для животноводства Хорезма характерно сочетание двух его видов — стойлово-пастбищного и отгонного.

Весь строй сельскохозяйственного производства требовал постоянного пребывания рабочего скота вблизи селений. Заготовка и перевозка удобрений и кормов, доставка урожая на хирман, а также готового зерна и других продуктов на хранение, молотья различных зерновых культур, пахота земли под озимые культуры, переработка урожая — все это осуществлялось при обязательном участии лошади, быка, верблюда. Наиболее трудоемкой была работа на чигире.

Содержание в стойловых условиях рабочего и молочного скота и выпасы его на жнивье создавали накопление навоза, шедшего на обильное удобрение полей, без которого тогда невозможно было получить нормальный урожай. Все это привело к тому, что со временем выработалось определенное соотношение видов скота в хозяйстве. Мы имеем в виду обычное хозяйство среднего достатка. Бедняки могли иметь необходимое количество скота и все же теряли самостоятельность, превращаясь в издольщиков или батраков у зажиточных баев. Приведем для примера хозяйство среднего достатка: Еганберди Енапов имел 5 танапов земли, лошадь, быка и корову; Машариш Тилаев — 11 танапов земли, 2 лошадей, 2 быков (*бир джуфт*), 2 коров, 2—3 овца и ишака; Машариш Аталиев — 5 танапов земли, лошадь, 2 быков и верблюда; Сабур Джумаев — 9 танапов земли, лошадь, 2 быков, корову и верблюда; Камал Сеидов — 5 танапов земли, лошадь, 2 быков, корову и 2 овца. Зажиточные хозяйства: Эрназар Латипов имел 15 танапов земли, 2 лошадей, 2 быков, верблюда и 90 овец; бай Санаев Баба — 150 танапов земли, 12 лошадей, 16 быков, 8 коров, 12 верблюдов и 300 овец; Масут Балтаев — 20 танапов земли, 5 лошадей, быки, 4 коров, 15 овец. По сообщению Камала Сеидова, богатые люди округа (Шават) держали по 100—80 овец, один из баев этой же местности имел 3 лошадей, 4 верблюдов, 4 пары быков (*еки джуфт*), 4 коров и свыше 100 овец.

¹ Материалы по животноводству в Хорезме собраны Г. Н. Симаковым во время экспедиции 1971 г. (Архив ЛОИЭ, кол. 1, оп. 2, № 921).

Приведем пример бедняцкого хозяйства. Отец Атабая Матниязова имел лишь $1\frac{1}{4}$ танапов земли; недостаток земли он компенсировал тем, что работал в качестве *ярымчи* (половинщика) на байской земле, обрабатывая 4—5 танапов. И все же он держал лошадь, 2 быков, верблюда и ишака, так как без скота положение ярымчи было совсем безнадежным и граничило с состоянием батрака.

Недостаточное количество скота в бедняцких хозяйствах компенсировалось их объединением и работой с упрягой — *алгоу*, когда два-три (а иногда и более) хозяина использовали скот по очереди, присоединяя к своему животному в пару быка или лошадь родственника или соседа.

Мы располагаем сведениями о размерах стада по переписи 1910 г. (табл. 12) и данными экономического обследования Хорезма 1927 г. (табл. 13). Сравнивать эти данные очень трудно, так как ханская администрация давала, видимо, весьма приблизительные сведения. Кроме того, в 1920 г. произошла революция, которая не могла не повлиять на экономику, в том числе и на состояние стада. Но все же в основных своих пропорциях по видам скота и в период с 1910 по 1927 г. соотношение частей стада остается довольно устойчивым. Так, количество лошадей и в 1910 г., и в 1927 г. удерживалось на едином уровне; почти в два раза увеличился состав быков, коров и ослов, при этом уменьшилось поголовье овец и коз.

Из приведенных нами примеров обеспеченности скотом различных социальных групп видно, что байские хозяйства обладали большими стадами овец, менее состоятельные объединялись для выпаса своих овец и также образовывали значительные отары. Эта часть стад, т. е. овцы и козы, и составляла основу отгонного животноводства.

Основной рабочей силой была лошадь. В Хорезме было известно несколько пород лошадей. Особенно ценными породами считались туркменская — *туркмен ти* и казахская — *казах ти*. Первая использовалась обычно как верховая, вторая — как рабочая. Казахскую лошадь покупали у казахов, которые выращивали ее в табунах и продавали уже обьезженную в возрасте 4—5 лет. Лошадь этой породы была низкорослой и очень выносливой. Кастрирование лошадей применялось редко. Кастрированный конь назывался *бичик от*. В малосостоятельных хозяйствах упряжная лошадь использовалась одновременно и как верховая. К езде в седле или в арбе жеребцов (*той*) начинали приучать после четырех лет. С этого же времени их впервые подковывали. Определением возраста животного была смена у лошади зубов.

Использовали лошадь для поездок на базар, на молотье, а также для приведения в движение чигира.

По масти различали лошадей красных — *кизил*, белых — *ок*, черных, вороных — *кора*, черных с проседью — *чол*, серых в яблоках — *турок*, серых — *кок*. Наиболее ценными верховыми конями были буланые иноходцы — *саман иурга*. Специально верховые лошади являлись большой гордостью их владельцев.

Для ухода за лошадью выделялся один из членов семьи, зрелый мужчина *куч йигит* (в возрасте от 18 до 35 лет), чаще всего один из сыновей главы большой неразделенной семьи, на которого это возлагалось как основная работа (юноши допускались к ней только лет с 17—18).

Содержались лошади в особом помещении в хозяйственной части дома — *отхона*, или *охта-хона*, обычно располагавшейся по левую сторону от входа, поблизости от коровника. При малом размере жилища для лошади выделялся угол в общем хлеву для скота — *аран*, или *мол хона*, или в большом проезде дома — *далан*, где так же, как в ахта хоне, устраивалась кормушка — *ахир*, или *ахур*. Ясли или иная кормушка для лошади считались необходимыми, так как при еде лошадь разбрасывала корм. Устройство кормушки было несложным — способом пахсы: по стене на расстоянии 1.8 м друг от друга намечались небольшие отсеки с углублениями в 0.6 м и на расстоянии от земли несколько выше 1.0 м, с выемкой

Т а б л и ц а 12
Число голов скота в Хивинском ханстве (узбекская часть)

Местность	Кол-во хоз-в	Лошади	Быки и коровы	Ослы	Овцы	Козы	Верблюды
Дарган-ага	500	700 (3.8)	1400 (7.6)	400 (2.1)	15 000 (81.0)	700 (3.8)	400 испр. на 300 (1.7)
Садвар	700	700 (5.0)	1000 (6.82)	300 (2.1)	12 000 (81.2)	300 (2.0)	350 (3.0)
Питняк	4000	1000 (2.6)	4500 (3.9)	700 (1.8)	34 000 (87.6)	1000 (2.6)	500 (1.2)
Хазарасп	5000	3550 (10.19)	6200 (22.69)	2000 (7.0)	14 000 (51.5)	730 (2.7)	800 (3.3)
Бешарык	4000	3600 (12.37)	7500 (25.77)	1400 (4.81)	14 000 (48.11)	1000 (3.44)	16 000 (5.67)
Окр. Хивы	10 000	9000 (21.1)	13 000 (28.8)	3000 (6.6)	15 000 (33.3)	—	5000 (11.1)
г. Хива	7000	500 (18.5)	1000 (37.0)	1200 (44.5)	—	—	—
Ханки	2700	1500 (9.77)	3000 (19.54)	1250 (8.29)	8000 (52.11)	1000 (6.5)	600 (3.9)
Газават	1500	1400 (12.53)	2100 (18.83)	500 (4.48)	6000 (53.76)	460 (4.12)	700 (6.3)
Ургенч	4500	3000 (12.38)	6300 (27.52)	1100 (4.81)	10 000 (44.25)	1000 (4.43)	1200 (5.3)
Кят	2500	1400 (13.16)	3000 (26.31)	700 (6.14)	5000 (43.86)	500 (4.38)	800 (7.1)
Шахабад	1500	1200 (12.12)	2500 (25.25)	300 (3.03)	5000 (50.5)	300 (3.03)	600 (6.06)
Клычбай	1500	2000 (16.52)	4100 (34.71)	400 (3.3)	4500 (37.1)	500 (4.13)	600 (4.95)
Гурлен	4500	3600 (19.0)	7000 (37.0)	800 (4.23)	6000 (31.74)	550 (3.27)	900 (4.76)
Мангыт	3000	3400 (16.7)	5700 (28.04)	300 (1.47)	10 000 (49.21)	500 (2.46)	400 (1.97)
Кыпчак	1500	2700 (30.3)	4500 (35.83)	300 (2.25)	3600 (34.58)	700 (5.26)	500 (3.75)
Итого	51 400	39 250	69 800	14 650	162 100	9240	29 250

Примечание. Таблица составлена на основе материалов переписи 1910 г. (ЦГА, ф. 125, оп. 1, л. 525). В скобках указаны проценты.

Таблица 13

Количество рабочего скота и овец в Хорезмском округе УзССР в 1927 г.

Районы	Лошади	В том числе рабочие лошади	Крупный рогатый скот	В том числе рабочие быки	Верблюды	В том числе рабочие верблюды	Ослы	Овцы	В том числе каракулевые	Козы	Всего
Мангыт	4408	3968	10 712	4807	414	392	493	4891	3093	803	21 721
Гурлен	4720	4533	14 710	6926	357	335	1057	7207	6567	819	28 870
Ургенч	5925	5719	17 373	7610	925	904	3827	11 603	11 088	580	40 233
Шават	5201	4935	1442	6719	766	754	2507	7690	7392	118	17 724
Хива	4974	4874	13 803	6841	738	693	2918	4941	4562	215	27 589
Газават	2298	2173	6685	3225	222	204	1520	4615	4126	213	15 553
Янги Арык	3975	3768	14 542	5756	1018	980	3804	9330	8950	370	33 039
Ханки	2720	2674	10 411	3977	871	874	2625	4841	4590	180	21 648
Багат	4043	3644	13 947	5142	1485	1444	3927	12 142	11 829	390	35 934
Хазарасп	5258	5090	21 299	7749	1335	1293	5447	16 699	15 544	1057	51 095
Итого	43 522	41 478	124 924	58 752	8131	7873	28 125	83 979	77 741	4754	293 408

Примечание. Таблица составлена по кн.: Материалы статистико-экономического обследования сельского хозяйства Хорезмского округа УзССР. Ташкент, 1930, с. 27—28, 43—44, 69—70, 75—76, 91—92, 110—113.

в средней части для шеи животного. Делали кормушки и овальной формы. Кормушек по числу делали больше, чем было голов скота. Их использовали, передвигая скот к соседним кормушкам при уборке навоза в помещении. Для привязи в глиняную стену на уровне около 1.5 м вмазывалась согнутая в полукруг ветка тутовника или гуджума толщиной в 0.3—0.4 м, длиной около 0.5 м. Веревка — *аркан* сплеталась из верблюжьей шерсти с кендырем. Особое внимание уделялось рациональному и регулярному кормлению лошадей. В период тяжелой работы, такой как перевозка удобрений, пахота, а также при дальних переездах верхом или с арбой, главным кормом был ячмень — *арпа* и джугара в зернах, носившие название *ем* — сытная и наиболее калорийная пища (она давалась производителям во время случки).² Из зеленых кормов главным была люцерна — *иунгичка*, *юргунджа*, *енгучка*, *беда* (хотя последним термином в Хорезме обозначалась обычно сушеная люцерна) и джугара, выращиваемая специально как зеленый корм — гауш. Люцерна и стебли джугары — *чинкирик* использовались также в сушеном виде. Обычное питание лошади со-

² Так же, как у узбеков-карлуков: Ш а н и я з о в К. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, с. 74.

стояло из смеси пшеничной соломы с гаушем, даваемой ей раз пять в день.

В кормовом режиме имелись существенные различия по сезонам. Зимой лошадь кормили преимущественно джугарой (два раза), сухим клевером беда (пять раз) и пшеничной соломой — *бугдай саман*. Этот корм назывался *дурушта* — грубый, жесткий. Нередко к этому составу добавлялись измельченные стебли джугары. Снопа — *култа* (южн.), *бог* (сев.) гауша и приблизительно такого же количества пшеничной соломы хватало лошади на 2—3 часа еды. При больших морозах, так же как при интенсивной работе, количество корма, в основном джугары, увеличивалось. С весны вплоть до осени лошадь питалась зеленым кормом: ее выпускали на свободные от посевов участки земли, где была трава, давали клевер. Джугара в зернах в теплое время года давалась в ограниченном количестве, так как для переваривания ее требовалось много воды, что при жаре тяжело переносилось. Осенью лошадь оставляли на убранном, покрытом небольшими всходами клеверном поле, привязав ее на длинной веревке к колышку — *козык*, или ее стреноживали посредством металлических пут — *кишан*, чтобы она не уходила далеко. Путы надевали лошади также тогда, когда она находилась на базаре.

Зимой лошадь поили раза два-три, летом — раза четыре. В жаркое время года среди дня ей давали поило — *ардаб*, приготовленное из молотого проса — *тари* (*торик*) с водой. Перед дальней дорогой лошадь кормили особенно плотно. А тогда, когда она в пути имела длительную стоянку, например на базаре, ей давали пшеничную солому, засыпая ее в мешок — *халта*, привешенный к шее. Вообще уход за лошадью требовал больших знаний и опыта, так как излишний корм и охлаждение были вредны для здоровья животного, а вовремя не напоенная лошадь легко могла заболеть.

Лечение лошадей считалось делом очень ответственным и доверялось только опытным и «знающим» людям — *таиб*, которые наряду с использованием рациональных приемов прибегали буквально к зверским приемам, не лечащим, а добивавшим окончательно больную лошадь.³

Хорошая лошадь в ханское время стоила 25—30 тилля, среднего достоинства — 10 тилля. Владельцы многочисленных косяков лошадей, — а таких было немного, — нанимали для пастьбы опытных казахов, которые выпасали табуны в тугаях близ Амударьи. Так, на 500 лошадей нанимали до 40 казахов.

Обычно лошадь жила и работала лет до тридцати. Когда же замечали, что ее сила уже на исходе, ее резали, рассматривая этот акт как жертвоприношение — *садак*, и организовывали коллективное угощение — *хам тораж*. Голову и часть мяса ели всей семьей, другую часть раздавали родственникам и соседям. Череп лошади выставляли на козырек — *чарховик* над воротами при входе в дом, при этом считалось, что череп приносит счастье, богатство и охранял от всего злого и дурного, или относили его на поле для охраны и умножения урожая и помещали на палке таким образом, чтобы лобная часть черепа обращена была к востоку. Лошадь называли «голова счастья» — *давет боши*, считая ее основой благополучия.

Быки, коровы и телята обозначались собирательным термином *мол*, а под названием *кора мол* подразумевались главным образом быки и коровы. Быки использовались в хозяйстве почти круглый год, и особенно в период подготовки земли под весенние и озимые посевы. Последнее считалось особенно трудным. В комплекс работ входила неоднократная пахота и боронование двумя видами бороны. Часто быки использовались

³ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 76. — Например, лечение больной печени лошади состояло в том, что к больному месту прикладывали доску и били по ней обухом топора по несколько раз в день.

на чигире, при молотье, хотя на молотье предпочитали лошадей: быки передвигались медленнее, больше загрязняли хирман и ими труднее управлять, чем лошадей.

Быки и коровы были местной породы — быки отличались большой выносливостью, а коровы малой молочностью.

В маломощных хозяйствах в тяжелое время голода в конце года быка резали на мясо, а на часть денег, вырученных от продажи мяса, покупали молодого бычка. Разница шла на покупку зерна, что помогало бороться с голодом. Бычка выкармливали и ко времени весенней пахоты уже могли на нем пахать.

Бывало и так, что обладатель большого количества скота отдавал молодых бычков в аренду беднякам, те обучали их на различных работах, в том числе и пахоте в своем хозяйстве, а спустя год, когда бычок был уже в возрасте около четырех лет, бай забирал его, а бедняк обязан был отработывать на байских полях в течение неопределенного времени.

Выхаживал быков и работал на них опытный человек. По традиции раньше в большой семье это был младший брат главы семьи.⁴ Подростков к уходу за быком допускали постепенно и всегда под присмотром взрослых. Мальчиков к пахоте совершенно не допускали, потому что из-за неопытности они могли подрезать наконечником сохи сухожилия на ногах быка и тем самым по существу погубить его. Потеря же быка была для хозяйства очень большим бедствием. Быки стоили дорого — от 7 до 20 тилля,⁵ что зависело от возраста и сноровки их ходить в упряжке при пахоте или на чигире. Маленький теленок без различия пола назывался *оджек*. Молодые бычки — *окузча* имели большой спрос и чаще всего шли на продажу, старых быков резали на мясо. Обычно на третий-четвертый год быка, предназначавшегося для работы, кастрировали. Для этой операции привлекался специалист по кастрации — *инекчи*. Операция приурочивалась обычно к весне. К этому времени скот был худым, что облегчало заживление. К тому же в это время еще не было мух, разносчиков болезней. Оплата инекчи производилась пшеницей в размерах, доступных хозяину, и расценивалась как *патья размат* — освященная благодарность. Кастрированный бык — *бичилган окуз* был более приспособлен к работе, он менее утомлялся, был сильным.

Бык-производитель — *бугай* содержался в отдалении от стада и использовался осенью, реже весной для огула коров хозяина и коров соседних хозяйств, плативших владельцу быка деньгами или отработывающих на его участке; при этом один бык приходился примерно на сорок коров.

В зимнее время года быки стояли в *молхоне*, отдельном помещении в хозяйственной части дома, в одном ряду с конюшней — *отхона*. Если хозяйство было небольшим и скота было немного, бык находился в общем помещении для скота, носившем название *аран*, при этом хозяин расставлял каждый вид скота на некотором расстоянии от другого. Молхона строилась довольно обширной, протяженностью от 7 до 11 газов,⁶ т. е. приблизительно от 9 до 15 м, высота в 4 слоя пахса, или примерно в 3.2 м.

В целях постоянного проветривания в крыше устраивалось небольшое отверстие. Вход в молхону был без двери и шел из *далана* — общего проезда в большом доме-усадебке — *хаули*.

Чтобы скот не мог выйти, поперек проема ставилась решетка — *эргенек*, сколоченная из вертикальных и горизонтальных жердей, высотой около 1.5 м, шириной несколько больше проема (3—4 м). Она выставлялась, когда надо было вывести скот. Каждое животное имело свою кор-

⁴ Материалы автора, эксп. 1949 г., пол. зап. 17, с. 53.

⁵ Там же, пол. зап. 17, с. 57.

⁶ Газ равен 1.25 м.

мушку — *ахур*. Они располагались по углам или стенам молхона. Кор-мушки были значительной емкости, в них можно было положить доста-точно корма. Примерно с апреля по конец сентября скот стоял на свежем воздухе в тени больших деревьев или под специально устроенным наве-сом — *чартож* (южн.), *бостарма* (сев.), расположенным на теневой сто-роне дома.

Рабочих быков круглый год держали на привязи, на пастбища их не выводили. Только в маломощных хозяйствах при отсутствии корма свободных от работы быков летом отправляли на озеро, чтобы они могли кормиться камышом, а позднее на поля, с которых собран урожай, — *бошлак*. Основной пищей быков была смесь рисовой соломы — *шоли сомон*, пшеничной соломы — *бугдой сомон* и клевера — *енгирчка*. Приготов-лялся корм с использованием несложного приспособления — *киркин*. В землю вбивали колышек — *козык*, верхний конец которого расщеп-ляли, в расщеп вставляли лезвие серпа и концы расщела крепко связы-вали веревкой. Высота колышка делалась такой, чтобы лезвие серпа нахо-дилось на уровне вытянутых рук человека, сидящего на земле. Работав-ший садился перед киркином со стороны лезвия, брал в руки пучок со-ломы соответствующего состава и разрезал его движением сверху вниз и к себе.

Во время пахоты рацион быков увеличивался за счет жмыха от кун-жута — *кунджары*, обработанного на масло, который давали два раза в день. В это время пахарь вставал за два часа до начала работы, давал быкам пить и кормил их. Во время работы воды им не давали. С наступле-нием жары быков привязывали в прохладном месте и они отдыхали часа полтора, после чего им давали пить и кормили их второй раз. Спустя примерно час после еды, когда жара несколько спадала, пахота продол-жалась.

В состоятельных, крепких хозяйствах к этому составу кормов при-соединяли *кепек*,⁷ который давали вместе с кунджарой быкам круглый год по два раза в день — утром и вечером. Кепек готовился из круп-ных отсевов пшеничной муки с небольшим количеством рисовых высе-вок, соли и воды. Эту смесь кипятили в течение 10 мин. и, охладив, слегка теплой скармливали скоту. Если рис в кепек не добавлялся, то его не ки-пятили, а лишь промешивали с водой. Иногда в кепек добавляли мелко нарезанную пшеничную солому. Кроме быков, кепеком кормили коров и овец. В летнее время к обычной пище быков добавляли зеленые травы, клевер и др.

В году около 40 дней быки для работы не использовались. Эти дни при-ходились на зимнюю чилля.⁸ Это было время их полного отдыха, к концу которого быков переводили на усиленное питание, готовя к новому сезону больших пахотных работ. Им давали есть три раза в день, добавляя к обыч-ному рациону джугару в зернах. В пахоту быков включали постепенно, чтобы не подорвать их силы после зимнего стояния. Рабочий возраст быка — до 15—16 лет; более старых откармливали кунджарой и прода-вали на мясо.

Коровы местной породы были низкорослыми, маломясными и мало-молочными. Масть их была различна: черная — *кора*, красная — *кизил*, желтая — *малла*, пегая — *ала*, серая — *кок*, пятнистая — *талгыр*, бело-лобая — *сакар*. Вновь родившийся теленок без различия пола до девяти месяцев назывался *тана* (южн.), *оджек* (сев.), маленькая телочка — *ургач оджек*, телка до рождения первого теленка — *качер* (южн.). Уход за коро-вами в молхоне возлагался на того мужчину, который ходил и за быками. Он обязан был кормить коров и содержать в чистоте помещения. Женщины

⁷ *Кипик* — рисовая шелуха; хорезмское произношение *кепек*.

⁸ *Чилля* — период самых суровых холодов, продолжающийся с 25 декабря по 5 фев-раля (Узбекско-русский словарь. М., 1959, с. 521).

лишь доили коров и приглядывали за телятами. В холодное время года коровам давался тот же корм, что и быкам, а именно смесь пшеничной соломы с сушеным клевером, но в несколько меньших размерах. Усиленное кормление корова получала только в сильные морозы, а также во время беременности. К видам усиленного корма относились джугара и кепек, а в летнее время тыква — *кады*, корки тыквы — *кады пучоги*, корки дыни — *каун пучоги* и корки арбуза — *тарбыз пучоги*. Этот же корм давали корове после вечерней дойки, чтобы увеличить количество молока, поэтому утренний удой молока всегда бывал больше вечернего.

После отела корове нельзя было давать холодную воду. Для нее приготавливалось теплое пойло — *ярма* (некоторое количество муки из джугары крупного помола, разваренной в воде). От этого пойла корова лучше ела и не заболела желудочно-кишечными болезнями. Если она телится летом, то в течение первых 2—3 дней ее кормили только сухой травой. Обычно же теленок появлялся на свет зимой. Первое время его заворачивали во что-нибудь теплое, вроде старого халата или мешковины, и держали в теплом месте — в жилой комнате или на айване. Подпускали его к корове два-три раза, позднее два и подкармливали до 10 дней смесью кунджары (жмых от кунжута) с коровьим молоком. Спустя 10—15 дней после рождения его начинали подкармливать сушеным клевером — *беда*. В это же время его переводили в арен или молхону, но от коровы отгораживали, держа на привязи. Теленка выращивали до трех лет, затем бычка оставляли для работы в хозяйстве или резали и мясо продавали за деньги.⁹ С апреля по октябрь коров выпасали на подножном корму. Сообща нанимали пастуха — *падачи*, часто в пределах *мечеткоума* — прихода мечети. Весной выпас начинали тогда, когда камыш достигал полуметровой высоты; сезон выпаса кончался, когда камыш начинал желтеть.

В состав стада — *пада* входили дойные коровы, телки, телята и свободные от работ кастрированные быки. Пастбищем служили земли, расположенные поблизости от селений, берега многочисленных озер и прибрежные луга, находящиеся на 2—3 чакрым от селений.¹⁰ Из трав наибольшее распространение получили ажерык, селин, яктак, печек, акбаш, боян, килдир, сутлиян и др. Вредных трав не было. Определенной системы стравливания пастбища не существовало. Скот сам двигался в том направлении, где росла хорошая трава. Пастух отвечал за то, чтобы стадо было хорошо накормлено.

Падачи собирал стадо до восхода солнца — в 5—6 часов утра, призывая хозяев выгонять животных криком «малынинг хайдинг» («гоните свой скот»); вечером, часов в 18—20, при возвращении стада он выкрикивал: «Малынинг олдинг» («свой скот берите»). Дневной выпас делился на две части: до полудня — *кун урта* и после полудня. Полуденное время определялось пастухом по тени, которую отбрасывала фигура человека на землю. Он становился спиной к солнцу и прутиком или палкой отмечал конец тени. В полдень длина тени от основания до верха, который отмечен, должна была составлять три длины стопы — *уч адим* (узб. *жадам*). Во время полуденного перерыва стадо отводилось в прохладное место и отдыхало. Ориентируясь на длину тени, определяли и вечернее время. Когда стадо гнали домой, приблизительно часам к 20, длина тени достигала 15 шагов. Если стадо паслось на берегу озера, установленное время водопоя не было и животные пили, когда им хотелось. В некоторых местах коров и телят поили три раза в сутки: рано утром, перед уходом в поле, водой из колодца — *кудук* (южн.), *кую* (сев.) (рис. 8, 9), налив воду в деревянную

⁹ Узбекско-русский словарь, с. 27. — Скот резал мясник — *кассоб* — за плату натурой: за корову он получал 1 кг говядины, за одну овцу — 1 кг баранины (там же, с. 79).

¹⁰ Там же, с. 33, 36, 45. — Чакрым равен примерно 1 км.

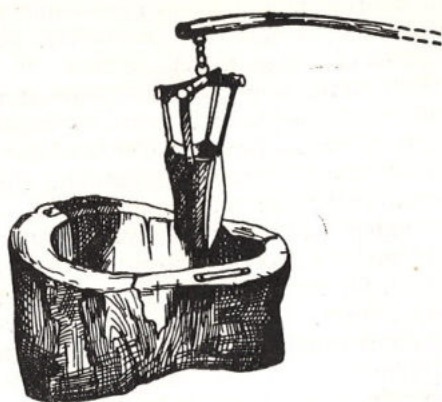

Рис. 8. *Кю* — колодец. С. Авшор. Хазараспский р-н.

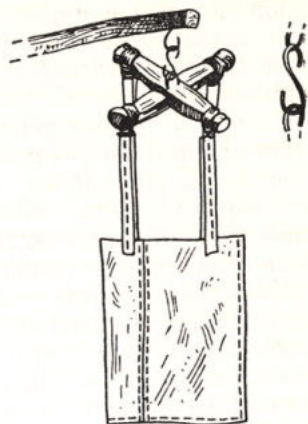

Рис. 9. *Чакар* — кожаный мешок, служивший ведром у колодца.

колоду — *нова* в полуденный отдых из арыка; вечером из колодца в селении.

Доили коров два раза в день: утром, до ухода стада в поле, и вечером, после возвращения с пастбищ. В день корова давала 2—3 куза молока (куз — керамическая кринка), т. е. примерно 7—8 л.

Профессия пастуха была наследственной. В некоторых маломощных хозяйствах коров пас кто-нибудь из семьи, свободный от других дел. Наемному пастуху платили обычно по 1—1.5 батмана¹¹ пшеницы или джугары за сезон с одной головы скота. Кроме того, каждый владелец должен был по очереди кормить его утром и вечером и снабжать едой на день.¹² Расчет производился осенью.

Пастух двигался со стадом пешком, пастухи преклонных лет передвигались на осле. Особого снаряжения падачи не имел. При нем всегда находился нож — *пичок* в ножнах на поясе, пастушья палка — *таяк*, тыквенный сосуд для питьевой воды — *сувакды*, мешок из кожи для хранения дневной пищи, которую давали ему по утрам хозяева, или переметная сумка — *хурджин* для тех же целей; если он передвигался на осле, иногда у него бывал медный сосуд — *тунка* для кипячения чая.

В некоторых местностях, например в окрестностях Хивы, в состав снаряжения пастуха входил бич — *шарпы*, без кнутовища, сплетенный из коры тутового дерева — *тут сойкаси*, длиной 1.5—2 м. Пастух раскручивал бич над головой, а затем с силой встряхивал его, отчего он издавал громкий щелчок, служивший сигналом подъема коров.

Хорезм относится к области смешанного верблюдоводства. Здесь разводили одногорбых и в гораздо меньшей степени двугорбых верблюдов.¹³

Наиболее распространенным в Хорезме был одногорбый верблюд местной породы — *кизил туя*. Верблюдов в хозяйстве узбеков почти не размножали, а предпочитали покупать у казахов, реже у туркмен и каракалпаков, а предпочитали покупать у казахов, реже у туркмен и каракалпаков, при этом обычно приобретали самцов. Некоторые состоятельные хозяева покупали у казахов двугорбых верблюдов — *бугра туя*, так как они давали шерсть хорошего качества. Высоко ценился самец — *нар* от скрещивания двугорбого верблюда самца и одногорбой самки.

¹¹ Батман равен 40 кг.

¹² Узбекско-русский словарь, с. 51, 73, 79. — Иногда расчет падачи был несколько другим. За одну голову скота в месяц платили 5—6 кг пшеницы и одну-две тенги деньгами (там же, с. 36).

¹³ Л а к о з а И. И. Верблюдоводство. М., 1959, с. 73.

Он отличался большой силой, выносливостью в работе и давал много шерсти. Имелись различия в названии верблюдов по возрастам. Верблюжонок до года независимо от пола назывался *кошелек*, от года до зрелого возраста самец — *кошек*, самка — *арвона*.¹⁴ В возрасте трех-четырёх лет верблюда начинали приучать к работе. Примерно к этому времени относится прокалывание носа верблюда для приучения его к поводу. Эта операция приурочивалась к зиме или поздней осени, во избежание заражения открытой раны. Чтобы справиться с верблюдом, нужно было привлечь не менее 6—8 человек. Прокалывали нос и вставляли небольшую заранее заготовленную палочку — *буруни чуп* из гуджума или йиглина. В дальнейшем к верхнему концу буруни чуп привязывали веревку, за которую держался сидящий на верблюде седок. С помощью такой веревки было легко управлять животным, но поворот можно было делать только в одну сторону. Чтобы осуществить поворот в другую сторону, верблюда постукивали сбоку палкой.

Верблюд использовался главным образом для различных перевозок, в основном кормов и топлива из окружающих степей и песков, для приведения в движение чигиря и маслобойки — *майджуваз*, подъема воды из колодцев в песках для овец и коз. К верблюду приставляли кого-либо из членов семьи, чаще всего молодого сильного мужчину, который выхаживал его, кормил и работал на нем. Верблюд привыкал к нему и слушался.

В холодное время года верблюд стоял в специальном помещении — *туя хона*, расположенном в одном ряду с молхоной в хозяйственной части большого дома, с левой стороны от главного подъезда — *далана*. Стандартные размеры туя хона — 4×4 газа, т. е. 3.5×3.5 м. Если дом был небольших размеров, то верблюд находился в молхоне вместе с другим скотом, но на небольшом расстоянии от него. Верблюд считался чистоплотным животным, требующим опрятного стойла. Особенно чувствителен он был к сырости.¹⁵ Стойло верблюда ежедневно тщательно убирали, выметали веником и посыпали свежей подстилкой. Для подстилки применялся песок, смешанный с вапом (илом, выброшенным при чистке канала). Использованную подстилку собирали в кучи и через два-три дня удаляли из стойла, скапливали в кучах у дома, с тем чтобы позднее вывезти ее на поля в качестве удобрения.

В теплое время верблюда оставляли на привязи под карагачем у чигиря или под чартоком у стен дома. В мягкую зиму верблюда держали иногда под навесом круглый год.

Устройство навеса не требовало большого труда. В плане он имел четырехугольную форму, держался на 4—8 не толстых (диаметр до 15 см) столбах-подпорах, в развилки которых укладывались продольные жерди. Поверх них, на расстоянии 30—40 см друг от друга, укладывали поперечные жерди, покрывавшиеся сухими стеблями камыша или соломой. Высота чартока доходила до 3—4 м.

Основным кормом верблюдов являлись травы, растущие в окружающих песках, на невозделываемых землях близ селения, куда в теплое время года в свободные от работ часы их выгоняли, поручая наблюдать за ними кому-нибудь из младших членов семьи. Верблюды находили там такие травы, как янтак, боян, шоре, дженгиль, текенек, акбош

¹⁴ Там же, с. 30. — Узбеки верблюдов не кастрировали. Кастрация верблюдов производилась только в хозяйствах казахов (там же, с. 49). Последний термин распространен также у узбеков-карлуков (Шаниязов К. Узбеки-карлуки, с. 79). А. Оразов пишет, что «прибалханские помуды разводили главным образом одногорбых верблюдов породы «арвана» (см.: Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX—начала XX века. Ашхабад, 1972, с. 57).

¹⁵ Сырость вызывала у верблюда заболевание — *от котур* (чесотку) (Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 53).

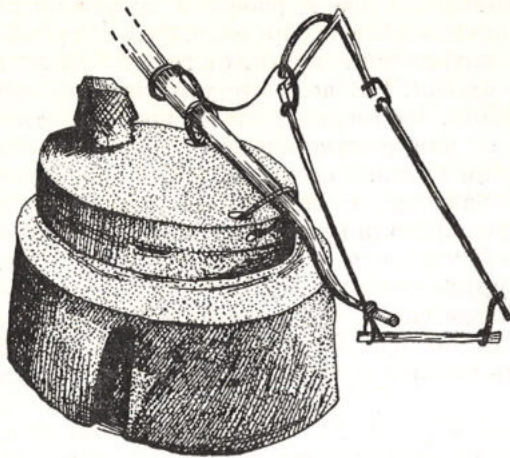

Рис. 10. Хараз — мельница, приводимая в движение ослом. С. Сарыпаян. Хивинский р-н.

топливо на зиму. В год на одного верблюда надо было заготовить 400—500 патак (в хорезмском произношении *пата*) янтака,¹⁷ 7—8 патак, увязанных арканом, носили название *арка*. На каждого верблюда навьючивали по два арка, что составляло его норму еды на один день. Иногда в день верблюд съедал 2 патака травы и три-четыре култа (снопа) клевера.

Как отмечает И. И. Лакоза, «верблюд отличается меньшей потребностью в воде по сравнению с другими сельскохозяйственными животными. Кроме того, в вынужденных условиях верблюд продолжительное время может обходиться без водопоя. При ежедневном поении взрослые верблюды выпивают 30 кило воды. Зимой в прохладное время потребность в воде у него значительно меньше. Летом верблюдов поят 2—3 раза в день, осенью один раз в день или через день, зимой через день или через два дня».¹⁸ Автор объясняет эту биологическую особенность верблюда эволюционной приспособленностью его к обитанию в зоне сухого климата, выработанной веками естественного обмена.¹⁹

Верблюжья шерсть ценилась выше овечьей и в соединении с овечьей придавала тканям большую прочность. Стригли верблюдов один раз в год, весной, после линьки, начинавшейся в марте. К зиме на холодное время подрастала новая шерсть.²⁰ Мясо не старых и хорошо нагуленных верблюдов считалось довольно вкусным, а кожа их шла на изготовление сбруи — *эгар жабдук*, постромков — *от абзали* и хомута — *кучан*.

Незаменимым в хозяйстве был осел. Основной его функцией была работа на домашней мельнице — *хараз* по размолу зерна на муку (рис. 10). Он использовался также как верховое животное, чаще всего при выездах на ближайший базар, или для упряжки в специальную ишачью арбу, которой обзаводились малосостоятельные хозяйства. В этих же хозяйствах

¹⁶ Архив ЛОИЭ, 1971 г., колл. 1, оп. 2, № 921, с. 28. — Подробно о травах, идущих на корм верблюдам, см.: Л а к о з а И. И. Верблюдоводство, с. 195. Там же таблицы — «Основные пастбищные растения, поедаемые по сезонам верблюдами Казахской ССР».

¹⁷ Архив ЛОИЭ, 1971 г., колл. 1, оп. 2, № 921, с. 43. — *Патак* — охапка янтака высотой в 0.5 м. По другим сведениям, на двух верблюдов заготавливали в год 10—15 арб янтака (там же, с. 72).

¹⁸ Л а к о з а И. И. Верблюдоводство, с. 233. См. также: Материалы автора, эксп. 1949 г., пол. зап. 17, с. 48.

¹⁹ Л а к о з а И. И. Верблюдоводство, с. 237.

²⁰ Там же, с. 277—278.

ишака использовали для заготовки и перевоза кормов из песков. Существовали и небольшие маломощные чигири, приводившиеся в движение ослом. По полу различались *эркак зшак* — осел, *ургочи зшак*, или *моча* — ослица и *куре* — осленок. Осел весьма неприхотлив, не требовал большого ухода и заботы. Специального помещения для него не строили. Он находился всегда рядом с лошадьми, коровами и особенно верблюдами, чаще всего в атхоне.

Если ишак стоял постоянно в стойле, его необходимо было раз в день, особенно после тяжелой работы, после упряжки в арбе, вывести поваляться в пыли. Хозяин держал его за повод и приговаривал: *эт, эт, эт* — «ложись». Это позволяло ослу проветрить свою шкуру и освежиться, что предохраняло от заболевания чесоткой. Особенностью всех ишаков в Хорезме являются надрезанные ноздри. Эта операция включала не только расширение ноздрей, но и удаление части носового хрящика — *кемирчак* (хорезм. *сегюрджик* — *севирджик*), что, по мнению хорезмских животноводов, улучшало дыхание ишака во время тяжелых работ и длительных переходов. Подвергали этой операции только ишаков-самцов в возрасте 2—3 лет, самке она была противопоказана. Совершал операцию народный ветеринар — *табиб*.²¹ В корм ишаку шли остатки от корма лошади и коров. В зимнее время обязательным кормом были стебли джугары — *чингирик*, летом — зеленая трава. В ем ишака входил ячмень, пшеница и джугара в зернах. В состоятельных семьях ему давали кепек. В питье ишак также был нетребовательным, мог не пить два дня. Мясо ишака считалось запретным в пищу — *харам*. Кожа его была грубой и использовалась лишь на изготовление самого низкого сорта калош.

Отгонное животноводство Хорезма отличалось от этого вида хозяйства в других районах Средней Азии.

Значительно преобладали стада овец в тех районах, которые находились вблизи границ песков — *кум* или больших, почти не использованных в то время пространств, примыкавших к побережьям Амударьи, где простиралась богатая травами естественные пастбища и угодья — *утлак* (хорезмск. *отлак*). К этим местностям относились Дар-ган-ата, Питняк, Хазарасп на юге оазиса и Газават, Магыт на севере. В центральных районах отгонное животноводство не имело большого распространения.

Размеры стада, как мы уже отмечали, были различными — от нескольких десятков голов, принадлежавших отдельным хозяевам, по договоренности объединявших их в стада в 100—150 голов, до нескольких отар, в совокупности составлявших 1—2 тыс. голов и принадлежавших одному владельцу. В мелких хозяйствах держали 2—3 баранов, для того чтобы зарезать в праздник — Курбан хайт, или Рамазан.

Основным видом скота в отгонном животноводстве являлся мелкий скот: овцы — *куй* и в меньшем количестве козы — *кечи*, составлявшие примерно 1/4 часть стада. В отарах, пребывавших в песках, обычно находились верблюды, приспособленные для обслуживания стада, использовавшиеся при подъеме воды из колодцев, и ишаки, служившие для передвижения пастухов при пастьбе, для связи с селением, перевозки продуктов для пастухов. Породами овец были: казахская — *казахи куй*, отличающаяся вкусным мясом, но небольшим приплодом;²² туркменская — *туркмен куй*, обладающая хорошей, тонкой шерстью, используемой для валяний кошм и особенно войлочных чулок — *тейды*. Наиболее ценной породой считалась каракумская — *араби куй*, отличающаяся хорошим мясом, шкурки которой шли на шитье шапок — *тельпак*, *чугурма* и

²¹ Там же, с. 39, 45. — В материалах экспедиции 1971 г. подробно описаны приемы работы табиба, его инструменты и способы заживления ран (Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 45—46).

²² Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 2, 39. — Курдюк овцы этой породы достигал 20 кг.

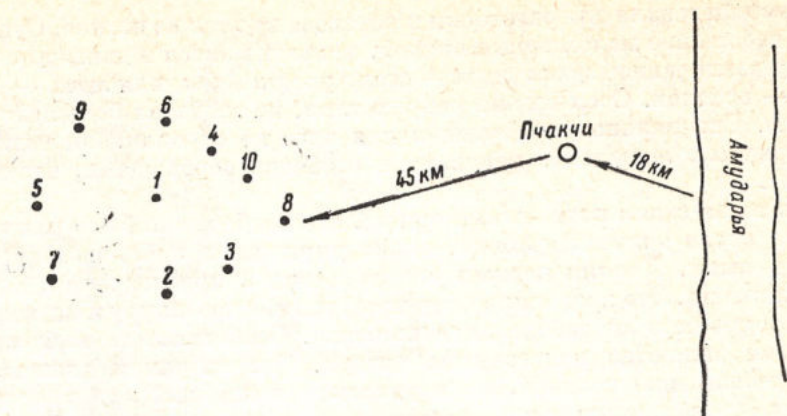

Рис. 11. Схема расположения колодцев близ с. Пичекчи. Хазараспский р-н.

1 — Кейгели кую, 2 — Юмалак аджи кую, 3 — Сарышлы кую, 4 — Бал кую, 5 — Авган кую (Таза Кавчан кую), 6 — Топаз кую, 7 — Гедай кую, 8 — Саттар аджи кую, 9 — Кеше кую, 10 — Давгары кую.

шуб — *постин*. Эта порода известна также своей высокой плодovitостью. В прежнее время в стадах Хорезма встречалась еще одна порода — *гузари куй*, дававшая хорошую шерсть. Центром распространения ее считался Ахалтекинский оазис Туркмении, однако за последние десятилетия она совершенно перевелась.²³ Большие отары овец в количестве 500—600 голов требовали не менее трех-четырех человек для их обслуживания. На небольшую отару в составе 100—150 голов нанимали обычно одного пастуха — чупона. Незначительное число овец пасли члены семьи вблизи селений.

Крупные отары находились на отгонных пастбищах круглый год. В южных районах оазиса стада кочевали на обширных пространствах песков, вблизи колодцев, принадлежавших баям, владельцам стад. Пастбища находились примерно в 100 км и более от селения, или на расстоянии трех суток езды на верблюде. Всю зиму в песках оставались прошлогодние травы, примерно с 20 марта появлялись новые. В песках отары находили такие травы, как сазак, илак, арпахан, гаширнавиш, катаган, чермизи, карахан, чала, селин, серсевал (саксаул), синирен, сезен. Зимой овцы хорошо едят сазак и илак, весной охотно — чалы. Но пасти овец без воды было невозможно, поэтому главным условием в южной части Хорезма было наличие колодцев. Колодец мог напоить около 500—700 овец. Если у бая были большие отары, то и колодцев у него было несколько. Располагались они один от другого на расстоянии около 9—12 часов езды на верблюде, примерно на расстоянии 3—3.5 дашей²⁴ (см. рис. 11). Баи, которым принадлежали колодцы, разрешали владельцам небольших или смешанных стад пользоваться водой из колодцев при условии не мешать пастьбе байских отар, за что те были обязаны помогать не только в строительстве и ремонте колодцев, но и в уборке урожая. Границ между пастбищами, в том числе и байскими, не было. Но существовали знаки, которыми отмечалась половина пути от одного колодца к другому. Знак этот назывался *чангал*. Сооружался он на вершине высокого бархана. Там складывались стволы и ветки сазака в виде пирамиды высотой до 6—7 м. Место размещения чангала устанавливали баи — владельцы колодцев. Знак этот помогал ориентироваться пастухам и получать представление, где пасется отара другого бая.

²³ Там же, с. 2, 9, 72; 74; Материалы автора, эксп. 1949 г., с. 52.

²⁴ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 22. — *Тош*, хорезм. *даш* — мера длины, соответствовавшая примерно 8 км.

Рытье колодцев поручалось специальным мастерам. Часто такими мастерами бывали сами чабаны, которые передавали свои знания и опыт по наследству из поколения в поколение.²⁵ Очень важно было определить место, где быть колодцу. Местонахождение воды определяли по количеству и качеству растущих трав. Но вода могла быть соленой, и овцы такую воду пить не стали бы. Поэтому мастер пробовал травы на вкус.

Рис. 12. Колодец *кю* (*кудук*) в песках. Хазараспский р-н.

Например, трава *сазак* была трех видов — *кора сазак*, *ок сазак* и *сари сазак*. Первые две свидетельствовали о том, что хотя вода в месте, где они растут, и есть, но она для водопою овец не годится. Наличие вкусной воды мастер определял по сари сазаку — там, где он был высоким и сочным, можно было рыть колодец. Сочность и мягкость сазака определяли, раздавливая стебель ногой на песке. О наличии питьевой воды свидетельствовала также трава *чалы*.

Глубину залегания воды мастер определить не мог. Средняя глубина колодцев в этой части Хорезма была 20—25 м. Отверстие колодца в плане представляло собой восьмиугольник, венцы сруба делали из сазака и располагали так, что углы одного венца укладывались на нижележащий. Венцы из сазака укрепляли стены по всей глубине сруба до воды. Верхнее отверстие колодца имело в диаметре 2—2.5 м, возвышалось над поверхностью земли на 1.5 м и было окружено насыпью с уклоном примерно в 40—45° (рис. 12).

В насыпи выкладывались три ступени из вертикально и горизонтально расположенных стеблей сазака (ширина ступени 30—40 см, высота 20—25 см), образующие подход к отверстию колодца. Две опоры — *устун* для блока колодца делались из ствола гуджума высотой в 6—7 м (причем 2 м ствола зарывались в землю), диаметром до 25 см. В верхнем конце опоры имели углубления, в которые укладывалась металлическая ось — *босран* (диаметр 3—4 см) с деревянным сплошным блоком-колесом — *чарх* (диаметр 25 см, ширина 25—30 см). На блоке укреплялся аркан из овечьей и козьей шкуры диаметром в 6—7 см, длиной примерно в 25 кулачей.²⁶

К нижнему концу аркана прикреплялась бадья из бычьей или коровьей кожи емкостью до 100 л.

На расстоянии примерно около 0.5 м от колодца сооружался водоем — *обхона*. При его устройстве по кругу диаметром около 3 м плотно друг к другу вбивались кольца сазака диаметром в 3—4 см под углом приблизительно в 30° к поверхности земли, при этом нижний диаметр круга сокращался до 2.5 м. Второй ряд колец располагался по окружности с внешней стороны от первого на расстоянии приблизительно в 0.5 м от него. Пространство между этими рядами колец доверху, вровень с кольями, заполнялось прослойкой мелких веток сазака и селина, которые укладывались рядами и каждый раз тщательно утрамбовывались ногами. Внутреннее пространство образовавшегося водоема засыпали слоем до 0.5 м древесного угля из ветвей сазака и оштукатуривали слоем глины, перемешанной с мелко нарезанной соломой. С противоположной от колодца стороны, несколько выше дна, в перегородке водоема оставляли

²⁵ Там же, с. 15. — После революции в Хорезме большинство старых колодцев было заброшено. Поиском воды и определением мест колодцев стали заниматься гидрологи.

²⁶ Там же, с. 16. — *Кулач* — единица измерения длины, равная расстоянию между указательными пальцами двух развернутых рук.

отверстие диаметром в 7—8 см, внутренние стены которого обмазывались тоже глиной. Отверстие закладывалось тряпичной или деревянной затычкой; оно вело к колоде-поилке.

Колода — *нова* выдалбливалась из целого ствола дерева гуджума или в последние годы сколачивалась из досок. Длина колоды 5 м, ширина 40 м, высота около 40 см. Из такой колоды могли одновременно напиться 50—60 овец.

В поении стада участвовало 3—4 человека. Один человек — *чупон* или *чолок* — управлял верблюдом: по сигналу двух пастухов, находившихся у колодца, он подводил верблюда к колодцу, опуская бадью в колодец, и отводил, когда нужно было поднимать воду. Кроме наблюдения за подъемом и спуском бадьи, два человека переливали воду из бадьи в бассейн. Четвертый участник работы наполнял водой колоду, отделял от отары нужное количество овец, подгонял их к колоде, следил за тем, чтобы все овцы напились, а затем отгонял их в сторону, не допуская, чтобы они перемешались с овцами, которые еще не пили.

Весной, когда выпадало много дождей и стояла прохладная погода, овец поили один раз в полмесяца, а иногда и в месяц. Когда становилось теплее, поение устраивали через три-пять дней; при температуре 25—30° выше нуля — через день; в наиболее жаркие дни — в июне, июле и августе, когда жара в песках поднималась до 40—50°, — овец поили два-три раза в день. В сентябре—октябре опять переходили к разовому поению. Зимой их надо было поить не менее двух раз в сутки. Если при 30—40° мороза овец не поить, они могут погибнуть. При мягкой погоде и снеге овец можно было поить раз в сутки.

Летом в песках овец выгоняли пастись до восхода солнца, чтобы до полуденного зноя они могли наесться. Зимой стадо подымали позднее — после восхода солнца, чтобы овцам не было холодно; в это время у них появлялся хороший аппетит. И зимой и летом в полдень, когда солнце стояло в зените, пастухи останавливали стадо на отдых. На одном и том же месте стадо пасли в течение 5—7 дней, при этом отара сначала шла в одном направлении 5 м, затем пастухи ее поворачивали обратно и она двигалась вдоль стравленной полосы, смежной с ней, но в противоположном направлении.

К осени стада хозяйств среднего достатка и малой мощности перекочевывали к аяку, туда, где кончались каналы, и к кромке песков. В этих местах по договоренности владельцев стад с владельцами соседних обработанных земель, с которых к тому времени убрали урожай, отары оставались с конца октября по декабрь. От подобной сделки выгода была обоюдная: стада находили на полях остья пшеницы, листья деревьев и травы, растущие на невспаханных участках по границе полей; возделывавшие земли получали удобрения. К середине зимы отары перегоняли к прибрежной полосе Амударьи, к зарослям — *орман*, где всегда сохранялась трава и не было так холодно. На берегах Амударьи рос камыш и различные травы, такие как карален, боян, ак аджарик, иорочка, джекаут. Владельцы 30—40 овец, имевшие много земли, в зимнее время выпасали скот на принадлежавших им полях. Особенно хорошими выгонами считались те, где до этого росла джугара.

На летних и зимних пастбищах сооружались специальные загоны для стада — *кора*. Летние загоны защищали стадо от волков и шакалов, их делали круглой формы из стеблей саксаула. Вход ориентировали на юг, в сторону пастбищ. На аяке и ормане строили зимние загоны из глины — *пахса* также округлой формы, высотой до 2—3 м при толщине стен в 0.5—0.6 м. Такие загоны могли стоять 10—15 лет.

Во время сильных морозов в песках, перед тем как разместить на ночь в загоне овец, промерзшую за день землю разбивали кетменем и выбрасывали за пределы загона. Это делалось для того, чтобы овцы не замерзли. Утром, перед тем как выпустить овец из загона, их застав-

ляли ходить по загону в течение часа, для того чтобы они согрелись. Затем открывали выход из загона и выпускали их в пески на холодный ветер, при этом стадо направляли так, чтобы ветер дул ему вслед. По мере того как овцы привыкали к холоду, их поворачивали боком к ветру, затем так, чтобы ветер дул в лоб, другим боком и т. д. Таким образом, движение отары шло небольшими кругами, а в течение дня строилось большим кругом около колодца. Чем реже овцам давали пить, тем больше был радиус движения отары вокруг колодца. Во время движения отару периодически останавливали на отдых. Если пастух не торопился, то скорость движения стада определялась естественной скоростью движения овец (овцы сами останавливались на отдых). Движение стада регулировалось окриком пастуха. При отклонении отары от нужного направления пастух оббегал стадо на ишаке со стороны и свистом двигал голову отары в том направлении, которое было необходимо.

Особенно большое значение имел отдых отары летом, в разгар жары. В полдень или несколько позднее отару укладывали на склоне бархана, при этом так, чтобы ветер мог касаться каждой овцы.

Помощниками пастухов были собаки. Они охраняли отару, пастухов и жилище, помогали направлять стадо при передвижении. Наиболее пригодная для пастьбы овец и коз была собака из Каракуля — *каракул ити*. Местные баи приобретали щенка этой породы у каракульских баев, уплачивая за него одну овцу. Широкое распространение имели собаки местной породы. До полугодовалого возраста щенки находились в селекции, а затем проходил выучку у старшего чабана и его помощника. Его приучали по команде ложиться, бросаться вперед, охотиться на зайца и лису, бороться с волком, не допускать к стаду волков и посторонних людей. Интересен такой пример службы собаки. Если в песках в пути рождались ягнята, их оставляли с матками на месте их рождения, а отара продолжала путь. С овцами-матками и новорожденными ягнятами находилась собака, которая стерегла их в течение нескольких часов, пока ягнята не становились на ноги и не начинали ходить. Тогда собака подавала голос, пастухи возвращались и отгоняли овец с ягнятами к стаду.

В то время, когда стадо оставалось ночевать в открытом месте, пастухи спали непосредственно около него прямо на песке. Очень важно было не упустить момент, когда под утро проголодавшееся за ночь стадо тронется с места. Помогали в этом пастухам специально выращенные бараны или овцы, называвшиеся *бокча* — пасущий.²⁷ Привязанный длинной веревкой за шею к руке или ноге пастуха, баран давал знать, что стадо уходит. Готовили их с шести-семи месяцев. Если это был баран, то через 20—30 дней после рождения его кастрировали, поручив это табибу. Если в качестве бокчи выбиралась овца, то ее сажали на веревку только после первого окота. Выбранного ягненка чабан подкармливал хлебом или джугарой, ягненок привыкал к чабану и ходил с ним повсюду. В возрасте одного года ягненка начинали привязывать к себе на ночь. Этот способ ночного наблюдения за стадом был абсолютно надежен, ибо как бы ни был приучен к пастуху баран, он все же непременно следовал за уходящим стадом. Баран-бокчи служил пастуху 6—7 лет. К этому времени пастух готовил ему смену, подкармливая молодого ягненка.

На крупные отары в 500—600 голов овец владельцы нанимали трех-четыре пастухов — чупон. Широкое распространение имело объединение хозяйств для совместного выпаса овец. Три-четыре (иногда до 10—11) хозяйства образовывали отару в 200—300 голов. В пески с отарой отправлялись три-четыре человека, по одному от каждого хозяйства. Из

²⁷ От глагола *бокмок* — выращивать, выкармливать, пасти.

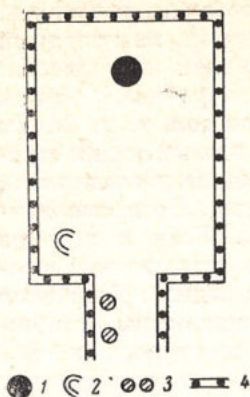

Рис. 13. План помещения для пастухов — марджона. Хазарский р-н.

1 — костер, очаг, 2 — очаг с казаном, 3 — бочки с водой, 4 — стенки из ветвей.

них выделялся один опытный пастух — *баш-чупон*, или *яшулли-чупон*, который нес на себе главную ответственность за сохранность овец, за их здоровье и упитанность. Он выезжал на осле или верблюде вперед и выбирал направление движения стада. Он хорошо знал пески, — где и в какое время года растет обильная трава. Он же определял режим пастбы и приемы ухода за стадом. Со стадом постоянно было два-три пастуха. На одном из них — *чулик* (хорезмс. *чолок*) лежали обязанности строить жилище пастухов, заботиться о продуктах, готовить пищу.

Помещение для пастухов — *марджона* в песках в южной части Хорезма сооружали из веток растения сазак или сузен (рис. 13). Для этого вырывали траншею (примерно 0.5 м на 20 см), прямоугольную по всему периметру, 4×3.5 м для основного помещения, 1.5×1.5 — для прохода. Вход ориентировался всегда на юг, с целью предохранения обитателей от холодных северных ветров. В траншею на расстоянии до 1 м друг от друга ставились стелби сазака. Ветки, торчащие вовнутрь, обрубались топором — *балта*; ветки, торчащие в стороны, плотно прилегали друг к другу. Стволы и ветки между ними переплетались поперек небольшими гибкими ветками сазака. Снаружи и изнутри концы стволов сазака в траншею засыпали песком и утрамбовывали до уровня земли. Получалась довольно плотная, непроницаемая для ветра и холода стена, достигавшая в высоту 2—3 м. Крыши не было. В проходе марджоны с левой стороны вдоль стены закапывали две деревянные бочки для воды — *бьяка*.²⁸

В основном помещении слева от входа находился очаг — *ожак*, железная треногая подставка и казан для приготовления пищи. Справа от входа располагались запасы риса (около 3 батманов) в мешках, ближе к главному входу были мешки с мукой — *ул* и луком — *пиаз* (около 10 батманов). Эта часть помещения носила название *ошхона*. Если стадо было объединено, каждое хозяйство предоставляло в общее пользование те продукты, которые у него имелись. Наемным пастухам продукты питания предоставлял хозяин отары.

В середине основного помещения оставляли место для костра. Пищу на этом очаге никогда не готовили, иногда на нем кипятили воду для чая. Пастухи жили в марджоне только в течение двух самых холодных в году месяцев. В остальное время ночевали в песках под открытым небом. Иногда даже в эти месяцы пастухи отходили с отарами на далекое расстояние. Тогда старший — *ешулли чупон* возвращался к чулаку, чтобы взять некоторое количество продуктов на ближайшие дни. В теплые месяцы марджона являлась местом, где хранились продукты, складом, куда возвращались периодически, чтобы пополнить запас съестных продуктов. Запас продуктов в марджоне постоянно пополнялся. Воду для питья также привозили с большим запасом. Специально для перевозки питьевой воды выделялся верблюд, который одновременно мог перевезти до 200 л воды. Воду везли в мешках — *денча*, сделанных из коровьей или бычьей кожи, объемом в 100 л, или в деревянных бочках, изготовлявшихся туркменами или казахами.

В северных частях оазиса последовательность использования пастбищ была иной. С апреля по июнь овцы паслись вблизи Амударьи, за

²⁸ Бочки появились позднее, их заимствовали у русских.

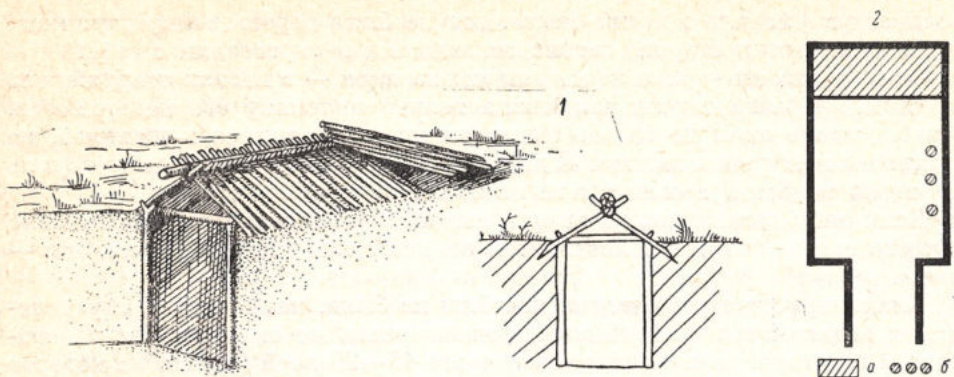

Рис. 14. Землянка *ертула* для пастухов (1) и ее план (2). Гурленский р-н.

а — место для спанья пастухов, б — сосуды для воды.

что платили в ханскую казну чуп пули по пять тилля за 100 овец. Иногда на этих пастбищах отары задерживались по сентябрь, а затем перегонялись в пески, где проводили осень и зиму. Расстояние от селения до того или другого пастбища было приблизительно в 5—6 чакрым (половина даша).²⁹ Путь от пастбищ в песках до летних пастбищ определялся примерно в 1 даш. Пастбищ было много. Общее направление кочевания на летних пастбищах было с юга на север. Традиционных мест пастьбы, закрепленных за отдельными хозяйствами, не выделялось, не существовало и наследственных пастбищных наделов, границы пастбищ не очерчивались и не существовало никаких вех. Пастухи одной отары договаривались с пастухами другой о месте и направлении движения, поэтому конфликтов не возникало. Если две отары все же встречались, то оставалась та отара, которая пришла раньше. По-видимому, это следует объяснить тем, что на летних и осенне-зимних пастбищах воды было достаточно, не было такой, как на юге, зависимости от колодцев. На местах зимних пастбищ в песках заканчивалась оросительная сеть, там накапливалась вода, оставшаяся от орошения полей.

На отлаке овец поили из Амударьи или каналов. Место для водопоя выбирали пологое, с чистой водой. В ряде мест пастухам приходилось самим с помощью лопат прорывать подход к водопою. Такое место носило название *язга*.³⁰ В летнее время овец поили 2 раза в день — утром часов в 10 и после полудня.

В целях сохранения овец от хищников на атлаке сооружался летний загон, где овцы пребывали в ночное время, — *язги кора*. Необходимо было выбрать сухое место. Для этого в землю закапывали клочок овечьей шерсти. Через несколько дней откапывали его. Если шерсть портилась и в ней заводились черви, место считали непригодным для устройства загона. Определив место, приступали к его сооружению. Стволы растений жигилдек и йилгин комями вниз вкапывали в землю плотно друг к другу по кругу диаметром 15—20 м. Высота загона была такой, чтобы овцы не могли перепрыгнуть через стенку. Выход из загона всегда должен быть повернут в сторону пастбища. Ширина его составляла 3—3.5 м. Вход оберегала пастушья собака, не давая выходить овцам из загона.

Во время передвижения по пастбищу отара удалялась от загона, и местоположение его необходимо было менять через несколько дней.

²⁹ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 54.

³⁰ Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 61. — *Язга* — возможно, от перс. основа наст. вр. *يازیدن* 'обнажать' и *گاه* 'место').

Если отара уходила в такие места, где не было деревьев и кустарников, то жерди и ветки старого загона откапывали и перевозили с собой.

Зимние загоны — *киш кора*, или *кишки кора* — в песках сооружались из глины. Крыша загона закрывала только половину его поверхности. В этом загоне овцы не только были защищены от волков и шакалов, но и укрыты от ветров и холода. В дневное время стадо с пастухами уходило от загона на 8 км, а если травы не было, то и дальше.

Если овцы оставались на зиму в песках и у владельцев стада не было зимнего загона, то отара ночевала в низких местах между барханами — *кизил*.

Планомерного стравливания пастбищ не было, направление определялось в зависимости от наличия хорошей травы, но старались не возвращаться на старое место раньше чем через 15—20 дней (время, за которое восстанавливались травы). Среди трав встречались и ядовитые, которые росли в низинах. Если овцы ели их на сытый желудок, то вредных последствий от этого не происходило. От опыта и знаний старшего чабана зависел выбор пастбища и определение места произрастания вредных трав.

На отлаке, перед тем как выпустить овец из загона, пастухи определяли, какова роса. В прохладные росные утра овец оставляли в загоне до той поры, пока роса не подсохнет. В такие дни овцы подольше задерживались на пастбище, восполняя потерянное для пастбы время. Сухим утром стадо выгоняли перед восходом солнца. В полдень отару собирали на отдых в сухом прохладном месте часа на два-три. Сигналом к продолжению пастбы служили действия козла вожака — *теке*. Он поднимался, и за ним поднималось все стадо. Теке — это кастрированный выученный козел. Он подбирался из наиболее крупных, сильных и поддающихся выучке. В стаде одновременно было три козла — один старый, опытный, и два молодых. Пастух учил их быть во главе стада и выполнять все его требования. Если пастуху необходимо было остановить отару, повернуть ее, направить в воду для купания, он давал знак козлу, тот останавливался, поворачивался, первым шел в воду и стадо следовало за ним. Команду козлу пастух отдавал окриком: *тур* — «стой», *кет*, или *гет* — «иди» и т. д.

Зимним жилищем пастухов в этой части Хорезма служила землянка — *ертула* (рис. 14, 1 и 2).³¹ Строилась она в непосредственной близости от загона. В качестве строительных материалов использовались жерди, камыш и земля, привозимые из селений. Для устройства землянки в песке вырывали прямоугольную яму с вертикальными стенками шириной 3 м, длиной 5 м и глубиной 2.5 м. Над ямой сооружали двускатную крышу — так, чтобы гребень ее возвышался над уровнем земли на 0.5 м, для чего вдоль ямы на небольшом расстоянии от края вбивались под острым углом к поверхности земли парами небольшие жерди на расстоянии 20—25 см друг от друга. Иногда их связывали веревкой. Таких пар получалось 20—25. Концы жердей каждой пары образовывали небольшие рогатки, на которые укладывали длинную жердь размером в длину ямы, образующую гребень крыши. Торцовую сторону, противоположную входу, закрывали жердями, поставленными под углом к поверхности земли на расстоянии 25 см от края ямы, верхние концы которых упирались в последнюю пару жердей крыши. Поверх всех жердей укладывали плотный слой камыша и насыпали землю высотой в 20—25 см. Вход в землянку оформляли двумя вертикальными балками, вбитыми в песок на расстоянии 0.80 м друг от друга и от поперечной балки, привязанной на высоте 1.4 м к первой паре жердей крыши, соединенной с верхней частью вертикальных балок. В летнее время вход в землянку ничем не прикры-

³¹ О ертуло, или джертуло, у узбеков Северного Хорезма см.: З а д ы х и н а К. Л. Узбеки дельты Амударьи. — ТХАЭЭ, т. I, М., 1952, с. 360—362.

вался, а зимой на стойки навешивалась досчатая дверь, привозимая из селения. К входу вел тамбур, вырытый в земле, шириной в 0.8 м, длиной в 1.5 м. Стены тамбура были вертикальными. Пол его имел уклон от верхнего края, находившегося на уровне земли, к нижнему на уровне входа в землянку.

Внутри, справа от входа в землянку, находился очаг из глины (длинной 60—70 см, шириной 30—40 см, высотой 30—40 см). В него вмазывался казан соответствующего размера. Над очагом в крыше устраивалось отверстие для выхода дыма — *тонглик*. Оно закрывалось с помощью затычки из тряпок, втягиваемой за привязанную к ней веревку, и открывалось изнутри палкой. На этой же стороне у очага располагался сосуд из тыквы — *сувади* для хранения дневного запаса воды; стоял сосуд для кипячения чая — *танка*, или *тунча*.

Слева от входа хранились продукты, в том числе мука из джугары — *жугари ун*, мука пшеничная — *бугдой ун*, рис — *гурунч*, соль — *туз* и др. Запасы продуктов приносили через 5—7 дней родные из селения в сравнительно небольших количествах — от 2—2.5 до 1—1.5 кг каждого вида продукта. Прямо против входа у задней стенки находилось место для сна — *еток жой*. Здесь лежали ветки высотой до 40 см, поверх них плетенка — *чилта*, покрытая кошмой — *кииз*. Пока пастухи находились на пастбище, иногда довольно далеко от землянки, ее охраняла собака, которую привязывали у входа.

Часть пастухов предпочитала жить в юрте, которую в разобранном виде перевозили на верблюде.

В центральной части оазиса были районы, например Шаватский, где лишь очень состоятельные владельцы стад имели возможность пасти овец в песках круглый год. Обычно со стадом находился кто-нибудь из членов семьи. Загон для овец — *кора* сооружался из ветвей растений и был овальной формы. Вокруг загона на привязи бегала сторожевая пастушья собака. Рядом с *кора*, так, чтобы прикрыть вход в загон и преградить в него проникновение холодного воздуха, строилась лачуга пастухов — *кана* длиной 3 м и шириной 3 м, из глины в три слоя пахсы, с глиняной же крышей. Вход располагался сбоку. Справа от входа в дальнем углу устраивали очаг с отверстием в крыше, служившим для выхода дыма, а в середине этой же стены — небольшое оконное отверстие. Слева находилось место для отдыха пастухов — *еток жой*. Иногда пастухи сооружали для себя навес — *чарток*, укрывавший их от солнца во время полуденного отдыха и служивший им для ночлега. Некоторые пастухи строили себе жилище типа ертула или кумма. Большинство же хозяйств этих районов не гоняли овец в пески, а пасли их на озерах и летних пастбищах — *отлак*, недалеко от селений. Эти земли назывались также *топрак*, *кала* и *ушок таш*.³² На них обильно росли травы — *янтак*, *акбаш*, *тонгуз оти*. Много было и камыша. На лето здесь строили летние загоны — *яз кора* из стеблей растений, овальной формы. Зимой стада паслись на сжатых полях. На ночь их пригоняли в селения, где каждое семейство, имевшее овец и коз, пристраивало к северной стороне жилого дома специальные глинобитные помещения — *куй кора* с отверстиями для света и воздуха в кровле, при этом баранов — *кучкор* выделялась небольшая часть в молхоне. Поили овец круглый год из арыков.

В большие морозы овцы находились в помещении. На корм им заготавливали камыш, росший на близлежащих озерах. Камыш срезали серпом, просушивали и привозили домой на арбе (4—5 арб на двух овец).

В холодное время года, когда овец держали дома, кроме сухой люцерны — *беда* и *янтака*, их кормили также сухими листьями урюка,

³² Архив ЛОИЭ, 1971 г., кол. 1, оп. 2, № 921, с. 81. — *Ушок* — мелкий, маленький, *таш* — наружная, внешняя сторона, т. е. маленькие участки внешней стороны (оазиса).

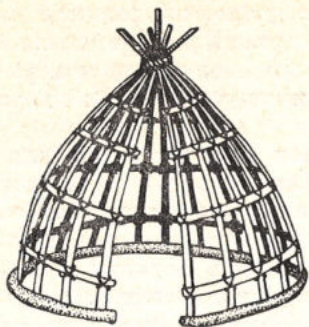

Рис. 15. Деревянный остов сооружения для хранения мешков с сухими листьями. Хазараспский р-н.

яблонь и других деревьев — *курук япрок*. Особенно охотно овцы ели листья урюка. Сбор листьев начинался в октябре-ноябре. Опавшим листьям в течение 10—15 дней давали высохнуть, превратиться в хрупкие и легко ломающиеся. Затем их собирали в кучи с помощью веника — *катта сунсо*, сплетенного из ветвей растений — *йилгин* или из стеблей — *джугары сунселик*, и укладывали в большие мешки (1—1.5 м и 1.5—2 м) — *канор*, или *катта халта*, тканые из грубой овечьей шерсти. На 7 овец заготавливали 600 мешков сухих листьев. Хранили мешки в специально сооруженном на крыше шалаше — *чартоке* (рис. 15). Он сооружался на каркасе из длинных (4—2.5 м) жердей ивы — *саут таяги*, установленных по кругу диаметром в 5 м, связанных верх-

ними концами и перевитых в четыре ряда попереком веревками. Кроме того, каркас укреплялся в два ряда деревянными обручами на расстоянии 1 и 3 м от основания. В каркасе оставалось отверстие для входа (1 м шириной, 2 м высотой). Сверху он плотно обшивался в два ряда травой — *йекан*, расположенной таким образом, чтобы один ряд повисал над другим. В такой навес вмещалось до 600 плотно уложенных мешков с сухими листьями.

Овец, содержащихся зимой в кишлаках, кормили, кроме рисовой соломы и сухих листьев, травами, заготовленными в песках. Из этих трав основное место занимали янток и боян. Наилучшим временем заготовки янтака был август (после его цветения); янтак, собранный до цветения, овцы не едят. На недалекие от селений места за янтаком выезжали на арбах, из глубинных песков заготовленный янтак привозили на верблюдах. На месте обильного произрастания янтака куст подрубали кетменем под корень, не задевая при этом корневой системы, чтобы он восстановился в будущем году, и складывали для просушки в небольшие кучки (высотой 30 см, диаметром 70 см). Просушенный в течение примерно двух дней янтак укладывали на арбу с помощью деревянных двузубых вил — *чага* и перевозили в селение. При перевозке на верблюде янтак связывали в два выюка и прикрепляли по обе стороны седла — *эгар*, или *жигар*, длинной веревкой. Количество груза зависело от силы верблюда. В среднем один верблюд за один раз привозил 15 батманов (300 кг). Хранили янтак так же, как и другие корма, — на крыше дома, сложенный стогом — *куда*. Стог укладывался слоями. Каждый слой тщательно утаптывался, чтобы был плотным и его не смог растрепать и сдуть ветер. Считалось, что такой способ хранения предохранял корма от пыли и грязи. Высота заготовленного на 100 овец стога достигала 3—4 м. На 7 овец привозили 10 верблюжьих выюков, что составляло примерно 3 т. Траву боян срезали серпом, ухватив одной рукой пучок — *кисим*, раскладывали рядами, просушивали в течение 5—6 дней, а затем завязывали в снопы — *бог* с помощью перевязей — *боглук* из травы *кедыр*, которую привозили с собою на место сбора бояна. Один сноп составляли из 6 пучков; 50—60 снопов составляли стог — *куда*. На арбу умещалось 2—3 куда, при этом снопы для перевозки укладывали следующим способом: на переднюю и заднюю части площадки арбы веером помещали по 4—5 снопов, поверх их концов посередине арбы, параллельно бортам, — 5—6 снопов, и так от 6 до 10 слоев, в зависимости от подъемной силы лошади. Уложенные на арбу снопы бояна укрепляли в двух местах веревкой, чтобы они не упали с арбы. Бояна заготавливали на зиму до 500 снопов. Наиболее интенсивная подкормка овец производилась с января по апрель.

Для обозначения овец по полу и возрасту имелись определенные термины. Так, ягненок в возрасте до трех месяцев назывался *кузи* или *берре кузи*, после трех месяцев — *ярка-тухли*; овца, не родившая в течение года, — *шек*; баран в два года — *эвеш*, в три года — *ман*, старше трех лет — *кучкор*; бесплодная овца — *бойдак*.

Название каракумских овец в зависимости от цвета шкурки: *сур* — коричневая шкурка с золотистым отливом; *камар* — такого же цвета, но не обладавшая блеском; *ширази* — шкурка серого цвета с голубоватым оттенком; *кора* — шкурка черного цвета.

На 10—15 овец держали одного производителя — *кучкор*. В стадо его запускали на время с октября по январь. Остальное время он находился в молхоне или отведенной для него загородке при доме. Во время случки его усиленно кормили: 3—4 раза в день ему давали сухой клевер и 1 раз в день джугару или ячмень — *арна*. Джугара и ячмень считались ем. Через 150 дней после спаривания рождались ягнята. Период окота начинался с конца февраля и продолжался до начала мая. Если стадо было большое, маток и новорожденных ягнят отделяли от стада и пасли отдельно. С того момента, когда ягнята переходили на подножный корм, их отделяли от маток, пасли отдельной группой, а маток возвращали в основное стадо.

В северных районах для новорожденных ягнят на весну строили специальную землянку — *ертула*, или *кумма*. Сооружение ее сходно с сооружением жилой землянки для пастухов в этих местах. В песке вырывали прямоугольную яму на глубину 3—4 м при ширине в 2 м и длине 4—5 м. Эту яму перекрывали плотно друг к другу уложенными жердями из йлгыма. Поверх жердей укладывали слой янтака и сверху засыпали землей. В центре кровли оставляли небольшое (диаметром до 20—30 см) отверстие — *тунук*, служившее для вентиляции помещения. Вход с наклонным спуском находился сбоку, а не посередине, как в жилой землянке. Входное отверстие (1,8 м шириной и 1,5 м высотой) перегорживалось решеткой — *эргенек* из жердей с мелкой клеткой, через которую не мог пройти ягненок. Ягнята находились в землянке только в дневное время, пока отара паслась на пастбищах. Ночью и в обеденное время они оставались с матками. Утром и после обеда ягнят на руках относили в землянку. Так ягнята жили 1,5—2 месяца, а затем вливались в стадо и уходили с ним на пастбище.

Каждый хозяин, отправлявший овец на пастбище, особенно в смешанных отарах, чтобы отличить своих овец, метил их особыми метками — *тамга* в виде различного рода надрезов ушей (см. рис. 16, 1—3). Их отличали по виду надреза и местоположению метки. Так, тамга, при которой отрезался кончик уха или делались надрезы с одной или двух сторон его, называлась *кесек тамга* (рис. 16, 1, а, б).³³ В качестве метки мог служить надрез уха пополам, от его кончика до основания; такая метка называлась *делик* или *тилик тамга* (рис. 16, 2).³⁴ Чтобы получить *душук тамга* (рис. 16, 3), ухо животного складывалось пополам и двумя движениями вырезалось круглое отверстие диаметром до 2 см.³⁵ Эти метки наносили ножом или ножницами для стрижки овец. Иногда

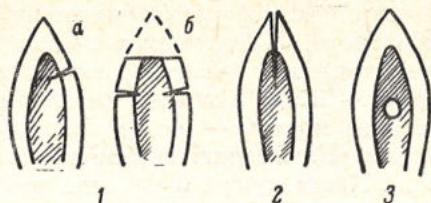

Рис. 16. Тамги на ушах баранов.

1 — кесек тамга, 2 — делик (тилик) тамга, 3 — душук тамга.

³³ *Кесек* (хорезм, *кесек*) — надрез, порез, прорез (Узбекско-русский словарь, с. 204).

³⁴ *Тилик* (хорезм, *делик*): 1) ломтик (разрезанный вдоль), 2) полоса (там же, с. 431).

³⁵ *Тешик* (хорезм, *душук*) — дыра, отверстие (там же, с. 427).

метка ставилась раскаленным железным прутом ниже глаза или на лбу животного. В некоторых местах для выжигания тамги использовались специальные железные клейма, изготовлением которых занимались темирчи. Иногда в тех же целях к щеке овцы прикладывались накаленные на огне монеты — *тенга* ханского времени или русские металлические деньги. Клеймению подвергались ягнята в возрасте от 3 дней до 1 месяца. Когда нужно было отделить своих овец кому-нибудь из их владельцев, то всю отару загоняли в загон и хозяин по клеймам выбирал овец из хора, на что затрачивалось много времени.

Стригли овец два раза в год: на юге — в мае и сентябре, на севере — в апреле и ноябре. За два-три дня до стрижки овец купали. Это можно было делать только на отлаке, так как в песках быстрой проточной воды не было. Если было можно, овец купали за лето пять раз, что, по мнению местных скотоводов, значительно повышало качество шерсти. На юге во время стрижки овце связывали все четыре ноги, чтобы она стояла неподвижно. Стригаль — *киркишичи* зажимал ей голову между своими ногами и приступал к стрижке — *кирким*. Стричь начинали с груди овцы. В правой руке стригаль держал ножницы — *кирки*, или *киркилик*, работы местных мастеров. Раскрытые лезвия пропускал под шерсть овцы как можно ближе к ее телу, левой рукой захватывая концы лезвий с нерабочей стороны и сильно сжимая их. Шерсть, находившаяся между лезвиями, срезалась. На севере во время стрижки овце связывали три ноги — две передние и одну заднюю. Одну ногу оставляли несвязанной, чтобы было удобнее стричь шерсть на животе. Стричь начинали от головы к хвосту. Живот стригли в последнюю очередь и, как правило, делали это вдвоем — один стригаль клал овцу на спину и держал ей ноги, другой стриг. В центральной части Хорезма начинали стричь шерсть с задней правой ноги к голове, затем переворачивали овцу и стригли другой бок. За одну стрижку с овцы снимали 3—4 кг шерсти. В сезон стрижки баи нанимали в качестве стригалей бедняков, оплачивая их труд натурой, — за каждые 10 остриженных овец стригаль имел право взять шерсть, состриженную с одиннадцатой овцы. Осенняя стрижка считалась более легкой, так как шерсть была не длинной. Опытный стригаль мог в это время остричь 70 овец, средний — 50, а новичок — 30—40 овец.

Итак, в узбекской части Хорезмского оазиса следует выделить три различающиеся по некоторым признакам зоны ведения мелкого животноводства (овцы и козы) — южную, центральную и северную. Отличительными признаками каждой из этих зон являются: использование пастбищ и выгонов; способы водопоя; типы загонных для стад и виды сооружений для обитания пастухов. Вместе с тем, как позволяют заключить материалы экспедиции, провести четкое разграничение этих зон чрезвычайно трудно, так как они находились в сложнейшем переплетении, зависящем от географических условий, социально-исторических факторов. Главное — они выявляют своеобразие навыков и традиций, выработанных различными этническими группами. Нам представляется несомненным, что в способах ведения мелкого животноводства первых двух зон проявляются элементы, свойственные культуре южных узбеков, тогда как северная зона выявляет приемы ведения хозяйства северных *дашти* — кипчакских узбеков.

Для южной и центральной зон характерны: пастьба стада круглый год в песках или летом в песках, осенью на сжатых полях, зимой в прибрежных зарослях — *орман*; водопой из колодцев; загонные круглой формы из стволов растений; жилище пастухов — мардохна.

Северная зона отличается следующим: пастьба зимой в песках, весной и летом на отлаке или у Амударьи; водопой из каналов или Амударьи; загонные: летние — овальной формы из растений, зимние — из глины, с навесом четырехугольной формы; жилище пастухов — ертула или юрта.

В целом поливное земледелие Хорезма конца XIX—начала XX в. и связанное с ним животноводство покоились на прочных навыках, выработанных многими поколениями земледельцев и животноводов, прекрасно знавших и умело использовавших природные условия своей страны. Последовательность трудовых циклов, разработанных и проверенных многовековой практикой, обеспечивала значительные урожаи, сравнительно высокую продуктивность труда.

Но классовая структура и социальный строй Хивинского ханства, основанного на государственной и частной собственности на средства производства — землю и воду — в сочетании с методами внеэкономического принуждения и царившим в ханстве произволом, лишали трудовое крестьянство возможности пользоваться плодами своего труда, создавали неустойчивость экономики крестьянского хозяйства, обрекали крестьян на бедность и несправедливость. Положение трудового народа особенно осложнилось и ухудшилось после присоединения ханства к России, правительство которой проводило колониальную политику в интересах господствовавших классов.

VI. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Сухопутные пути. Хорезм был известен большой разветвленностью колесных дорог и их сравнительно хорошим состоянием. Различались дороги большие, или главные, так называемые ханские, и мелкие, второстепенные, расположенные в глубинных частях оазиса.

Сложность системы путей сообщения Хорезма заключалась в пересечении дорог оросительными каналами различной величины. Поэтому важно было следить за состоянием не только самой дороги, но и мостов через каналы. В ханское время на малых дорогах за исправностью мостов наблюдали те хозяйства, которые имели землю рядом с ними. На главных, или ханских, за мостами наблюдали и проводили ремонт мостовщики — *копрукчи*, выделявшиеся соседними хозяйствами в порядке натуральной повинности.¹

Для исправления значительных повреждений аксакалы организовывали население в пределах *мата* — округи, включавшей несколько мечетей, земли которой орошались из одного канала. На работы отзывали людей от хозяйств, входивших в элат.

Часто повреждение дорог происходило из-за прорывов воды при разливах.

Поддержание нормального состояния дорог заключалось в том, что выбоины и неровности засыпали щебнем и землей, взятой с обочины, а затем обильно заливали водой. Застывая, земля образовывала довольно плотный слой, долго служивший хорошим покрытием дороги.

Мосты на канале сооружали обычно в зимнее время, когда в канале не было воды или она находилась лишь в углубленной части русла.² Остов моста делали из дерева (рис. 17). На илистое дно канала по всей длине его на расстоянии от 2 до 4 м друг от друга укладывали лежни из тутового дерева длиной в 2.5—3 м, диаметром в 0.30—0.32 м, со сделанными в них четырехугольными гнездами. В гнезда вставляли стойки по три-четыре в ряд, одинаковой высоты для каждого ряда, при этом на середине моста они были выше, чем у берегов канала. На верхнюю часть стоек параллельно лежням надевали гнездами бревна, длина которых иногда лишь на 0.5 м превосходила ширину арбы. Поверх бревен в поперечном направлении накладывали нетолстые (18—22 см) бревна с зарубками, покрывавшие короткие бревна, положенные на стойки. Этим завершалось устройство деревянного каркаса моста.

Полотно моста делали из тонких жердей и хвороста, набросанных на бревна, лежавшие поперек канавы, и слоя земли, насыпанной на вы-

¹ «Рядом с наименованиями некоторых мечетей в нескольких случаях стоит пометка: „жители этой мечети мостовщики (копрукчи)“, что, по-видимому, должно было говорить об освобождении данной группы сельского населения от тех или иных повинностей, за исключением повинности по исправлению мостов» (см.: Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940, с. 53; Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 14, л. 38).

² В описании устройства моста использован материал экспедиции А. И. Глуховского (1876—1896 гг.): ЦГИА, ф. 182, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1—8 («Описание построек и несложных гидротехнических сооружений»).

соту до 0.2 м. Землю заливали водой. Когда мост находился на этой стадии готовности, созывали окрестное население, которое утаптывало покрытие моста, чтобы уплотнить насыпку полотна. В тех случаях, когда какой-либо ряд стоек накренился в сторону, между этим рядом и следующим вставляли распорку, одним концом упирающуюся в верхнюю связь, а другим — в лежень соседнего ряда.³

Обращает на себя внимание тот факт, что сооружение деревянного остова моста практически такое же, как и деревянной основы каркасных жилых построек городского типа — *негрики*: использовались единые традиционные приемы работы, заключающиеся в однотипных способах связи вертикальных стоек и горизонтально уложенных бревен, креплении жердями, положенными наискось из угла в угол, в аналогичном устройстве полотна моста и крыши дома.

Главными средствами передвижения по внутренним колесным дорогам ханства были арба, запряженная лошадью, и верховая лошадь. Хорезмская арба несколько отличается от арбы кокандского типа. Она меньше по размерам; спицы более массивные и широкие; ободья колес не гнутые, а склеенные из нескольких частей; сиденье возчика расположено на передке арбы, а не на седле лошади; своеобразна форма дуги — *комута*.⁴ Признано, что хорезмский тип арбы более древний.⁵ Наиболее существенным свойством арбы была ее способность передвигаться по различным родам грунтам — глинистым, песчаным и другим — благодаря большим колесам. Устройство площадки — *кукрак* позволяло использовать арбу для перевозки самых различных грузов, включая огромные мешки или кипы хлопка, длинные шесты и бревна, чувствительные ко всякой порче дыни и другие плоды и т. д. Голова лошади, впряженной в арбу, и ее круп обильно украшались различными подвесками с искусно завязанными узелками из кожи.

Для увеличения емкости арбы использовались подымавшиеся и опускавшиеся доски передка — *олдтахта*, задника — *арттахта*, боковые стенки — *янтахта* или плетенки — *чаток*. Изготовлением арб занимались мастера — *аравасы*. В среднем в день арба могла везти до 25 пудов груза, при этом сильная лошадь по хорошей дороге везла до 40 пудов, а более слабая — 15—20 пудов. Извоза в ханстве не существовало, но по договоренности с владельцем арбы можно было ее нанять с оплатой в зависимости от времени года от 80 к. до 1 р. 50 к.⁶

В начале XX в. появились брички на четырех колесах — *катак арава*, в которые впрягали чаще всего верблюдов, реже лошадь. Брички заимствовали от русских.

Верховая лошадь служила для поездок в соседний город, селение или на базар. Тип хорезмского верхового седла — *эгар* близок к общесреднеазиатскому виду седел (рис. 18). Приготовлением седел занимались мастера — *эгарчи*. Деревянный остов седла склеивали из множества мелких частиц, плотно пригнанных друг к другу, что образовывало удобную для седока форму сидения при довольно высокой луке. Вся поверх-

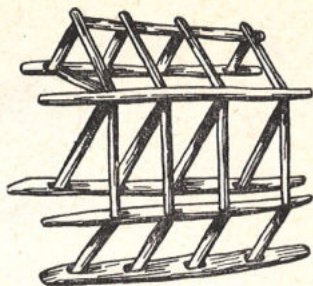

Рис. 17. Деревянный остов моста.

³ Там же, л. 7.

⁴ См.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. I. М., 1962, с. 256 и сравнительная таблица; Сафонова М. В. К этнографии узбеков южного Хорезма, с. 260—267, рис. 4; 5, 1, а—в, 2, б; 6, 1—4; 6, а, 5—7; 7, а—в.

⁵ Бартольд В. В. О колесном и верховом движении в Средней Азии. — Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, 1937, т. VI, М.—Л., с. 6.

⁶ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, д. 15, л. 8 об.

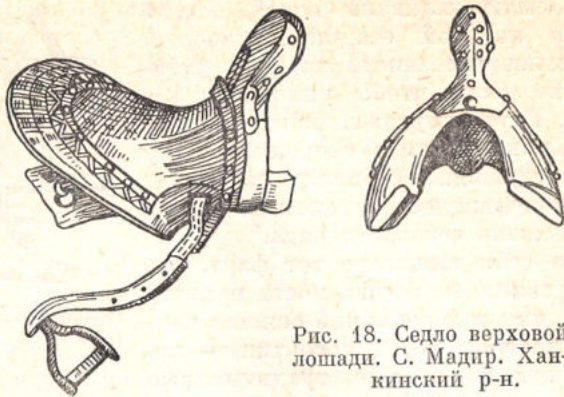

Рис. 18. Седло верховой лошади. С. Мадир. Ханкинский р-н.

ность седла оклеивалась плотно прилежавшей к дереву кожей, прикреплявшейся, кроме того, еще и рядами металлических гвоздиков с блестящими головками, служившими вместе с тем и украшением седла. Стремена и ремни также были местного изготовления.

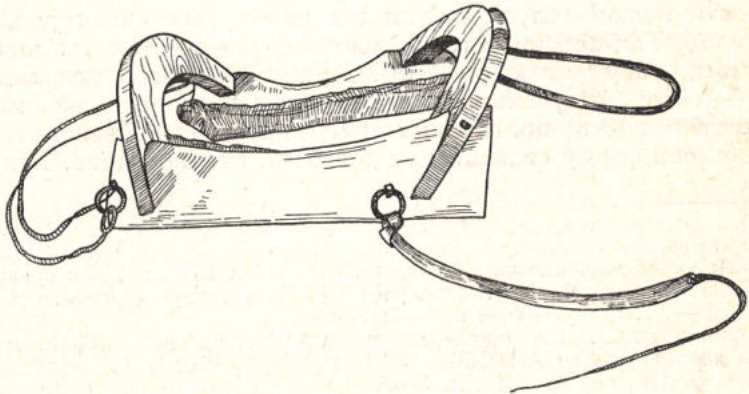
Широко распространена была также езда на ослах. Ишачье седло было значительно примитивнее (рис. 19).

Как на верховых лошадях, так и на ослах небольшую кладь перевозили в переметных сумах — *хурджин*, тканых из шерсти туркменскими женщинами и покупавшихся на базаре.

Вне оазиса передвижение осуществлялось в основном караванами, занимаемыми у казахов и туркмен. Размеры каравана были различными — от 9 до 100 верблюдов. Чаще всего караван состоял из 24—30 верблюдов. Во главе каравана стоял старшина — *караванбоши*; остальные люди, следовавшие с караваном, находились в его подчинении. Караванбоши был опытным человеком, знавшим караванные тропы, колодцы, условия, в которых приходилось бывать идущему через пустыню каравану.

Немаловажное значение имело снаряжение верблюдов. Верблюжье седло — *хоут* (рис. 20) состояло из легких деревянных частей (причем деревянные части не должны были соприкасаться с кожей верблюда) и мягких частей, сшитых из войлока и грубой полосатой шерстяной ткани типа армячины. Мягкую часть седла шивали из двух грубых подушек, оставлявших посередине место для горба верблюда. Они скреплялись веревками — *ип* с передней деревянной частью типа седелки — *хамаб* и задней — *чумака*. Боковые палки — *ян таяк* служили для крепления вьюков.

Рис. 19. Седло ишачье. С. Газават. Кошкуньрский р-н.

В конце XIX в. отправка грузов в Россию шла в двух направлениях — на север и на юг. Традиционное северное направление имело два варианта.⁷ Первый вариант: караваны двигались от Ургенча на Казалинск и Оренбург через Иргиз и Орск. Этот путь был протяженностью в 1400 км.⁸ Второй вариант: от Ургенча через Кунград и р. Эмбу до Оренбурга. Этот путь исчислялся в 1300 км, из них первые 300 км до Кунграда грузы шли водой на лодках *кема*. Движение караванов северным путем усложнялось тем, что верблюды уничтожали корма и поэтому караваны вынуждены были делать все большие обходы (тракт достигал десятков верст в ширину), что значительно увеличивало время нахождения их в пути (до четырех месяцев) и отнимало силы у верблюдов (сильно теряли в весе). Перевозка пуда груза, в первую очередь хлопка, обходилась в 1 р. 50 к.

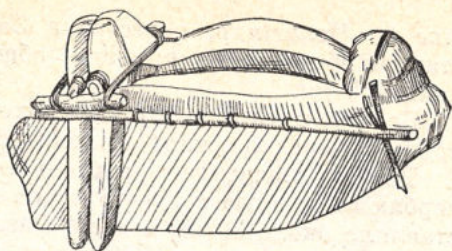

Рис. 20. Седло верблюжье. С. Пирнаухас. Кошкуньрский р-н.

С проведением Закаспийской железной дороги и установлением сухоходства по Каспийскому морю стало возможным провозить грузы в Россию во втором направлении. Из Ургенча до Ильялы грузы двигались на лодках меньших размеров — *каюках* по Шавату, а дальше караванами до Кизил-Арвата (400 км), откуда железной дорогой следовали до пристани Узун-ада⁹ (225 км), где происходила перегрузка на суда, доставлявшие их по морю и р. Волге к Нижнему Новгороду (ныне г. Горький). Часть перевозок осуществлялась из Ургенча до Уаза водой, а затем выюком непосредственно на Красноводск, что составляло 545 км, а оттуда по морю и Волге к центру России. Можно было отправлять грузы из Ургенча к Кунграду водой, а от Кунграда караваном к заливу Мертвый Култук (450 км) и дальше по северной части Каспийского моря к Астрахани.

Южный путь проходил по степным и пустынным пространствам, редко покрывавшимся снегом; он изобиловал кормами и топливом и поэтому был доступным в любое время года. К тому же грузы этим путем шли около двух месяцев и стоимость перевозки обходилась значительно дешевле. Так, верблюжий выюк в 15 пудов до Красноводска оплачивался в 6 тилля, или 10 р. 80 к., т. е. 72 коп. за пуд, а стоимость провоза водой до Нижнего составляла 32 коп. Таким образом, вместо 1 р. 50 коп. перевозка пуда обходилась в 1 р. 04 коп.

Как указывалось выше, хивинцы имели сношения также с Бухарой. На протяжении приблизительно 400 км грузы из Ургенча или Ханки транспортировались водой до Чарджоу, а от Чарджоу до Бухары — 110 км на арбах.

Непосредственные связи у хивинцев существовали также с Мары и населенными пунктами и базарами Ахалтекинского оазиса — Ашхабада, Геоктепе, Бами, Кизил-Арвата и дальше до Чекишляра. На Мары, находившийся на расстоянии около 600 км от Хивы, караваны следовали по пескам и редким колодцам, но был и другой, более удобный путь — по берегу Амударьи до Чарджоу и оттуда степью 240 км. Путь на Ашхабад лежал через колодец Лейли и Ирбаит. Он составлял 500 км. На Бами и Кизил-Арват дорога удлинялась примерно на 50 км. Караваны, следовав-

⁷ В описании путей использован материал экспедиции А. И. Глуховского: ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 35 (на 45 л.), «Подробное описание водных и сухопутных сообщений Хивинского ханства».

⁸ В источнике — версты. Напоминаем, что 1 верста равна 1.06 км.

⁹ До 1896 г. был начальным пунктом Закаспийской железной дороги.

шие на Чекишляр, пересекали Закаспийскую железную дорогу около станции Казанджик, при этом общая протяженность этого пути составляла 765 км.

Все эти пути были труднопроходимыми, так как колодцы были мало-водны и нередко с плохой, непитьевой водой.

Вообще движение караванов по пескам было медленным. За 1 час верблюд с кладью в 12—15 пудов проходил примерно 3—3.5 км, что составляло около 30 км в день. Раза два в течение суток верблюды отдыхали — днем, в жару, когда они лежали, изнемогая от зноя, и ночью. Иногда в сильную жару движение караванов проходило только ночью. Часа за полтора до заката солнца и до темноты их выпускали кормиться первый раз. В темноте верблюд видит плохо, поэтому второй раз их выпускали на кормление с рассветом, пока солнце не успело согнать росу с кормов и они были влажными.

Благодаря большому опыту и знанию пути караванбаши, движение караванов проходило хотя и медленно, но обычно благополучно. В описываемое нами время набеги и разграбление караванов почти прекратились.

Передвижение по воде. Еще в конце XIX в. почти все большие каналы оазиса представляли собой водные пути, по которым следовали суда различной грузоподъемности.¹⁰ Судоходство приходилось на период открытия каналов, т. е. с конца марта по ноябрь. Фарватеры каналов были различны, и поэтому не на всем протяжении каналы были судоходны. Наиболее мелкой частью были головные участки, т. е. места выхода каналов из Амударьи. Средняя часть их была значительно глубже, особенно в половодье. Глубина канала в низкую воду составляла 1 м с небольшим, в период половодья глубина увеличивалась примерно вдвое. Так как пролеты мостов были очень низки, то груженные каюки средней величины с трудом проходили, приходилось прижимать к низу сначала нос, а затем корму, чтобы благополучно миновать мост. Иногда в большую воду разбирали часть полотна моста и проводили под мостом груженные суда средней величины.

Судоходен Палван-яб был на протяжении первых 75 км от Амударьи. Он был доступен для прохождения лодок средних размеров. Движение по каналу Газават сочеталось с прохождением по Палван-ябу, так как один из его рукавов был в то же время рукавом Палван-яба и лодки могли идти из Хивы по Куния Газавату и Газавату в Ханки и до конца Газавата с протяженностью всего пути в 170—180 км.

По Шавату судоходство совершалось до Ильялы на протяжении 113 км из 135 км его общей длины. По каналу Ярмыш лодки шли к Кяту и дальше до моста Кунукли, в общей сложности 40—45 км. Из Кунидарьи малые лодки доходили до Ак-тюбе. По Клыч-Нияз-баю до Кокчега ходили большие лодки, а до Порсу только малые. Мангыт-яб уже в то время был не судоходен. По каналу Лаузан до Кунидарьи на расстоянии 40 км лодки ходили только в половодье и оттуда по каналу Шамрат (30 км), где судоходство было открыто весь сезон. По каналу Суели каюки ходили до Ходжейли, а по его ответвлению Якубярган, по Лаузану и Хан-ябу до Куния Ургенча на протяжении 65 км движение было возможным в течение всего периода открытия каналов. Река Амударья использовалась также в целях передвижения внутри оазиса. Так, от Ургенча до Тяумуюна, на расстояние 45 км, лодки ходили за солью и углем, а в северо-западном направлении — от Ургенча до разделения русла на рукава — было примерно около 200 км. В самой же дельте по всем ее ру-

¹⁰ В описании использованы, кроме экспедиционных материалов автора, сведения экспедиции А. И. Глуховского (1876—1896 гг.). — ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 35 (на 45 л.), «Подробное описание водных и сухопутных сообщений Хивинского ханства».

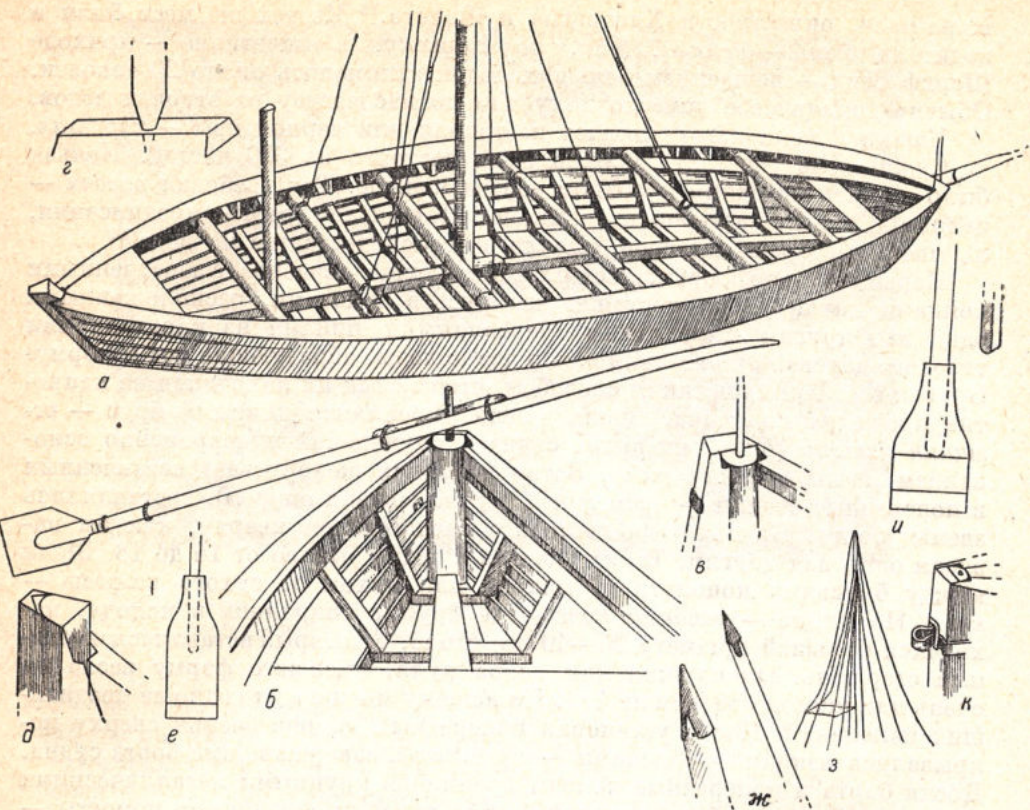

Рис. 21. Судно кема.

а — общий вид, б — задняя часть судна, в — деталь задней части судна, г — крепление центрального столба, д — устройство носовой части, е — весло, ж — багры, з — крепление снастей, и — запасной руль, к — крепление запасного руля. Ханкинский р-н.

кавам и озерам водных путей насчитывалось в совокупности до 600 км.

До проведения Закаспийской железной дороги очень оживленным было движение от Ургенча до Кунграда, затем значение Кунграда как первоначального пункта караванных путей значительно снизилось.

По сведениям автора записки «Подробное описание ...», по величине выделялись три вида лодок. Малые лодки поднимали от 300 до 600 пудов, стоили около 100 р.; средние лодки — соответственно 600—800 пудов, стоили 180 р.; большие лодки — 1000—1200 пудов, 350 р.¹¹

Мы вправе утверждать, что по существу в Хорезме было два вида лодок: лодки малого размера — *кайки* (каюк), грузоподъемностью до 3 т груза, и большие лодки — *кема*, подымавшие до 60—70 т. Что же касается лодок среднего размера, то они не представляли собой какой-либо особой разновидности, а являлись лишь несколько уменьшенным в размере кема, подымавшим больший по сравнению с малым каюком груз, и возникли они сравнительно недавно под влиянием все возраставшей тогда потребности в увеличении перевозок.

По подсчету автора записки «Подробное описание водных и сухопутных сообщений Хивинского ханства», в 1882 г. в оазисе насчитывалось 126 больших судов, 25 средних и 193 малых.¹² Изготовлением лодок занимались специальные мастера. Наиболее крупными центрами сооружения лодок были места, близкие к побережью Амударьи, Кырк-яб,

¹¹ Там же, л. 1а.

¹² Там же, л. 1б.

Кара-мази, окрестности Хазараспа и Шавата.¹³ Из тех же мест были и водители кема — *кемачи*. Так, по Кервеку, в мачеткоме — приходе Шериф Сеид — вождением больших лодок занималось около 20 человек. Обычно кемачи свое ремесло получали по наследству от отцов и дедов.

Каюки и кема изготовлялись из тополя или черной ивы — *каратаал*. Судно кема (рис. 21) должно было состоять из 360 частей. Нельзя было сделать ни одним кусочком дерева меньше. Так требовал *рисоля* — цеховой устав мастеров-лодочников. Нарушение этого предписания, по мнению старых мастеров, влекло за собой несчастье на воде.¹⁴

Первоначально сооружалось плоское, эллипсообразное, с заостренными концами днище. Оно состояло из брусьев с пазами, расположенными один над другим, скрепленных деревянными шипами из каратаала или тутового дерева. Оно вставлялось в две колоды, образующие нос и корму. Брусья составлялись таким способом, чтобы стык их находился не напротив предыдущего стыка. Вдоль днища укреплялся длинный брус — *кеманин ултони* (букв. «подошва судна»), служивший одновременно основанием мачты — *елкин егочи*. Затем из таких же брусьев, вставленных в поперечные стойки — *пушту пой* (букв. «связки опоры»), составлялись звенья борта. Брусья укреплялись с расширением кверху, как бы нависая один над другим. Таких звеньев в судне бывало от 14 до 18. Щели между брусьями конопатили тряпьем или пухом от сухого камыша — *куга*. На корме — *кеманин кутти*, где брусья упирались в колоду, находился большой (диаметр 25—40 см) столб, в который вставлялся железный стержень. Он служил для упора руля, имевшего форму весла на очень длинном шесте (свыше 4 м). По нашему мнению, это одно из позднейших изменений. После установки поперечных упоров звенья сверху покрывались венцами — досками — *юл тахта*, завершавшими борта судна. Доски борта и поперечные колоды крепились крупными металлическими скобами. На носовой и кормовой частях строили деревянные помосты — *ултра*. По существу множество частей судна по длине лишь соприкасались друг с другом и только по ширине скреплялись шипами. Общая длина большого судна 20—25 м, ширина — 4—4.5 м.¹⁵ Судно средних размеров имело в длину около 15 м при ширине около 6 м.¹⁶ На четырех центральных упорах посредством снастей — веревок — *аркон*, по два на каждом упоре, крепился парус прямоугольной формы — *елким* (узб. *елкан*), сшивавшийся из полос хлопчатобумажной ткани — *боз*.

В середине первой от носовой части опоры — *газна* с укреплением в центральном бруске вделывался высокий (около 3 м, диаметром 0.5 м) столб, носивший название *улик* (узб. *улок* — узел связанных концами веревок). Он имел вверху круглое отверстие, через которое пропускался верхний конец веревки, привязанной одним концом внизу у переднего крепления. Веревка эта длиной в 85—100 м разветвлялась на несколько петель и служила лямкой — *солдов* при проходе судна вверх по Амударье. Судно было снабжено также по количеству членов команды шестью — *далу* (узб. *таяк*), палками длиной до 4 м с железными наконечниками и веслами — *каллак*. Весла состояли из коротких шестов и прикреплялись к одному из концов треугольных лопаток (около 0.7 м длиной) с 1—2 отверстиями для уменьшения сопротивления воды при работе.

На корме устраивался очаг из глины с котлом для варки пищи. В этой же части судна находился *хум* и *кади* — сосуд для питьевой воды, блюдо — *карсен*, сосуд для кипячения чая — *танка*, топор — *болта* и серп — *урок*. В поездку брали с собой до 2 батманов риса, мяса и барань-

¹³ Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 2в.

¹⁴ Там же, пол. зап. 42.

¹⁵ Материалы автора, эксп. 1948 г. (зарисовки Л. Э. Калмыковой).

¹⁶ Там же.

Рис. 22. Носовая часть судна *кема* в форме головы змеи с орнаментом, имитирующим кожу змеи. МАЭ, кол. № 1352-244.

его сала. При хорошем переходе (если 3—5-дневный путь проходили за один день с парусом) вечером готовили плов с мясом.

Носовая часть судна — *кеманин шоха* состояла из довольно толстого бревна (30—35 см), наружная часть которого с гранями была несколько шире кормы. В прошлом этой части судна придавали форму головы коня или змеи.¹⁷ По материалам Г. П. Снесарева, нос судна — *боша* изображал человеческую голову, в которой Г. П. Снесарев видит изображение божества реки Ардвисуры Анахиты.¹⁸

В том случае, если нос судна по форме напоминал изображение змеи (рис. 22), он отделялся также рядами треугольников, вырезанных на боковых гранях. Узор этот напоминал лоскутные одеяла или отделку наволочек подушки, детской одежды — *курама*, или *курак*, служившие, как известно, оберегом, но в нем вместе с тем нельзя было не увидеть рисунка, имитировавшего кожу змеи. Внутреннюю часть носа судна обильно украшали. Традиционно необходимым в этом месте был *туг* — длинный хвост лошади, что еще больше подчеркивало скульптурный контур головы коня, когда в виде ее изображалась боша судна. Несколько выше хвоста укрепляли зеркало — предмет, наделявшийся различными сакральными свойствами. Среди украшений нередко можно было увидеть множество раковин каури, называвшихся в Хорезме *илон боши* — голова змеи, которым также приписывали магические свойства оберега (рис. 23). Носовую часть судна отделял упор, носивший название *казна* (узб. *хазина*) — слово, одно из значений которого было «хранилище сокровища». Видимо, последнее название в прошлом относилось ко всей носовой части судна, где сосредоточивались к тому же и различные культовые предметы. Женщинам вступать на судно вообще было запрещено. Особому запрету была подвержена носовая часть. Вместе с тем одним из средств от бесплодия считалось тайное приближение к носу судна: бесплодная, но жаждавшая иметь детей женщина должна была ползком или на коленях достигнуть носовой части судна, прикоснуться к ней

¹⁷ Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 42.

¹⁸ Снесарев Г. П. Под небом Хорезма. М., 1973, с. 109. — Нам это видеть не привелось, так как старой формы суда уже вышли из употребления. Современные

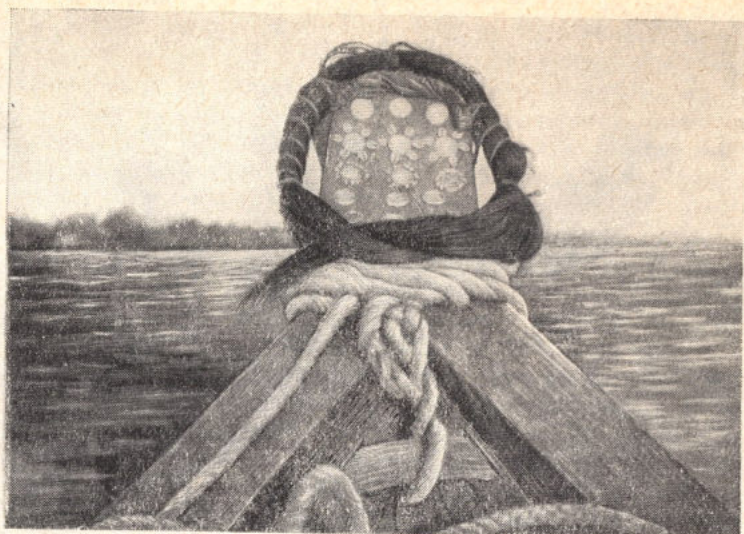

Рис. 23. Внутренняя сторона носовой части судна, украшенная хвостом лошади, зеркалами и раковинами. МАЭ, кол. № 1352-245.

рукой, а иногда и срезать прядь волос туга, чтобы затем уже дома сжечь их — окурить себя их дымом.¹⁹

Нам представляется возможным видеть в этой своеобразной форме кормы судна кема не только изображение богини плодородия, но и отголоски древнейших социальных отношений и идеологических представлений населения Южного Хорезма. С. П. Толстов подробнейшим образом анализирует дуализм фратрий и универсальность образов быка и змеи — господствующей пары тотемов Средней Азии и окружающих ее стран. Иконографическая связь коня и змеи выступает на малоазиатских рельефах с изображением «великой богини», где змей является атрибутом всадника — спутника богини и самой богини.²⁰ В этих представлениях заложено начало образа крылатого коня-змея, распространенного в среднеазиатском и родственном ему скифском изобразительном искусстве.²¹ Стихия воды была причастна к обоим фратриям, а бык и змея выступают позднее как водные божества. Мы считаем уместным поставить в этот же ряд также широкоизвестные обычаи приносить в жертву водам Амударьи быков в период весеннего открытия каналов и выходить к голове Палван-яба для подобного же одаривания Амударьи в период низкой воды в засушливые годы.²² Мы вправе в этом усматривать ритуальное убийство тотема — *интихиума*. Кстати, в ритуале жертвоприношений также обязателен был подъем туга. Само торжество носило название *джар*

суда несколько облегченного вида действуют с помощью мотора. Сохранились в основном каюки, обслуживающие нужды хорезмских колхозов и составляющие их собственность.

¹⁹ Там же, с. 111—112.

²⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 304.

²¹ Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. СХХ, 47; Тревер К. В. Проблема греко-бактрийского искусства. — III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М. — Л., 1939, с. 286; Толстов С. П. Древний Хорезм, табл. 83, 4, 7 и др. (античные печати с изображением крылатых коней).

²² Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 6; Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 307 (жертвоприношения рогатого скота представителями зороастрийской жреческой корпорации Средней Азии и Восточного Ирана); Снесарев Г. П. Обряд жертвоприношения Амударье как пережиток культа плодородия. — Материалы Хорезм. археолого-этнограф. эксп., вып. 4. М., 1960.

(узб. *жар*) — клик, выкликание, а может быть, и *жажр*, *зизр* — радение. Как нам говорили старые люди, кровь быка должна быть пролита именно в Амударью, а не в воду канала.²³ Аналогичные жертвоприношения откормленного быка или коровы — *сукум*, барана при пуске воды существовали и в Кокандском ханстве.²⁴

Все приведенное выше подтверждает как причастность этих явлений к культуре плодородия, культу матери-прародительницы, так и следы дуальной структуры населения древнего Хорезма в весьма измененном, осложненном и разрушенном виде, хотя все еще сохранявшиеся в памяти народа.

Команда кеме состояла обычно из 15 человек — *кошчи*. Во главе ее стоял *дарга* (*бошдарга*) — главный, «капитан». Его помощником был *сон дарга*, или *арым дарга*. В команду включался также повар — *нанвай* (узб. *новвой*). С приближением весны начинали комплектовать команду. Сон дарга обходил всех и узнавал, кто рассчитывает ехать, а кто не хочет. Взамен выбывшего, а иногда и умершего, сон дарга договаривался с другим кошчи. В обязанности сон дарги входил также прием груза на судно. Груз считался по верблюдам, т. е. по весу груза одного верблюда в 20 пудов. Судно вмещало 50—60 верблюдов, иначе говоря 1000—1200 пудов. Движение по реке начиналось весной. Каждый участник поездки имел на судне свое определенное место. При движении судна дарга находился постоянно на носу. Другим членам команды на носу быть не разрешалось. Сон дарга сидел на корме, управлял рулем. Дарга подавал команду, сон дарга поворачивал руль. Члены команды, находясь в лодке, шестью отталкивались от мели, а в глубоких местах, где шести не достигали дна, переходили на весла, особенно в водоворотах и при переправе с одного берега на другой.

Вообще при движении по Амударью, пишет М. И. Иванов, «держались как можно ближе к берегу и по направлению струи течения, если же судно принимало косвенное в отношении течения направление, то судно сносило и люди были не в силах его удержать».²⁵

При переправе же через реку судно пускали наискось по течению.²⁶ По сведениям М. И. Иванова, главная переправа через Амударью находилась против Ханки. Кроме того, были переправы в Хазараспе, против Ургенча, Гурлена и в городах Кипчаке, Ходжейли и Кунграде. При переправе через Амударью судно предварительно отводили вверх на 4 версты — и все же его часто относило на 5 верст и более от того места, к которому судно следует пристать. «Переправа через р. Амударью вообще была затруднительной».²⁷

Когда поднимался ветер, дарга давал команду поднять парус и регулировал движение судна в зависимости от силы ветра. На парусе работало 2 человека сверху и 2 внизу. Остальные члены команды в это время отдыхали. При движении против течения реки было много участков пути, где приходилось тащить судно на лямках волоком. Дарга стоял на носу, сон дарга — на корме, отталкиваясь шестью, а все остальные, включая и повара, сходили на берег и под команду дарги тащили судно.²⁸ Лямки веревок перекидывались на плечо, на которое для уменьшения трения накладывалась небольшая подушка из старой кошмы и тряпок. Бурлаки — *соудагчи* всегда шли в ногу. Темп движения зависел от быстроты течения и количества груза. Вот как описывает их работу Г. П.

²³ Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 26.

²⁴ Т р о и ц к а я А. Л. Каталог архива кокандских ханов XIX века. М., 1968, с. 481.

²⁵ И в а н о в М. И. Хива и река Амударья. СПб., 1873, с. 6.

²⁶ Там же, с. 7.

²⁷ Там же, с. 51.

²⁸ Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 42.

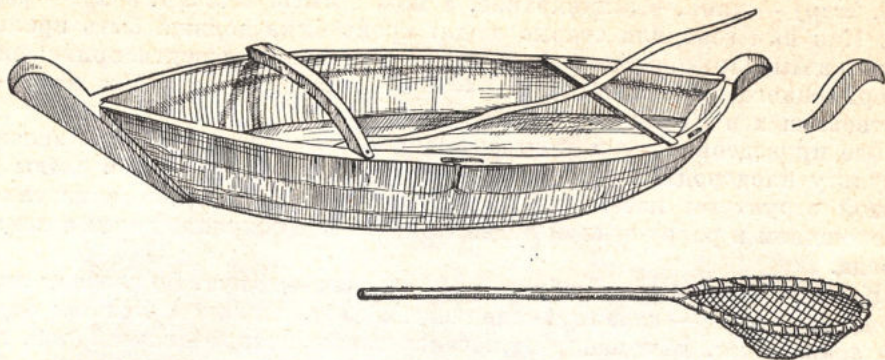

Рис. 24. Лодка *кайук*. С. Газават. Кошкуньерский р-н.

Снесарев: «Раздвигая заросли тростника в два человеческих роста, покрывавшие низкий берег реки, полураздетые, облепленные грязью, по колено в грязи, они медленно шли цепочкой, согнувшись почти пополам; от них к баркасу, ползущему в воде, тянулась бечевка. На баркасе был только один человек, поминутно проверявший шестом глубину воды».²⁹ Вверх с помощью лямок судно подымалось со скоростью от 2 до 3 км в час. В местах, обильных мелями, судно проходило по 1 км или даже по 0.5 км в час.³⁰ Когда спускались вниз по течению, на судне работало обычно 2 человека.

Устройство лодки малых размеров близко по строению кема (рис. 24). Каюк (*кайук*) имел такое же мелкое днище с поперечным брусом — *ултон* посредине. Однако борта не делились на отсеки опорами, а составлялись из брусков с обязательным противопоставлением швов. Головная часть имела утолщение, в основе которого, возможно, в прошлом также была голова человека или животного. Для движения каюк был снабжен большим (около 4 м) багром и веслом. Обслуживали каюк один-два человека — *кайукчи*. Каюки служили для перевозки грузов по каналам. Так, например, автор указанной выше записки пишет: «Иначе как на каюках не перевозятся горшечные изделия, и у каждого базара с этими изделиями стоят два-три каюка».³¹ Кроме того, их использовали для озерной охоты на водоплавающих птиц. Скорость движения каюков была сравнительно медленной. Например, от Шабас-вали (Шабазы) до Ташауза на расстоянии 100 км каюки с грузом в высокую воду проходили в течение двух суток и каюкчи получали за провоз груза 6 р., в обратную же сторону лодку тянули лямкой против течения и в Шабас-вали груз доходил к концу четвертого дня, поэтому плата составляла 12 р.³²

Двигались по воде с восхода солнца до его заката.³³ Ночью движение судна прекращалось. Каждая поездка от Ургенча до Чарджоу и обратно длилась 25 дней, а если был попутный ветер — 15 дней. Часто доходили до Термеза. Зимой на три месяца работа прекращалась; суда ставили на берегу Амударьи, чтобы они не вмерзли в лед.³⁴

В течение этих зимних месяцев, когда прекращалась навигация, дарга одной округи (числом около десяти человек) один раз в не-

²⁹ Снесарев Г. П. Под небом Хорезма, с. 104.

³⁰ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 35, л. 5.

³¹ Там же, л. 6 об.

³² Там же, л. 3 об.

³³ «Кун чикан вактидан намази пешин вактигача» (Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 42).

³⁴ Там же.

делю собирались на *пироу* — устраиваемые по очереди угощения в честь Пира, покровителя ремесла, на которые приглашались кошки и из других кишлаков. Покровителем дарга считался Хазрати Нух (библейский Ной).³⁵ В трудные минуты на воде, чаще на отмелях, кроме него обращались также к Султану Хубби, считавшемуся учеником Хазрати Нуха. В такие минуты, взявшись за лямки, все вместе восклицали: «Йо, Султан Хубби», — веря в то, что он придет к ним на помощь. Он, так же как и они, считался лодочником — *судовочи*. Рассказывали о том, что спина у него сплошь красная, нагруженная арканами. Помощь его они будто бы всегда ощущали, когда к нему обращались.³⁶ С именем Султана Хубби связано много почитавшихся мест в Хорезме, в том числе священное дерево *даранги* в окрестностях Ханки, выросшее будто бы из посоха Султана Хубби. Около дерева устраивали *садака* (искупительная жертва) с поминанием этого святого. Там же была выстроена Даранги-мечеть.³⁷

С именем Султана Хубби связана легенда о Ханки. Передаю ее вкратце: «Много, много лет тому назад селению Ханки стала угрожать дигиш (подмыв берега, когда он обрушивается в Амударью). Был устроен джар с поминанием Султана Хубби. Святой помог Ханкинскому народу. Амударья отступила, и селение Ханки было спасено». ³⁸ Пироу созывался и тогда, когда подготовленному стать дарга делали посвящение. В этом случае угощение устраивал посвящаемый. Он одаривал своего даргу. И ему делали подарки. Читали патью (фетву).

Большой праздник устраивался при спуске нового судна — *кема* на воду. В этом случае собирались вместе команды четырех-пяти лодок и резали быка или корову, читали патью и варили плов в больших котлах на берегу Амударьи. В трудные минуты на воде, когда бывало очень опасно, давали обещание сделать поминание Хазрата Нуха. После благополучного возвращения домой устраивали *садака* — резали барана и угощали всех жителей своего элата.³⁹

В структуре подчинения команды, во всем строе трудового процесса лодочников, в определенных устоях рисоля кемачи, организации поминаний покровителя ремесла, системе посвящения в мастера мы видим черты, свойственные традициям ремесленных организаций Хорезма и всей Средней Азии.⁴⁰ Вместе с тем безусловно прав Г. П. Снесарев, усматривающий в проявлении культа Хазрати Нору и Султана Хубби следы поклонения богине плодородия, богине водной стихии, воды.⁴¹

К культу воды и водной стихии относится вера в таинственные существа — *аранглар*, враждебных человеку духов, якобы живущих в глубине Амударьи и управляющих ее течением.

В отличие от злых духов *аранглар* тоже неуловимыми, но доброжелательными к людям и весьма почитавшимися существами, обитавшими в Амударье, считались *чильтаны* — сорок существ, сорок святых.⁴² (В некоторых местностях их называли также *курк чилтан*, т. е. тюркское

³⁵ Там же.

³⁶ Там же; Снесарев Г. П. Под небом Хорезма, с. 112.

³⁷ О Султани Хубби и его связи с водой см.: Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 250—255.

³⁸ Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 42.

³⁹ Там же; Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований. . . , с. 112.

⁴⁰ Джаббаров И. М. Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX—начале XX вв. — ТИЭ АН СССР, Нов. сер., т. XXVII, Л., 1971; Гаврилов М. Ф. Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент, 1912.

⁴¹ Снесарев Г. П. 1) По следам Анахаты. — СЭ, 1971, № 4, с. 159; 2) Реликты домусульманских верований. . . , с. 236—237. — Легенду о Хубби и связи его с водой см. также: Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, с. 30—32.

⁴² Андреев М. С. Чильтаны (چھیلی تن) в среднеазиатских верованиях. — В кн.: Сб. в честь В. В. Бартольда. Ташкент, 1927, с. 334—348.

числительное 40 напластовалось на иранское слово «сорок».) Возможно, представления о чильтанах связаны с возрастными классами, прохождением юношами инициаций перед переходом их в следующую возрастную группу, когда они должны были некоторое время скрываться, а затем после испытаний вновь появиться уже в новом качестве — в качестве взрослых мужчин. Связь эта уже едва уловимая, но все же явственная, — тем более интересно ее отметить.

Еще в конце XIX в. на судне типа кема работало 5 кемачи, из которых один — дарга — был владельцем судна. На заработок эта артель сообща покупала продовольствие и одежду, остальное делила на шесть частей, из которых две части получал хозяин лодки — одну за управление судном, другую в счет стоимости лодки и на ее ремонт, — а четыре части предназначались членам команды. В последующие годы в связи с проникновением товарно-денежных отношений в экономику края положение стало меняться. Владельцем лодок становился крупный бай, который сдавал свое судно артели, беря подряд на перевозки у активно действовавшего тогда на Амударье акционерного общества «Кавказ и Меркурий». ⁴³ В этот период (по окончании сезона перевозок или на поездку) сон дарга получал на всех оплату за труд и распределял ее между членами команды. Оплата была для всех равная. Каждый член команды от себя давал дарге «на чай». ⁴⁴ С 1928 г. в связи с организацией Госпароходства на Амударье кемачи работали на условиях государственных служащих-водников. В первые годы Советской власти в связи с экономическими трудностями 60% заработной платы они получали натурой — пшеницей, чаем, сахаром и пр., остальные 40% им выдавались деньгами. Затем они были переведены полностью на денежную оплату. Из заработанного 90% оставляли семьям, а 10% заработка брали на свои расходы во время рейсов.

Вообще местное судоходство поддерживало сообщение между различными частями Амударьи, содействовало транспортировке хлопка и других продуктов сельского хозяйства, подвозя их к железной дороге, участвуя в перевозке русских товаров и тем способствуя обмену Центральной России с Хивой, Бухарой, а также с Ираном и Афганистаном, что имело важное значение для края.

⁴³ Акционерное общество «Кавказ и Меркурий» находилось под особым покровительством царского правительства, использовавшего его для срочных пароходных сообщений на Каспийском море в связи с присоединением Туркмении к России с номинальной оплатой услуг (Дневник государственного секретаря А. А. Половцева, т. I. М., 1966, с. 507, прим. 59).

⁴⁴ Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 42.

VII. ТОРГОВЛЯ

В традиционном хозяйственном укладе населения оазиса значительное место занимала торговля, сосредоточенная на базарах городов и центров хакимств, с более или менее установившимся контингентом продавцов, торговцев и покупателей.

Главным рынком сбыта были города Хива и Ургенч. В городе Ургенче вследствие его удобного географического расположения вблизи Амударьи и на пути больших дорог, связывавших ханство с Бухарой и Оренбургом, сосредоточивалась также оптовая торговля, имевшая большое значение в экономической жизни города и всего края.¹

Здесь же находились караван-сарай — места временного пребывания торговцев — и склады привезенных или купленных ими товаров. Позднее в Ургенче образовались крупные торговые склады и транспортные конторы, а также отделения банков, в частности Русско-Азиатского.

Кроме Хивы и Ургенча, большие базары были в Хазараспе, Ханки, Кошкучпыре, Шавате, Гурлене, Мангыте, Кунграде, Ходжейли, Чимбае, Клычбае, Порсу, Ташаузе и др.²

«Из 35 базаров ханства 24 считались подшальчными (ханскими и вакуфными), а 11 были собственностью частных лиц. В ханскую казну полностью поступал доход с городских базаров Мангыта, Кош-кучпыра, Дарган-Ата, Питняка, Ишан-Чиба, Кунграда, Чат-Купрюка, Кята, Манака, Ялангачтона, Фарса, Клячбая, Кук-Чека. Торговые сборы с базаров Астана, Хивы, Ханки, Тахты, Кипчана, Ходжейли, Куны-Ургенча шли в пользу религиозных учреждений, налоги с Хазараспа, Шавата, Кунграда хан и духовенство делили между собой.

В собственности частных лиц находились базары Ургенча, Карамана, Гурлена, Ташауза, Ильяла, Актепа, Газавата, Багота, Янги-Арыка, Ак-Дербента. В зависимости от объема торговли и дохода базара откупная сумма составляла от 3 до 9 тыс. тилля в год».³

Один из авторов книги «Ханкинская волость» пишет: «Базары Ханкинской волости вытянуты в цепь торговых пунктов вдоль реки Амударьи. Большинство этих населенных пунктов расположено вдоль караванной дороги, в прежнее время ведшей на Бухару».⁴

Общая протяженность линии базаров от Ургенча до Питняка определена им в 76 верст.

Базары, расположенные на довольно близком расстоянии друг от друга, образовывали базарные циклы с чередующимися для каждого базара днями недели. Расстояние между ними составляло примерно 30 км (табл. 14), что создавало определенные удобства для тех, кто ими пользовался. Так, в Ханкинском цикле торговля происходила: в Ургенче — в вос-

¹ МРСА. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 2. Хорезм. Ташкент, 1926, с. 86.

² Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940, с. 140—141.

³ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX в. Ташкент, 1965, с. 109; ЦГА, ф. 125, оп. 1, д. 8, л. 3—6.

⁴ Современный кишлак Средней Азии. Вып. II. Хорезм. Ханкинская волость. Ташкент, 1926, гл. III, с. 109.

Т а б л и ц а 14
Расстояние между базарами Хорезмской области
(версты)

Наименование базара	Ургенч	Хива	Ханки	Багат	Хазарасп	Ишан-базар	Питняк
Ургенч	—	36	16	28	54	37	76
Хива	36	—	40	54	78	61	98
Ханки	16	40	—	12	38	21	60
Багат	28	54	12	—	26	9	48
Хазарасп	54	78	38	26	—	17	20
Ишан-базар	37	61	21	9	17	—	39
Питняк	76	98	60	48	20	39	—

Примечание. Таблица взята из кн.: Современный кишлак Средней Азии, вып. II. Ташкент, 1926, с. 109.

кресенье и в среду; в Ханки — во вторник и субботу; в Багате — в среду и субботу; в Хазараспском цикле: в Хазараспе — в понедельник и пятницу, в Ишан-базаре — в четверг и воскресенье, в Питняке — в среду.⁵ Подобные базарные циклы и переходные дни имелись и в других областях Средней Азии, например в Северной Фергане.⁶

Базар находился обычно в центральной части города, селения или рядом с центром и функционировал в базарные дни, в другие дни жизнь в нем замирала. Торговля шла лишь мясом, спичками, керосином и разной мелочью. Здесь же работали парикмахеры. На базар приезжали для продажи продуктов своего труда и закупки различных товаров крестьяне окрестных селений, ремесленники со своими изделиями, часто из других населенных пунктов ханства. Кочевники окрестных степей и пустынь стекались для покупки пшеницы и других продуктов сельского хозяйства, изделий ремесленников и предметов фабрично-заводского производства. При этом существовало тяготение кочевников к определенным базарным пунктам. Например, к Кунграду и базарам северной части оазиса съезжались жители кочевых волостей Амударьинского отдела — Минбулакской и Талдыкской, нескольких волостей Казалинских казахов и четырех волостей Адаевских казахов, приходивших на зимовки из Оренбургских степей к берегам Аральского моря и к Кунграду и, по сведениям царской администрации, питавшихся зерном ханства.⁷ Ходжейли был известен своим большим базаром, на который стекалось не только хивинское население, но и каракалпаки с правого берега Амударьи, пригонявшие скот и торговавшие коровьим маслом.

Площадь базара имела традиционную планировку. По левую сторону центральной базарной магистрали шла торговля сельскохозяйственными продуктами, на правой стороне сосредоточивалась торговля произведениями ремесленного производства.

Базарная территория крупных центров, таких, как Хива, разбивалась на отдельные части: хлопковый — *гузача* (хорезм. *гавача*), кунжутный базар, зерновой — *галля*, базар хлопковых семян — *чигит*, рисовый — *шоли*, базар марены и табака — *руян ва тамаки*, базар коконов — *пилля*, бакалейный базар.⁸

Базар по продаже скота разделялся по видам скота: конский базар — *от бозор*, базар по продаже баранов — *куй бозор* и др. По соседству с

⁵ Там же, с. 109—111.

⁶ Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Кассанский район (северная Фергана). — Изв. О-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, с. 127—128.

⁷ ЦГА. Дела дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе, ф. 2, оп. 1, д. 291, л. 93, 1910 г.

⁸ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в., с. 139—140.

ними шла купля-продажа клевера. Если на базаре была крытая часть, там находились мастерские: лавки золотых дел мастеров — *заргар* и торговцев мануфактурой — *боззоз*, *читгар* и др. Рядом с крытым базаром располагались места продавцов съестных продуктов.

В 70-й книге «Архива хивинских ханов» имеются именные списки ремесленников и торговцев Хивы, которые дают представление о большом разнообразии того, что можно было приобрести в базарный день в Хиве.⁹ (Дата книги отсутствует. П. П. Иванов относит ее к 60-м годам XIX в.).

К этому следует добавить, что некоторые ремесленники имели на базаре свои мастерские, являвшиеся вместе с тем и лавками, например кузнецы — *демирчи*, медники — *мисгары*, мастера по изготовлению сосудов для кипячения чая — *тункачи*, мастера по изготовлению сундуков — *арджачи* и пр. На дому в жилых кварталах работали шубники — *постиндозы*, ткачи шелковых тканей, сапожники — *етикчи* и др., выносившие в базарные дни изготовленную ими продукцию на рынок.¹⁰

Изделия кузнецов, такие, как лопаты, подковы, серпы, гвозди, приобретались дехканами непосредственно у мастеров, помимо базара.¹¹

В книге 87 «Архива» содержатся списки торговцев и ремесленников по Шахабаду, Кошкунпыру,¹² в книге 110 — списки ремесленников и торговцев Гурлена.¹³

Собственно торговцы составляли сравнительно небольшой процент населения городов. Так, по обследованию Экономсовета 1924 г., торговлей в Хиве занималось 16% самостоятельного населения города. Исключительно высок был процент торговцев в Хазараспе, где было занято 36% той же категории населения.¹⁴ При этом они занимались торговлей круглый год, тогда как крестьяне продавали сельскохозяйственные продукты сезонно, примерно с июля по октябрь.¹⁵ Промышленные товары поступали мелочным торговцам от оптовых торговцев, закупавших их в городах России или в других соседних странах (Персия, Афганистан). Многие торговцы имели постоянные места — *айваны* на одном или на двух базарах, а на третьем они выступали уже в качестве разъездных торговцев.

В обычные, не базарные дни по городам и селениям ездили бродячие разносчики, торговавшие разной мелочью — нитками, иглками, дешевыми красками, гребнями и др. О своем появлении они громко объявляли: «Приходите за иглками, наперстками, гребнями, краской, за всем приходите, (это все) есть» (*индан*, *оймакдан*, *таракдан*, *рангдан*, *хамасидан*, *борингча*, *бор*). Возможно, поэтому их называли *джарчи* (в хорезмском произношении — *чирчи*) — глашатаи.¹⁶ Обыкновенно они объезжали селения на ишаках.

⁹ Там же, с. 133—193. — Им приведен перечень ремесленников и торговцев по отдельным профессиям: продавцы наконечников к пахотным орудиям — *пазачи*, токари — *заррат*, хомутных дел мастера — *кучличи*, медники — *мисгар*, золотых дел мастера — *заргар*, ножевщики — *плакчи*, мастера кожен — *кынчи*, красильщики — *божчи*, продавцы марены — *руян фуруш*, торговцы халатами — *чапан фуруш*, шапочники — *телпекдоз*, кожевники — *кончи*, мастера по изготовлению кожаных калош — *кефшидоз*, продавцы деревянных чашек — *табакчи*, мастера, изготавливающие замки, — *кульфгар*, продавцы войлока — *килиз фуруш*, хозяева маслобоек — *джувазчи*, рисорупек — *шалькор*, мясники — *кассоб*, торговцы солью — *тузчи*, торговцы вареными бараньими головами — *калляпаз*, торговцы жареной рыбой — *балажчи*, продавцы хлеба (лепешек) — *нанбай*, продавцы чая и табака, бакалейщики — *баккал*, торговцы лесом — *агач фуруш*, углем — *комурчи*, свечами — *шамчи*, мылом — *сабунчи*, мянеля — *сарраф*, разносчики — *чирчи* (*джарчи*).

¹⁰ Материалы автора, эксп. 1948 г., пол. зап. 42.

¹¹ Современный кишлак Средней Азии, вып. II, с. 116.

¹² И в а н о в П. П. Архив хивинских ханов XIX в., с. 140.

¹³ Там же, с. 142.

¹⁴ МРСА, ч. 2, с. 88.

¹⁵ Современный кишлак Средней Азии, вып. II, с. 107.

¹⁶ Материалы автора, эксп. 1947 г., пол. зап. 51.

Торговля такими же товарами была и на большом базаре в Хиве. Торговцы этой мелочью имели место на правой стороне крытой части базара.¹⁷

Кроме продавцов, торговцев и покупателей, на базаре действовали посредники, маклеры — *даллол*. Их участие заключалось в содействии продаже главным образом скота. Под видом посредника нередко выступали перекупщики, наживавшие себе состояние на перепродаже скота или другого товара, в частности халатов.

Торговая сделка осуществлялась на деньги местной чеканки. Из них основной была серебряная монета — *танга*, равная примерно двадцати копейкам русских денег. Мелкой медной монетой служили пули; в одной танге содержалась стоимость 32 штук.

Для крупных оплат и расчетов существовала золотая монета — *тилля*, содержащая девять танга, равная 1 р. 80 к. на русские деньги, и двойная тилля — *пушта тилля* (3 р. 60 к.). Последние две монеты — *тилля* и *пушта тилля* — в обращении встречались редко.

В 1893 г. хивинскому хану было воспрещено чеканить тангу, что послужило толчком к быстрому распространению русских денег в ханстве, обращавшихся наравне с тангой.¹⁸

Торговля вообще и базары в частности давали значительные доходы ханской казне, так как каждый продавец должен был уплатить *теги джой* — плату за место на базаре и право торговать. Денежный доход шел и от маклерства — *даллол хаки*. Даллол хаки взимался и с торговца, и с покупателя, заключавших сделку на сумму, превышающую 20 тилля (т. е. с каждых 36 р. 40 к.), в размере 1 танга.¹⁹ Без платы за место торговали лишь глиняной посудой и хлопком местного сорта.²⁰

Закат, или *бадж* (*бож*), состоял также из уплаты денег за привозимые в ханство и вывозимые из ханства караванами товары. Расчеты производились по верблюжьим или конским выюкам — *тай*. При этом существовали различные его градации. Например, с шести батманов пряжи (*келяба*) взималась одна тилля, с конского выюка железа, в котором ощущалась в ханстве большая нужда, — 12 танга, а с верблюжьего выюка табака взыскивалось 10 тилля. Хлопок облагался закатом из расчета по 4 тилля за один верблюжий выюк.²¹ Как видно из материалов архива, учет поступавших в ханскую казну сумм велся отдельно — с торговых караванов, базарных мест и мастерских.²²

По учетным данным ханской администрации можно видеть масштабы базаров. Например, общая сумма заката, собранного за один только месяц 1290 г. х. (март 1873 г.) выражалась по Хиве в 4000 тилля, по Ургенчу в 2400 тилля, по Ханки в 250 тилля, по Кунграда в 150 тилля и т. д.²³

Базарный день круглый год начинался часов в 8 утра сделками на скотном базаре, затем последовательно оживленный торг переходил с одного места на другое. Перед началом базара каждый участник его,

¹⁷ Иванов П. П. Архив хивинских ханов, с. 139. — В списках ремесленников и торговцев г. Хивы он упоминает разносчиков — *чирчи*, которых по Хиве насчитывалось 29 человек, плативших налог в общей сумме 5 тилля.

¹⁸ Россия. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913, с. 554; Иванов П. П. Архив хивинских ханов, с. 26, прим. 6. — Подробнее о проблеме денег и курсе их см.: Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX—начала XX вв. 1873—1917 гг. Л., 1968, с. 60—61; Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX—начале XX в., с. 124—132.

¹⁹ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX—начале XX в., с. 107.

²⁰ Современный кишлак Средней Азии, вып. II, с. 103.

²¹ Иванов П. П. Архив хивинских ханов, с. 132.

²² Там же, с. 138.

²³ Там же.

как продавцы, так и покупатели, прежде всего спешили зайти туда, где продавались бараны. Баран — *куй* олицетворял собой богатство, поэтому прикосновение рукой ко лбу барана, а затем этой же рукой к собственному лбу означало, по представлению жителей Хорезма, передачу этой благодати на производящего жест. После этого следовали на конский базар с целью иметь удачу и счастье. Существовала поговорка: «*Куй базор — бой базор, от базор — бахт базор*» («базар овец — базар богатства, конский базар — базар счастья»). И только после выполнения этого ритуала приступали к торговле.²⁴

После девяти часов оживление перебрасывалось на торговлю клевером, затем — мясом, овощами, кожевенными и обувными товарами; к 10 часам — мануфактурой, халатами и др. Пшеничный базар бывал наиболее оживленным после 11 часов. Соответственно этому формировались базарные цены.²⁵

Торговля затихала к концу дня, и все разъезжались, рассчитывая засветло вернуться домой. Зимой разъезд происходил несколько раньше, с наступлением темноты.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну функцию базаров. Они были местом оживленного общения мужской части населения округа. Выезд на базар всегда был праздником для его участника. После торговых сделок, продажи того, что произведено в хозяйстве, следовала покупка необходимых сельскохозяйственных инструментов, семян, скота. На базаре мужчины встречались, вместе трапезничали в ашхане, пили чай, разговаривали о конъюнктуре рынка, о ценах, узнавали новости, рассказывали о случившемся.

После удачного базара возвращались домой, купив продукты для семьи, обновки членам семьи, сладости детям. Даже в семье малого достатка вечером базарного дня бывала более вкусная еда и шли оживленные разговоры.

На базарах или непосредственно у крестьян в селениях крупные торговцы скупали хлопок — *пахта*, рис — *гуруч* (хорезм. *бурунч*), марену — *руян*, сухофрукты — *кок*, отчасти шелк — *ипак*, кожи барана — *куй тери*, кожи невыделанные — *хом тери* и изделия ремесленников, в основном ткани; упаковав их в верблюжьи тюки, караванами отправляли в Россию.

Не беря на себя задачу широко осветить характер крупной оптовой торговли, мы не можем все же обойти вопрос о торговых связях Хивинского ханства с соседними странами, в первую очередь с Россией.

В 90-е г. XIX в. вывоз за пределы ханства выражался в следующих количествах: хлопка — до 240 000 пудов, пшеницы и джугары — 1 500 000 пудов, риса — до 344 900 пудов, кож невыделанных — до 25 000 пудов. До 70-х гг. марена вывозилась в Россию в количестве 3—4 тыс. пудов, так же как *бузгунч* — наросты на листьях фисташки, из которых при соответствующей обработке получалась красная краска для тканей. Позднее вывоз их значительно сократился.²⁶ Рыбой торговали исключительно уральцы — русские.

Из России в Хивинское ханство ввозили различного рода мануфактуру, синий ситец — *кукчит*, заграничный ситец — *фаранги чит миткаль*, платки цветные — *гулназ румал*, выделанные кожи — *телатин*, или *булгори*, и др. Кушцы, ведущие эти торговые операции, были из Хивы — *хивали*, Ургенча — *ургенчли*, Ханки, Карамазу, а также татары — *ногай* или казахи.

Многие русские товары и, возможно, предметы ввоза из Персии и других стран шли транзитом через Бухару. Например, среди товаров,

²⁴ Материалы автора, эксп. 1949 г., пол. зап. 17.

²⁵ Современный кишлак Средней Азии, вып. II, с. 105.

²⁶ ЦГИА, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 13, л. 1—1, а, б, 3, а, б.

привозимых из Бухары, числились железо, сталь, шелковые ткани — штоф, платки, выделанные кожи, фарфоровая посуда, индиго — *нил*, тмин — *зира*, зеркала — *жом ойна* и др.²⁷

Зеленый чай — *кукчой* из Индии шел транзитом через Афганистан в Батуми, Баку и Бухару, в Хиву.²⁸ Часть товаров, привозимых из Бухары, была, по-видимому, местного бухарского производства, например различного рода бумажные и шелковые ткани кустарного производства, одеяла, бумажная пряжа — *калава*, краситель — *бузгунч* и др.²⁹ Общий оборот торговли ханства в 1910 г. был около 20 000 000 р.³⁰

До 1894 г. существовали непосредственные торговые связи с северной Персией, в основном с Астрабадом и ДЕРЕГЕЗОМ. По известным нам материалам, купцами выступали туркмены-иомуды, привозившие для продажи на базарах Хивы войлоки — *текенемад*, попоны, квасцы и др., и хивинские купцы, среди товаров которых были железо, чугунные котлы, свинец, стекло, бараньи кожи — *меши*, ткани (заграничная кисея — *дака ференги*), сахар, горный воск — *корамум* и др. Из ДЕРЕГЕЗА хивинские купцы везли опий — *тарьяк*, бирюзу и т. д.³¹

В 1894 г. царское правительство в целях создания более благоприятных условий для торговли изделиями русской фабрично-заводской промышленности приняло меры для сокращения доступа на среднеазиатские рынки товаров англо-индийской промышленности и изделий других соседних стран. Базары стали заполняться русскими товарами, торговля изделиями сопредельных стран значительно сократилась, а скупка сырья шла по другим каналам.³²

С 70-х гг. XIX в. значительно возрастает количество выращиваемого хлопка, что видно из следующих цифр. В 1911 г. сбор его составлял 739 тыс. пудов, а в 1912 г. — 887 тыс. пудов.³³ Вывоз хлопка из Хивы в 1914 г. равнялся 1280 тыс. пудов, в 1915 г. — 1740 тыс. пудов.³⁴ Хлопок превратился в первостепенную статью экспорта ханства, в чем нельзя не увидеть одно из проявлений колониальной политики царизма.

Таким образом, местные базары были важны как средоточие товарного обращения в пределах хакимств, т. е. небольших округов — *табий* и городов. Они были местом деловых встреч и личного общения. Вместе с тем они способствовали товарному обращению ханства в более крупных масштабах — в пределах оазиса и вне его, включая торговлю с кочевой степью и соседними странами (Россия, Бухара, Туркмения, Иран, Афганистан).

Итак, базары интересны для нас не только как пункты обмена, что само по себе весьма существенно в процессе производства и воспроизводства, в общественном разделении труда. Они одновременно являлись местом непосредственных контактов и в рамках данного этноса с иными социально-этническими общностями.

Хивинское ханство постепенно стягивалось в интенсивное товарно-денежное обращение, в громадный рынок сбыта промышленных предприятий русской империалистической буржуазии.

²⁷ Иванов П. П. Архив хивинских ханов, с. 133.

²⁸ Россия, т. XIX, с. 550.

²⁹ Иванов П. П. Архив хивинских ханов, с. 134—135.

³⁰ Россия, т. XIX, с. 551.

³¹ Иванов П. П. Архив хивинских ханов, с. 136—137.

³² Россия, т. XIX, с. 550.

³³ Там же, с. 859.

³⁴ Юферов В. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925, с. 139.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИЭАН — Институт этнографии АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИЭ — Ленинградское отделение Института этнографии
МАЭ — Материалы археологии и этнографии
МРСА — Материалы по районированию Средней Азии
РГО — Русское географическое общество
САГУ — Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЦГА — Центральный государственный архив УзССР (Ташкент)
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Общие сведения	5
II. Распространение поливного и неполивного земледелия	9
III. Ирригация и ирригационные сооружения	12
IV. Земледелие	26
Огородничество и бахчеводство	47
Садоводство и виноградарство	51
V. Животноводство	54
VI. Пути сообщения и средства передвижения	78
VII. Торговля	91